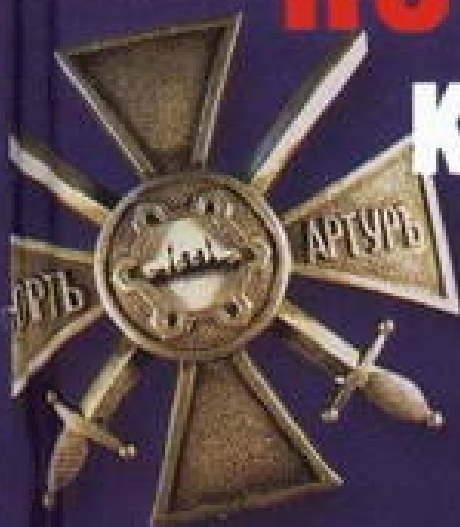

Морская летопись

**СТРАСТИ ПО АДМИРАЛУ
КЕТЛИНСКОМУ**

СТРАСТИ ПО АДМИРАЛУ КЕТЛИНСКОМУ

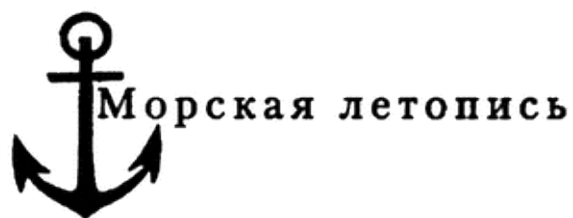
В.В. Шигин

Annotation

Новая книга известного российского писателя-мариниста, капитана 1-го ранга В. Шигина посвящена событиям Первой мировой войны и 1917—1918 годов на Русском Севере. В центре повествования личность незаурядного флотского офицера контр-адмирала К.Ф. Кетлинского. До настоящего времени имя Кетлинского окружено завесой умолчания. И сегодня историки яростно спорят о роли Кетлинского в событиях 1917 года в Мурманске. Завесой тайны окружена и трагическая смерть контр-адмирала, как и предшествующая ей попытка взрыва крейсера «Аскольд» в Тулоне, имевшая трагические последствия для судьбы героя книги.

- [В.В. Шигин](#)
 -
 - [Глава первая.](#)
 - [Глава вторая.](#)
 - [Глава третья.](#)
 - [Глава четвертая.](#)
 - [Глава пятая.](#)
 - [Глава шестая.](#)
 - [Глава седьмая.](#)
 - [Глава восьмая.](#)
 - [Глава девятая.](#)
 - [Глава десятая.](#)
 - [Глава одиннадцатая.](#)
 - [Глава двенадцатая.](#)
 - [Глава тринадцатая.](#)
 - [Глава четырнадцатая.](#)
 - [Глава пятнадцатая.](#)
 - [Глава шестнадцатая.](#)
 - [Глава семнадцатая.](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
-

В.В. Шигин
СТРАСТИ ПО АДМИРАЛУ
КЕТЛИНСКОМУ

«Вече», 2014

*Моим сыновьям, Петру и Владимиру, с верой во все
самое лучшее посвящаю эту книгу*

Странное дело, но после смерти герой нашего повествования стал объектом столь яростных споров не только среди историков, но и среди литераторов, которые он вряд ли мог себе и представить. Даже сегодня, спустя почти столетие, историки и писатели продолжают ломать копья в нескончаемом споре о том, кем на самом деле был этот человек. Даже писать о нем долгое время было небезопасно, ибо любая попытка непредвзято оценить деятельность этого человека могла обернуться травлей и поломанной судьбой. Впрочем, в последнем его вины уже не было...

Глава первая.

ШЛЯХТИЧ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

Кетлинский — фамилия польская. Казимир Филиппович Кетлинский (по-польски она звучит как Китлинский) родился в польском городке Могилев-Подольский в 1875 году. Происходил Кетлинский из мелкопоместных польских шляхтичей. Из его послужного списка известно, что записан он был католиком и что он прекрасно владел французским, английским, немецким и польским языками. Отец нашего героя был провинциальным врачом и практиковал в городке Закопане, что в Татрах, имея небольшой домик с мезонином. Уже когда сын вышел в офицеры, Кетлинский-старший погиб под снежной лавиной по дороге к больному в горную деревушку. Мать, оставшись одна, жила тем, что сдавала пару комнат приезжавшим поправить здоровье в горы больным чахоткой, кормила и ухаживала за ними. Более подробных сведений о предках нашего героя нет. И это при том, что его дочь впоследствии стала известной советской писательницей. Но, увы, времена были таковы, что афишировать свое дворянское происхождение, да еще с древним генеалогическим древом, в ту пору было, мягко скажем, не принято. Известно лишь то, что через свою младшую сестру, Изу, Казимир Кетлинский являлся шурином генерала Мариуса Зарушевского, будущего основоположника польского парусного спорта.

Тот факт, что родители отдали Казимира в Морской корпус, говорит о том, что семья Кетлинских была вполне лояльна к царскому режиму и не страдала польским национализмом и русофобством.

В 1895 году гардемарин Кетлинский заканчивает корпус пятнадцатым по успеваемости из девяноста выпускников и получает мичманский чин. Это характеризует Кетлинского как весьма неглупого и способного к наукам юношу. Приведем лишь тот факт, что Кетлинский прекрасно разговаривал на английском, французском и немецком, не говоря уже о польском языках.

Время выпуска из Морского корпуса Кетлинского было для молодых флотских офицеров на редкость интересным. Каждый год на отечественных стапелях спускались все новые и новые броненосцы и крейсера, наши эскадры бороздили Мировой океан, а совсем недавно Андреевский флаг был поднят даже в далеком, экзотическом Порт-Артуре.

Впрочем, вначале Кетлинскому «не повезло», и он попадает служить на корабли учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота. В состав отряда входили весьма устаревшие корабли, которые обычно даже не выходили за пределы Финского залива. Это, конечно же, не могло понравиться молодому амбициозному офицеру. Зато именно на кораблях учебно-артиллерийского отряда отрабатывались все новейшие приемы артиллерийской стрельбы, испытывались новые виды боеприпасов. Именно здесь готовили и высококлассных артиллеристов. Тот факт, что свою службу молодой мичман начал именно с глубокого изучения артиллерийского дела, которое впоследствии не только принесет ему почти всемирную известность, но станет самым любимым делом всей его жизни, говорит о том, что с первым назначением Кетлинскому на самом деле откровенно повезло.

После окончания обучения в учебно-артиллерийском отряде Кетлинский был отправлен для продолжения службы на Черноморский флот. Служил артиллеристом на броненосцах. Вначале на «Чесме», а затем и на «Георгии Победоносце».

Судя по всему, молодой мичман весьма неплохо зарекомендовал себя в первые годы службы, стал неплохим артиллерийским офицером, так как в 1900 году был послан в США в числе наблюдающих за достройкой эскадренного броненосца «Ретвизан» в должности младшего артиллериста. Думается, что это было также большой удачей для мичмана. Флотские офицеры знают, насколько важно для профессионального роста попасть на достраивающийся корабль новейшего проекта, имея время и возможности до деталей изучить все тонкости устройства корабля под руководством его конструкторов и строителей. С командиром «Ретвизана» капитаном 1-го ранга Щенсновичем (по кличке Идальго) у Кетлинского с самого начала сложились самые добрые отношения. Думаю, что, помимо самого серьезного отношения молодого мичмана к своим обязанностям и его рвения к службе, в этом свою роль сыграло и то, что оба они были поляками.

С 1900 года, к огромной радости всех офицеров флота и, безусловно, весьма небогатого Кетлинского, было повышено денежное содержание офицерского состава. Отныне, по новому положению, мичмана на Балтийском и Черноморском флотах получали от 76 до 106 рублей в месяц, а в заграничном плавании — от 129 до 144. Это были весьма неплохие деньги. Что касается команды «Ретвизана», то хотя сам броненосец еще достраивался, но так как достраивался он в США, то команда получала денежное содержание, как находящаяся в заграничном плавании.

В марте 1902 года на «Ретвизане» был поднят Андреевский флаг и корабль начал свою первую кампанию. К этому времени он был уже полностью укомплектован офицерами и командой.

30 апреля броненосец начал переход на Балтику, зайдя для пополнения запасов угля во французский Шербур. А через несколько дней после выхода из Шербура на броненосце произошла трагедия. При попытке развить полный ход в одном из котлов лопнула трубка. Паром обварило шесть человек, трое из которых скончались. Тогда-то в кают-компании броненосца заговорили о том, что происшедшая трагедия — это знак свыше, предостерегающий, что и сама жизнь корабля в российском флоте будет недолгой...

В Кронштадте новый броненосец посетил император Николай Второй, а затем «Ретвизан» перешел в Ревель, где участвовал в грандиозном параде по случаю встречи русского и германского императоров. К этому времени Кетлинский провел в морях положенные для получения следующего чина 40 месяцев и стал лейтенантом

Почти сразу же по прибытии «Ретвизана» на Балтику Кетлинский по личной просьбе отправляется на краткосрочные артиллерийские офицерские классы при учебно-артиллерийском отряде. На первый взгляд это было странно, ведь он не так давно покинул этот же самый учебно-артиллерийский отряд. Однако логика в поступке Кетлинского была. На новых кораблях в это время активно устанавливали новейшие, достаточно сложные системы централизованного управления стрельбой, а потому крайне необходимы были специалисты, умеющие ими квалифицированно пользоваться. Известно, что в это время артиллерийский офицерский класс из-за перегрузки учебно-артиллерийского отряда стрельбами учеников-комендоров и недостатка штатных офицеров не обеспечивал полной практической подготовки слушателей к управлению стрельбой. Однако определенные теоретические и практические знания и навыки там Кетлинский все же получил.

Помимо профессионального роста, как мне, кажется, поступая на учебу в артиллерийский класс, Кетлинский преследовал еще одну важную для себя цель. В начале XX века, когда революционное брожение в России снова начало усиливаться, одной из головных болей для царского правительства стали Польша и поляки, в среде которых набирали популярность не только революционные, но и националистические взгляды. Присутствовали такие взгляды и в среде офицеров польского происхождения. По этой причине к офицерам-полякам в российской армии и на флоте относились с известной долей недоверия и в своей карьере они

порой заметно отставали от других своих сослуживцев. Вне сомнений, что все это было прекрасно известно Кетлинскому. А так как он к тому же не имел и влиятельных родственников, то у молодого лейтенанта оставалась единственная возможность для успешной карьеры — освоить избранную специальность так, чтобы она гарантировала ему полное превосходство над конкурентами, сделав его незаменимым как специалиста. Обратим внимание и на то, что не так-то просто откомандировать на учебу офицера с находящегося в кампании новейшего корабля, к которому приковано все внимание начальства и на котором все еще продолжается освоение новой техники. Думается, что в поступлении на учебу в артиллерийский класс помог Кетлинскому командир броненосца Щенснович, проявивший при этом «польскую солидарность».

После окончания классов Кетлинский получил квалификацию артиллерийского офицера высшего, 1-го разряда. Теперь он имел право на должность уже не младшего, а старшего артиллерийского офицера корабля 1-го ранга. Разумеется, командир «Ретвизан» Щенснович сделал все возможное, чтобы вернуть грамотного офицера. Возможно, отпуская Кетлинского на учебу, он заранее выдвинул ему условие о возвращении именно на «Ретвизан». Впрочем, вряд ли наш герой мог найти себе место лучше — знакомый до заклепки корабль, знакомая техника, знакомые матросы и друзья-офицеры, благожелательно настроенный командир — служи, не хочу! И Кетлинский возвращается на «Ретвизан», причем уже в положенной ему по статусу должности старшего артиллерийского офицера. Это было серьезным повышением по службе и являлось хорошим заделом для будущей карьеры.

До конца лета на «Ретвизане» продолжались доводка механизмов и установка оборудования, установка радиостанции. Немало забот было и у Кетлинского, который занимался в это время установкой и освоением 75-мм орудий. В сентябре «Ретвизан» провел стрельбы главным калибром и вспомогательной артиллерией. Все артиллерийские системы действовали безукоризненно, да и точность стрельбы вышколенных Кетлинским артиллеристов была неплохой. Довольным стрельбой остался не только Щенснович, но и присутствовавший на стрельбах адмиралитет. Профессиональная деятельность Кетлинского получила первую высокую оценку.

А затем ввиду нарастания напряженности в отношениях с Японией «Ретвизан» вместе с броненосцем «Победа», крейсерами «Богатырь», «Диана» и «Паллада» стали спешно готовить к переходу на Дальний Восток. 21 сентября командующий отрядом контр-адмирал барон Э.А.

Штакельберг поднял на «Ретвизане» свой флаг. Спустя несколько дней эскадра взяла курс к дальневосточным берегам. На переходе через три океана «Ретвизан» показал себя с лучшей стороны и прибыл на Дальний Восток без каких-либо повреждений.

По прибытии командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Старк провел на корабле артиллерийские стрельбы, чтобы определить уровень боевой подготовки «Ретвизана». И опять Кетлинский оказался на высоте, поразив все артиллерийские плоты с натянутым на них брезентом.

Признанием заслуг старшего артиллериста «Ретвизана» стало его награждение первым орденом—орденом Святого Станислава 3-й степени в декабре 1903 года. Орден Станислава являлся самым младшим в иерархии российских орденов, его получали практически все офицеры, выслужившие установленный срок службы и не имевшие нареканий от высшего начальства. И все же, думается, своему первому ордену Кетлинский был рад.

Из дневника сослуживца Кетлинского по «Ретвизану», старшего минно-артиллерийского содержателя А.А. Денисова Взволнованно и раздраженно Денисов описывает, как он вместе с лейтенантом Кетлинским «добивался изготовления приборов для наведения орудий, так как имеющиеся у орудий часто ломаются. А запасных не имеется»: «Несмотря на всю их важность и на то, что «война на носу» наряд на выделку их был дан после переписки, длившейся около месяца, и после двукратных личных просьб у идиота, главного артиллериста подполковника Трофимова, который, не понимая важности вопроса и будучи всецело преданный формализму, твердил одно и то же: «По штату не положено»». Что и говорить, болел за свое артиллерийское дело лейтенант Кетлинский!

Особенно много времени в это время у Кетлинского отнимала отработка системы управления централизованной стрельбой. Дело это было по тем временам новое, однако весьма перспективное, так как сулило настоящую революцию в организации морского боя. На «Ретвизане» система управления централизованной стрельбы включала в себя дальномер Барра и Струда, микрометры Люжоля, позволявшие достаточно точно определять дистанции по углу к высоте мачт корабля противника. Затем замеренная дистанция должна была поступать в боевую рубку на главный дальномерный циферблат, где уже старший артиллерийский офицер выставлял на специальном циферблате ту осредненную дистанцию, какую он считал правильной. Там же, в боевой рубке, находились и боевой указатель, определяющий курсовой угол цели, и снарядный циферблат, указывающий тип снаряда. Вся эта информация с помощью синхронной

электрической связи поступала от старшего артиллериста на принимающие циферблаты в башнях, батареях и погребах. Система централизованного управления стрельбой требовала не только высокой квалификации и офицеров, и матросов, но еще и высокой согласованности в их действиях. К тому же система центрального управления еще только внедрялась, а потому была весьма несовершенной и очень капризной. Часто происходили различные сбои, нередко были и короткие замыкания, которые выводили всю систему из строя. Да и образованность матросов желала много лучшего. Больше половины комендоров не знали десятичных дробей, а потому не могли даже правильно пользоваться таблицами стрельбы. По этой причине забот у старшего артиллериста «Ретвизана» хватало. Надо было быть не только командиром, рационализатором, но и учителем. И здесь Кетлинский показал себя как настоящий новатор. Еще на переходе от Кронштадта в Порт-Артур в свободное от службы время он начал конструировать специальный прибор для обучения комендоров, самих же подчиненных усиленно обучал общей грамоте, и прежде всего математике.

Идея «прибора Кетлинского» (под таким названием он стал известен на кораблях Тихоокеанской эскадры) заключалась в том, что непосредственно перед орудием устанавливался щит, изображающий цель, а к стволу орудия крепились электромагнит и шпилька, делающая укол в щите при замыкании контакта после прицеливания. К сожалению, этот прибор был изготовлен в единственном экземпляре и оказать серьезного влияния на уровень подготовки артиллеристов всей эскадры не мог. И все же на «Ретвизане» стреляли лучше, чем на каком-либо другом корабле эскадры. В этом была несомненная заслуга лейтенанта Кетлинского.

В августе 1903 года эскадра перешла во Владивосток, где все броненосцы прошли докование. Что касается «Ретвизана», то он настолько пришелся по душе Старку, что тот часто держал на нем свой флаг. В конце октября в целях экономии средств броненосец был выведен в вооруженный резерв.

Между тем внешнеполитическая обстановка на Дальнем Востоке ухудшалась с каждым днем Япония уже открыто провоцировала вооруженный конфликт с Россией. В этих условиях «Ретвизан» был снова выведен из вооруженного резерва. 19 января 1904 года во время прилива большие корабли вышли на внешний рейд Порт-Артура. Затем эскадра отправилась к полуострову Шангунг, отрабатывая совместное маневрирование, а затем вернулась в Порт-Артур.

Этот выход русской эскадры «в неизвестном направлении» вызвал настоящую панику в Японии. Опасаясь нарушения своих планов начала

войны, там решили, не теряя времени, спровоцировать ее самим, не дожидаясь упреждающего хода северного соседа. 22 января последовал разрыв дипломатических отношений с Россией, а на следующий день командующий Соединенным флотом Японии вице-адмирал Того получил приказ о начале боевых действий против России.

Весьма любопытен в дневнике А.А. Денисова разговор между Кетлинским и мичманом С.В. Шереметевым с крейсера «Паллада». Офицеры всего за несколько часов до нападения японцев на Порт-Артур шли на катере на стоявшие на внешнем рейде корабли. Все обсуждали новость — срыв русско-японских переговоров и отзыв японского посла из Петербурга. По воспоминаниям Денисова, Кетлинский сказал буквально следующее:

«Япония во что бы то ни стало желает войны и начнет ее теперь немедленно, а отзывание посланника нужно понимать как объявление войны, и других объявлений было бы ожидать глупо. Ну, рассудите, неужели японцы настолько рыцарски вежливы, что придут к нам на рейд и пришлют объявление — вот-де мы вызываем вас, господа русские, на бой — давайте драться! (все бывшие на катере засмеялись). Нет, — продолжал Кетлинский, — ждать еще каких-то объявлений было бы преступно глупо, теперь нам немедленно нужно напасть на их флот или же ждать начала войны со стороны японцев, но ждать в полной боевой готовности и со всевозможными предосторожностями...»

Мичман Шереметев, по словам Кетлинской, считал, что японцы без предварительного объявления войны напасть не решатся. При этом он сообщил, что наместник все же приказал сегодня ночью выйти в море двум крейсерам «Палладе» и «Диане».

«— Ага, следовательно, наконец, и наши правители начинают сознавать серьезность положения, — отвечал Кетлинский, — Ну, а в отношении сетевого заграждения ничего не слышно, сегодня не придется его ставить?»

— Нет, сети ставить наместник запретил, потому что этим мы покажем японцам, что мы их боимся...»

Крейсера, как известно, в дозор так и не были посланы. Последствия этого были роковыми...

Глава вторая.

ПОРТ-АРТУРСКАЯ СТРАДА

Первый удар был нанесен японскими эсминцами в ночь на 27 января. Несмотря на разрыв дипотношений, на нашей эскадре не были предприняты даже элементарные предосторожности: корабли стояли на внешнем рейде, часть из них была освещена, а противоторпедные сети выставлены не были.. В таких условиях успех японцев был скромным — они лишь повредили торпедами броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада». Наши корабли открыли ответный огонь, чем сорвали все последующие атаки.

На «Ретвизане» приближающиеся японские миноносцы в свете прожектора обнаружил вахтенный начальник, лейтенант Развозов, который и подал сигнал «отражение минной атаки». Однако головной японский эсминец «Сиракумо» уже выпустил торпеду, которая поразила броненосец. Удар пришелся в носовую часть левого борта. Вода моментально затопила помещение подводных торпедных аппаратов. Из находившихся там шести человек спастись удалось лишь одному. Во внутренних помещениях «Ретвизана» погас свет, вода продолжала заливать носовые отсеки, из-за чего броненосец оседал носом и кренился на левый борт.

Командир «Ретвизана», разбуженный взрывом, выбежал вверх уже в разгар боя. На броненосце пробили водяную тревогу. И тогда, не дожидаясь приказа, лейтенант Кетлинский на свой страх и риск приказал затопить патронные погреба правого борта, что оказалось весьма своевременной мерой, предотвратило возможную детонацию боезапаса и помогло уменьшить крен. В своем докладе по итогам этого первого боя Щенснович признал действия Кетлинского не только весьма своевременными, но и единственно верными.

Из дневника старшего минно-артиллерийского содержателя А.А. Денисова об атаке «Ретвизана»: «Господа офицеры отличались от матросов еще большим испугом и растерянностью и были похожи больше на барышень в мундирах, чем на мужчин... Но не могу сказать, что все они были негодяи и бездарные трусы, были действительно исключения... Крен в это время достигал 10 градусов, и на палубе стоять было невозможно. Вода достигла до открытых пушечных портов левого борта и готовилась хлынуть в них, после чего наша гибель была бы неизбежна. Но в это время

лейтенант Кетлинский совместно со старшим комендором Спрудисом уже принимали меры предотвращения этой опасности путем затопления патронных погребов правого борта».

Из послужного списка К.Ф. Кетлинского: «Награжден золотую саблейю с надписью «За храбрость» за проявление особого мужества во время внезапной минной атаки на эскадру Тихого океана 26 и в бою 27 января 1904 г.».

Когда неприятельские миноносцы были отогнаны, поврежденный «Ретвизан» двинулся на внутренний рейд. Однако пройти по фарватеру не удалось: полузатопленный корабль плохо слушался руля. В результате рыскания броненосец сел носом на мель на входе в гавань, застряв прямо поперек фарватера.

Утром 27 января у Порт-Артура появились уже главные силы японского флота. Наша эскадра немедленно снялась с якорей и вышла навстречу противнику, несмотря на серьезный перевес того в силах. Японцы, не приняв боя, ушли. Сидевший на мели «Ретвизан» почти не участвовал в этом бою, сделав всего два выстрела.

Сразу снять броненосец с мели не удалось, и он некоторое время защищал рейд в качестве своеобразного плавучего форта. От возможных повторных торпедных атак корабль прикрыли противоминными сетями.

В ночь на 1 февраля, пользуясь сильным снегопадом, японские миноносцы попытались произвести разведку рейда, но были отогнаны точным огнем «Ретвизана».

В ночь с 10 на 11 февраля японцы попытались перегородить выход из порт-артурской гавани с помощью брандеров, поддерживаемых эсминцами. Японский эсминец «Кагеро» атаковал неподвижный «Ретвизан», но был отогнан огнем с броненосца и промахнулся торпедой. Затем были успешно отогнаны еще три атаковавших эсминца. В это время появились и японские брандеры. Три из них были уничтожены береговыми батареями. Однако два прорвались и устремились прямо на «Ретвизан», намереваясь его таранить. Оба были тут же расстреляны Кетлинским и выбросились на прибрежные камни, так и не выполнив своей миссии.

За этот бой, предотвративший закупорку эскадры в Порт-Артуре, капитан 1-го ранга Щенснович получил орден Георгия 4-й степени, а лейтенант Кетлинский — золотую саблю с надписью «За храбрость». Формулировка при награждении была следующая: «За успешное отражение неприятельских миноносцев и потопление пароходов-брандеров в ночь на 11-е февраля сего года, имевших целью взорвать броненосец «Ретвизан»».

Затем было прибытие в Порт-Артур вице-адмирала Макарова. Казалось, все еще может наладиться.

* * *

В качестве плавбатареи на входе в гавань «Ретвизан» прослужил целый месяц, пока его наконец не отбуксировали на ремонт в Порт-Артур.

9 марта японцы предприняли попытку перекидного обстрела гавани через горный мыс Ляотешань. Ответный огонь по врагу незамедлительно открыли огонь броненосцы «Победа» и «Ретвизан», причем стреляли по невидимой цели. Тогда это было ново. Стрельба Кетлинского была просто изумительной. Уже третий и четвертый залпы «Ретвизана» взяли японский броненосец «Фудзи» в вилку, а после разрыва 305-мм снаряда в нескольких метрах от борта японцы предпочли за лучшее ретироваться. Батарея 152-мм орудий броненосца по предложению Кетлинского огня не открывала, чтобы раньше времени не отогнать врага от минного заграждения.

За это Кетлинского лично отметил вице-адмирал Макаров, написавший в приказе по эскадре: «Стрельба наша была настолько меткой, что снаряды ложились близ неприятельских судов, а один из них попал в «Фудзи», что и заставило неприятеля прекратить бомбардировку».

Историк Ю.В. Грибовский в статье «Катастрофа 31 марта 1904 года (гибель броненосца «Петропавловск»)» так писал об этом эпизоде обороны Порт-Артура: «Безнаказанная бомбардировка японцев вызвала энергичные ответные меры нового командующего флотом. Они выразились в усилении обороны Порт-Артура с морского направления затоплением пароходов для защиты выходного фарватера, установкой новых береговых батарей, организацией траления и так называемой «перекидной» стрельбы с броненосцев, находящихся на внутреннем рейде. В последнем случае проявилось присущее Макарову умение прислушиваться к мнению подчиненных и использовать их творческие предложения. Инициаторами «перекидной» стрельбы, позволявшей результативно отвечать на бомбардировку японского флота, выступили старший артиллерист «Ретвизана», лейтенант К.Ф. Кетлинский и командир этого броненосца капитан 1-го ранга Э.Н. Щенснович. Обдумав и утвердив их идеи, адмирал предоставил исполнителям «зеленую улицу» в решении технических и организационных вопросов стрельбы. Уже 7 марта он специальным приказом установил порядок действий на случай появления противника. По сигналу «...принять бой на якор» японской бомбардировке должны были

ответить броненосцы с наиболее дальнбойной артиллерией, «Пересвет» и «Победа», а также «Ретвизан», на который возлагалось управление стрельбой. 9 марта во время второй бомбардировки Порт-Артура японские броненосцы «Фудзи» и «Ясима» сами попали под огонь «Ретвизана» и «Победы». После накрытия одним из залпов (всего русские выпустили 29 снарядов) противник поспешил прекратить бомбардировку и отойти».

Заметим, что Кетлинский несколько раз упоминается в знаменитом романе А. Степанова «Порт-Артур», причем упоминается исключительно положительно.

31 марта при выходе на рейд флагманский броненосец «Петропавловск» подорвался на минной банке и затонул. При этом погибли вице-адмирал Макаров и большинство офицеров его штаба. В числе других на «Петропавловске» погиб и флагманский артиллерийский офицер эскадры капитан 2-го ранга А.К. Мякишев. На эскадре воцарилось всеобщее уныние.

Прибывший в Порт-Артур после гибели Макарова наместник адмирал Алексеев первым делом сформировал новый штаб эскадры. Оценив несколько кандидатов на должность флагманского артиллериста, он остановился на лейтенанте Кетлинском как на специалисте, наиболее соответствующем столь ответственной должности. На этом для Кетлинского закончилась его служба на «Ретвизане» и началась служба в должности флагманского артиллериста морского походного штаба наместника на Дальнем Востоке. Разумеется, что такое повышение для молодого лейтенанта было весьма лестным, однако и ответственность возлагалась огромная. Одно дело — руководить артиллерией одного корабля, и совсем иное — целой эскадры, да еще сразу в боевых условиях, когда не может быть права на ошибку. В это время Кетлинский знакомится и с флаг-капитаном наместника капитаном 1-го ранга Эбергардом. Знакомство это сыграет впоследствии огромное значение в жизни нашего героя, определив окончательный вектор его судьбы.

Наиболее дружеские отношения в этот период сложились у Кетлинского со средним из братьев Черкасовых — Василем. Тот служил старшим артиллеристом на броненосце «Пересвет» и был у Кетлинского, что называется, «правой рукой». Старший из братьев, Анатолий, совсем недавно погиб в Кронштадте при испытаниях подводной лодки «Дельфин», а младший, Петр, служил там же в Порт-Артуре на миноносце «Властный».

Вскоре японцы начали высадку десанта буквально в сотне километров от Порт-Артура. Наместник Алексеев немедленно выехал в Мукден, поручив эскадру до прибытия ее нового командующего, вице-адмирала

Скрыдлова начальнику своего походного штаба контр-адмиралу Витгефту. Назначенного новым начальником штаба заместника Эбергарда Алексеев забрал с собой. Что касается Витгефта, то при вступлении в должность он многозначительно сказал своим штабным офицерам: «Жду от вас, господа, не только содействия, но и совета. Я — не флотоводец...»

А обстановка у Порт-Артура быстро менялась в худшую сторону. Всего в 60 милях от главной базы флота шла ускоренная высадка противника. Все ждали атаки десантных сил.

Однако контр-адмирал Витгефт, поднявший свой флаг на броненосце «Севастополь», вместо того чтобы хоть какого противодействовать японскому десанту, созвал совещание флагманов в командиров кораблей и вместо плана ожидавшейся атаки предложил собравшимся обсудить... план разоружения эскадры с целью усиления сухопутной обороны крепости.

Участвовал Кетлинский и на совместном совещании с сухопутным командованием, где было решено флоту всеми силами содействовать сухопутной обороне Порт-Артура, оставив на броненосцах лишь 305- и 254-мм пушки для «перекидной» стрельбы, а остальные снять вместе с личным составом на береговые батареи.

Всего Кетлинскому было приказано снять с кораблей 12 152-мм и 22 75-мм орудий. Но это было только начало... Уже через три дня адмирал Витгефт телеграммой доложил заместнику, что на сухопутные батареи флотом передано и устанавливается 20 152-мм и 34 75-мм орудий. Корабли разоружались с невероятной быстротой.

Адмирал Витгефт, будучи опытным штабным работником, не мог не понимать, что только полное и безраздельное господство над морем японского флота делало возможным какие-либо активные действия японских экспедиционных армий в Маньчжурии и на Квантуне. Не мог он не понимать и то, что его действия, обрекая эскадру на бездействие, самым катастрофическим образом сказываются на ее боеготовности. Снятие орудий с кораблей подействовало на матросов и офицеров угнетающе. Думается, что Кетлинский да и другие флагманские специалисты не раз говорили об этом командующему, но, увы, безрезультатно.

Тем временем Кетлинский вместе с артиллерийским инженером, полковником Шульцем догадались наведаться в береговой флотский арсенал, где, к своему удивлению, обнаружили вполне пригодные 210-мм и 120-мм орудия, которые после небольшого ремонта и были установлены на береговых батареях. В обмен на это Кетлинскому удалось вернуть с фортов часть 152-мм орудий на броненосцы.

1 мая минный заградитель «Амур» под командованием капитана 2-го ранга Иванова скрытно поставил на пути движения японской эскадры минное заграждение, на котором на следующий день подорвались и затонули сразу два японский броненосца, «Хацусе» и «Яшима».

Известие о подрыве на минном заграждении сразу двух японских броненосцев вызвало на эскадре небывалый боевой порыв. И матросами, и офицерами овладело мгновенное и иступленное желание выйти на рейд и вступить в бой с неприятелем «На рейд! На рейд! Раскатать остальных! — кричали и бесновались кругом, вспоминал очевидец. — Как я верил тогда, так верю и теперь — их бы «раскатали»!»

Но Витгефт ограничился высылкой в море лишь двух отрядов миноносцев, которые были легко отогнаны огнем японских крейсеров.

К середине мая обстановка под Порт-Артуром резко осложнилась. Японская армия вышла на подступы к крепости. Возник вопрос о задачах флота в условиях осады. К этому времени поврежденные броненосцы были уже почти отремонтированы.

Ранним утром 10 июня наша эскадра вышла из гавани Порт-Артура. Но надежда командующего застать противника врасплох не сбылась. Японский командующий адмирал Того успел стянуть к Порт-Артуру все возможные силы. И хотя преимущество японцев было минимальным — четыре броненосца и четыре броненосных крейсера против шести русских броненосцев и одного броненосного крейсера, — в момент, когда эскадры уже сблизилась и готовы были открыть огонь, Витгефт приказал повернуть обратно. Адмирал Того тоже счел за лучшее не преследовать противника и отвернул в открытое море.

* * *

Изменившаяся ситуация заставила командующего эскадрой созвать в этот день совещание. Из трех поставленных на обсуждение вариантов действия эскадры — прорыв во Владивосток, поиск японского флота и решительное с ним сражение, содействие всеми имеющимися силами сухопутной обороне — был избран последний. Большинство голосов признавалось, что флот является одним «из главных факторов защиты» крепости, а потому должен принять в ней «самое активное участие». Прорываться же во Владивосток и вступить в бой с противником, не считаясь с его численностью, надо лишь в крайнем случае, «когда наступит необходимый момент». На непременно выходе флота настаивал лишь

командир броненосца «Севастополь» капитан 1-го ранга Н.О. Эссен.

15 мая по праву старшего соплавателя к В.К. Витгефту обратился старший офицер крейсера «Диана» В.И. Семенов. В своей записке он, хотя и оправдывал передачу корабельных пушек для усиления сухопутной обороны, провидчески указывал на неизбежность гибели флота, если он свяжет свою судьбу с судьбой осажденной крепости.

Другую записку (для обсуждения на совещании 20 мая) подготовил флагманский штурман лейтенант Н.Л. Азарьев. В своей записке он высказывался за прорыв во Владивосток.

В.К. Витгефт этой записки на совещании не огласил, но на новом совещании высших чинов флота 23 мая Н.О. Эссен в своем, оказавшемся единственным особом мнении снова подчеркнул, что «события не ждут, терять драгоценное время не следует». Вопреки общему решению выходить по готовности всех кораблей он считал, что «выходить надо немедленно». «Полагаю, что даже выход неполной нашей эскадры повлияет на ход событий и задержит движение японской армии». Подводя итоги прошедших совещаний, флагманский артиллерист эскадры лейтенант К.Ф. Кетлинский в записке на имя командующего от 31 мая 1904 года призывал отрешиться от всех частных задач, покончить с пренебрежительным отношением к японцам, признав в них серьезного и умелого противника, и сосредоточить все усилия на глобальной задаче овладения морем. Для этого надо «собраться с силами», «вооружить полностью все боевые суда» и, насколько позволит время, подготовиться к предстоящим вскоре действиям. Так, на заканчивающей ремонт «Победе» из всей артиллерии (не считая башенных орудий) осталось лишь пять 75-мм Две 6” (“ — знак, обозначающий дюймы) пушки можно вернуть с батареи литеры Б, установить еще 8 6”, 15 75-мм и 10 47-мм. Всего на корабле эскадры требовалось вернуть 18 6”, 31 75-мм и 20 47-мм пушек.

При этом К.Ф. Кетлинский напомнил о том, «как скоро забывается то, чему учились... Конечно, создать эскадру в неделю нельзя, но пока приводится в порядок материальная часть, многое можно сделать вчерне». Записка содержала и перечень орудий, которыми можно пополнить вооружение кораблей, и сопоставление сил, которое при бое на отступлении даже при наиболее полном составе японского флота, который принимал Витгефт (4 броненосца, 6 броненосных крейсеров, 5 крейсеров 2-го класса), обеспечивало их практическое равенство: по 10 12” и 10” пушек; 45 японских и 42 русские пушки калибра 6” и 8”. Флагманский артиллерист отмечал, что при удачном выборе курса за нашей эскадрой будут большое преимущество в удобствах стрельбы и совсем устранена

минная опасность. «В бой надо идти, но только с такими силами, чтобы это был бой, а не бойня; чтобы на каждое погибшее судно приходилось бы не менее одного японского». В конце записки он делал единственно правильный вывод: «Мы сделали все для Артура, что могли, что должны были сделать, а теперь, когда исправление судов близится к окончанию, мы должны взяться за выполнение главной задачи флота и приложить все усилия, чтобы добиться в этом успеха».

Тем временем японская осадная армия подошла к Порт-Артуру и началась непосредственная осада крепости. Утром 25 июля совершенно неожиданно по эскадре открыла огонь уже японская осадная артиллерия. Первой дуэль с японскими батареями начала «Победа», затем к ней присоединились «Пересвет» и «Ретвизан». В результате несколько орудий противника было подавлено. Однако ответным огнем японцев был накрыт флагманский «Цесаревич» и ранен сам Витгефт.

В тот же день пришел приказ адмирала Алексеева незамедлительно прорываться во Владивосток.

Утром следующего дня адмирал Витгефт собрал флагманов, командиров кораблей и штаб, сообщив, что в ближайшие дни эскадра, согласно высочайшего повеления, эскадра выйдет в море с целью прорыва во Владивосток.

* * *

Утром 28 июля 1904 года Тихоокеанская эскадра вышла на внешней рейд. Свой флаг контр-адмирал Витгефт держал на головном броненосце «Цесаревиче». Там же находился и его штаб. Там же был, разумеется, и Кетлинский. В 9.00 на флагманском «Цесаревиче» был поднят сигнал: «Флот извещается, что Государь Император повелел идти во Владивосток».

Вскоре к востоку от русской эскадры показались главные силы противника во главе с флагманским броненосцем «Миказа». Преимущество было целиком на стороне японцев, но исход боя должен был решить поединок главных сил, где силы противников были почти равны.

Первым в 12.20 открыл огонь по «Цесаревичу» японский броненосный крейсер «Ниссин», через несколько минут ему ответил «Пересвет». Так начался бой, который вошел в историю как бой в Желтом море.

Первое время, довольно удачно уклоняясь от маневров японского флота, Витгефт упорно держал курс в Корейский пролив. Наши корабли успешно стреляли, поражая противника. В ответ им тоже доставалось. Так,

головной «Цесаревич» получил попадания шести крупнокалиберных снарядов, но ни один из них не пробил брони. Получил некоторые повреждения и «Ретвизан».

В конце концов контр-адмирал Витгефт блестяще переиграл Того в маневре, обеспечив своей эскадре наивыгоднейшие условия стрельбы и открытый путь во Владивосток. Японские броненосцы получили тяжелые повреждения. Но, выйдя из боя и уклонившись вправо, адмирал Того затем поспешил вдогонку уходившей русской эскадре, постепенно ее нагоняя.

К этому времени контр-адмирал Витгефт, убедившись, что концевой броненосец «Полтава» не в состоянии держать установленный 15-узловой ход и что от противника ему не уйти, осознал, что вскоре предстоит новый бой. Собрав на мостике флагманского «Цесаревича» свой штаб, Витгефт поставил перед ним вопрос о возможных вариантах действий эскадры в сложившихся условиях. Большинство офицеров отмолчалось. Тогда слово взял лейтенант Кетлинский. Его предложение было вполне разумным и грамотным. Учитывая выгодное расположение артиллерии на русских броненосцах, позволявшее вести сильный кормовой огонь, и то, что противник находился в роли догоняющего, Кетлинский предложил принять бой на отходе в строю фронта, переведя противника за корму, для чего эскадре надлежало выполнить два поворота на восемь румбов: первый вправо «последовательно» и второй — влево «все вдруг.» При этом русская эскадра получала значительное превосходство в артиллерии, которого она была лишена, ведя бой на параллельных курсах. Как знать, прими тогда Витгефт предложение Кетлинского, и судьба эскадры, а вместе с ней и судьба всей Русско-японской войны могла сложиться совершенно иначе. Но, выслушав своего флагманского артиллериста, Витгефт его предложение отклонил. Командующий желал иного — затянуть начало нового боя до близкой уже темноты, а ночью уже окончательно оторваться от японцев. О том, кто из двоих прав, контр-адмирал или лейтенант, историки спорят до сегодняшнего дня.

Далее события развивались следующим образом. Адмирал Того настиг нашу эскадру к 16 часам, сблизившись с концевой «Полтавой». Около 17 часов «Цесаревич» попал под плотный огонь, получая одно за другим попадания крупнокалиберных снарядов. Адмирал Витгефт, желая сбить пристрелку противника, увеличил ход и отвернул вправо. В это время, видя, что японцы вот-вот накроют броненосец, Кетлинский предложил Витгефту перейти в боевую рубку или хотя бы на верхний мостик, куда меньше залетали осколки. Сославшись на то, что в боевой рубке и без него тесно, Витгефт отказался, заявив, что ему «все равно, где помирать».

Примерно, через 5—10 минут после того, как японцы пристрелялись к «Цесаревичу», взрыв 305-мм снаряда, попавшего в фок-мачту, буквально смел с мостика штаб командующего эскадрой. Тело самого контр-адмирала Витгефта было практически уничтожено взрывом. Осколками снаряда и кусками мачты были убиты: флагманский штурман лейтенант Азарьев, флаг-офицер мичман Эллис, три матроса, ранены флаг-офицеры — лейтенант Кедров, мичман Кушинников. По роковой случайности был ранен и начальник штаба контр-адмирал Матусевич, к которому должно было перейти командование. В момент взрыва он спускался с верхнего мостика с докладом командующему.

Получив сообщение о гибели командующего и ранении начальника штаба, командир «Цесаревича», капитан 1-го ранга Иванов решил «вести бой дальше сам и во избежание могущего быть расстройств» не сообщать эскадре о гибели адмирала.

Но капитан 1-го ранга Иванов не мог, разумеется, заменить командующего, и единственное, что ему оставалось делать, — следовать прежним курсом. Японцы тем временем продолжали нагонять нашу эскадру, неся при этом от нашего огня также большие потери. Так, когда очередной наш снаряд поразил «Миказу», адмирал Того лишь чудом остался жив. Не меньшие потери несли и наши.

Вскоре противники снова сблизилась на дистанцию наиболее эффективного артиллерийского огня. Сражение достигло своей кульминационной точки. Ни одна из сторон все еще не могла получить перевес.

...Солнце уже клонилось к горизонту, и его лучи хорошо освещали русскую эскадру. Ничего похожего на расстройство ее боевого порядка или на тяжелые повреждения кораблей заметно не было. Наши корабли по-прежнему продолжали отвечать огнем на огонь и упорно следовать своим курсом. Было очевидно, что дальнейшее продолжение сражения уже теряло какую-либо перспективу для адмирала Того. Ему пора было выходить из боя...

И тут в ход сражения еще раз вмешался его величество случай. Ход всех дальнейших действий на море, а может и всей войны в целом определило попадание лишь одного снаряда!

В 17.45 в просвет боевой рубки «Цесаревича» ворвался вихрь осколков снаряда крупного калибра, взрыв которого и решил исход боя. Все находившиеся в этот момент в боевой рубке были убиты или ранены. Погибли старший штурманский офицер Драгичевич-Никшич, рулевой старшина, несколько нижних чинов, получили тяжелые ранения и потеряли

сознание командир корабля 1-го ранга Иванов, флагманский артиллерийский офицер лейтенант Ненюков, старший минный офицер лейтенант Пилкин, флагманский артиллерийский офицер Кетлинский и все нижние чины, находившиеся на своих постах. Осколками снаряда был поврежден рулевой привод, а так как за несколько минут до попадания руль был положен немного вправо для удержания корабля на курсе, то броненосец начал описывать циркуляцию.

Все, произошедшее дальше, уже не раз уже описано историками. Потеря флагманским кораблем управления вызвала полный хаос среди наших кораблей. Общее управление было нарушено. Младший флагман контр-адмирал Ухтомский и командиры броненосцев не поняли друг друга, в результате чего эскадра распалась. Большая часть кораблей повернула обратно в Порт-Артур, меньшая направилась в нейтральные порты. На прорыв пошел лишь крейсер «Новик», да и тот смог дойти лишь до южной оконечности Сахалина.

Тем временем оставшиеся в живых офицеры «Цесаревича» собрались на совещание. Писатель А.Н. Степанов в своем знаменитом романе «Порт-Артур» так описал его: «Налетевший туман скрыл броненосец от вражеских взглядов. «Цесаревич» остался один. На норд-осте, в направлении уходящей эскадры, слышалась учащенная стрельба легкой артиллерии. Было видно, что японские миноносцы продолжали преследовать ее.

В наступившей темноте броненосец некоторое время двигался по неизвестному курсу — все компасы на нем были испорчены. Пользуясь временным затишьем, Шумов собрал на мостик старших специалистов корабля, которые все были ранены, и начал советоваться с ними о дальнейшем. При свете ручного электрического фонарика по карте приблизительно определили местонахождение корабля: почти в ста милях к юго-востоку от Артура.

Первым высказал свое мнение флагманский артиллерист лейтенант Кетлинский:

— Я полагаю, что при наличных повреждениях нам до Владивостока не добраться и необходимо вернуться в Артур.

— Сейчас попасть туда еще труднее, чем во Владивосток, так как на подступах к нему нас ожидают десятки японских миноносцев, от которых мы не сможем ни уйти, ни отбиться, — возразил минный офицер лейтенант Пилкин.

— Остается одно — пробираться в нейтральный порт, там починиться, насколько возможно, и затем идти во Владивосток, — решил Шумов.

В наступивших сумерках «Цесаревич» повернул в нейтральный китайский порт Циндао, куда вскоре и пришел. Там броненосец был интернирован до конца войны. Вместе с командой броненосца был интернирован и раненый лейтенант Кетлинский.

Из послужного списка К.Ф. Кетлинского: «Участвовал в сражениях 26 и 27 января, 10 11 и 26 февраля 1904 года, 9 марта, 2 апреля 1904 года, обстреливаниях с моря японских позиций в мае, июне и июле 1904 года, выходе и тралении японских мин 10 июня, в морском бою 28 июня 1904 года, контужен был 26 февраля 1904 года и получил ожоги, 16 мелких ран в бою 28 июля 1904 года».

Там, в Циндао Кетлинский получил горестные известия о падении Порт-Артура и о цусимском погроме, о кровопролитном Мукденском сражении и о революционной смуте в России... К маю 1905 года на «Цесаревиче» из прежнего состава офицеров (люди убывали на лечение после ранений, в отпуск, в командировки, на другие корабли) оставались лишь один представитель штаба, флагманский артиллерист К.Ф. Кетлинский и 12 строевых офицеров. Тот факт, что Кетлинский не воспользовался ранением для того, чтобы бросить корабль и укатить в Россию, делает ему честь. Далекое не все из офицеров остались до конца со своими матросами, особенно штабные. Только после окончания войны лейтенант Кетлинский смог вернуться в Россию.

Глава третья. ПОМНИ ВОЙНУ!

По возвращении из Циндао в Россию Кетлинский прибыл в Петербург. Сразу же после возвращения из Китая он женится. Избранницей бравого лейтенанта стала 22-летняя милая девушка Ольга, дочь флотского офицера, перешедшего на гражданские суда, выпускница бестужевских курсов, романтическая и увлеченная литературой.

Помимо всего прочего, Ольга Леонидовна прекрасно играла на рояле и очень хорошо пела. К занятиям музыкой она относилась очень серьезно и являлась любимой ученицей знаменитого композитора Скрябина. А написанная ей опера «Разбойники» вызвала настоящую сенсацию.

Знакомы они были еще до отъезда Кетлинского на Дальний Восток и теперь, после его возвращения, наконец решили связать свои судьбы.

С новыми назначениями на флоте, который только что потерял большую часть корабельного состава, в то время было очень плохо, но для такого высококлассного артиллериста, да еще со столь уникальным боевым опытом, как Кетлинский, должность, разумеется, нашлась. Известного артиллериста пригласил к себе командир Отдельного практического отряда Черного моря контр-адмирал Цывинский. В решении Цывинского иметь старшим артиллеристом вверенного ему отряда своего земляка можно усмотреть элемент землячества. Возможно, что в какой-то мере все так и обстояло. Ранее, как мы знаем, поляка Кетлинского поддерживал его земляк Щенснович, теперь от него эстафета перешла к Цывинскому. Учитывая дружеские отношения между Щенсновичем и Цывинским, я не исключаю, что именно с подачи Щенсновича Кетлинский и попал на Черноморский флот. Однако все же выбор Цывинского был продиктован не только желанием иметь в подчинении земляка-поляка. На тот момент командира Практического артиллерийского отряда Черноморского флота занимали совсем иные мысли. А потому и Кетлинского он пригласил не просто так.

Дело в том, что Порт-Артур и Цусима выявили такую серьезную проблему для военно-морского флота, как организация централизованного огня на больших дистанциях. Без решения данной проблемы само дальнейшее развитие флота, как мощнейшего объединения артиллерийских кораблей представляется достаточно смутно.

Так называемые артиллерийские опыты, призванные внести ясность в

суть централизованной стрельбы, частично реализованной адмиралом Того в Цусимском сражении и не освоенной нами, сразу по завершении Русско-японской войны были поручены видному специалисту контр-адмиралу Цывинскому. Помимо всего прочего, для занятий этим вопросом у Цывинского была и своя личная причина. В Цусимском сражении на броненосце «Бородино» именно от централизованного организованного огня японских броненосцев погиб его старший сын, мичман Евгений Цывинский. Поэтому решение данного вопроса стало для убитого горем отца-адмирала вопросом его долга перед памятью о сыне. Первые шаги по изучению данной проблемы Цывинский начал на Балтике, а затем осенью 1906 года поднял флаг над эскадрой Черноморского флота, скандально известной до этого исключительно своими «революционными подвигами».

Русский флагман справился с задачей уже в 1907 году. До него в мировых флотах господствовали представления о дистанциях решительного морского боя линейных кораблей в пределах не более 42—46 кабельтовых — для больших не существовало даже стрельбовых таблиц. Цывинский же научил свою эскадру стрелять, начиная с 107—112 кабельтовых, эффективно, за 3—4 минуты проводя пристрелку и в течение последующих 5—7 минут выполняя огневую задачу полностью. При этом эскадра маневрировала на самом полном ходу.

Иностранные военно-морские агенты (атташе), впервые увидевшие достижения Цывинского, от изумления потеряли дар речи: им было невдомек, как русские осуществляют пристрелку на такой дистанции, ведь старший артиллерийский офицер, управляющий стрельбой, не видит всплесков пристрелочных выстрелов. Иностранцам вежливо объяснили, что на марсе располагается артиллерийский пост. Оттуда специально обученный офицер-артиллерист руководит пристрелкой. Артиллерийская репутация русского флота после этого необыкновенно выросла, а «дредноутизация» получила артиллерийскую завершенность; морская артиллерия и сам тип линкора — дальнейшее бурное развитие; в результате основные боевые столкновения с участием ЛК и ЛКР в период Первой мировой войны проходили на дистанциях, близких к предельным (естественно, когда позволяли условия видимости).

Историк флота Р.М. Мельников пишет: «...В 1906—1908 годах настало время действительного, проверенного опытом овладения высшим искусством морского боя. Это произошло благодаря школе новой тактики, которую в русском флоте суждено было развернуть контр-адмиралу Г.Ф. Цывинскому. Флагман, не участвовавший в войне, не проявлявший ранее заметных артиллерийских инициатив и окончивший даже не

артиллерийский, а только минный офицерский класс, волею судьбы стал таким же учителем флота, каким в свое время был адмирал Г.И. Бутаков. Созданную этим адмиралом в 1860 году школу маневрирования Г.Ф. Цывинский гармонично дополнил слившейся с ней воедино школой артиллерийского искусства. Отработку новых методов стрельбы Г.Ф. Цывинский начал еще на Балтике, но имевшиеся в его распоряжении современные корабли — «Цесаревич» и «Слава» — передали в гардемаринский отряд. Таким образом, из трех новых броненосцев, имевшихся в составе флота, два балтийских стали школой плаваний для молодого поколения, а черноморский — «Пантелеймон» — должен был разработать современную школу артиллерийского искусства. Кроме «Пантелеймона» в Практическую эскадру Черного моря входило еще три эскадренных броненосца: «Три Святителя», «Ростислав» и «Синоп».

1 октября 1906 года Практическую эскадру переименовали в отдельный практический отряд Черного моря.

Этот отряд и принял под свое начало прибывший с Балтики контр-адмирал Цывинский. Вместе с ним прибыл в Севастополь и старший артиллерист лейтенант Кетлинский.

Думаю, что этому выбору Цывинского способствовало прежде всего два фактора. Во-первых, именно Кетлинский, как бывший флагманский артиллерист Порт-Артурской, эскадры, обладал бесценным боевым опытом в организации артиллерийской стрельбы как в морском бою, так и в ведении огня по береговым целям. Кому, как не ему, стать флагманским артиллеристом в отряде кораблей, на котором предстояло изучить и отработать новые подходы к организации централизованного огня эскадры в бою. Помимо этого, Цывинский, как и Кетлинский, был поляком, а офицеры-поляки российского флота по возможности старались поддерживать своих младших земляков. Именно так в свое время поддержал Кетлинского командир «Ретвизана» Щенснович, так теперь его взял в подчинение себе и Цывинский. Впрочем, я все же уверен, что решающим в выборе кандидатуры на должность своего флагманского артиллериста для Цывинского были все же профессиональные и деловые качества Кетлинского. И в этом он не ошибся. Лучшего флагманского артиллериста нельзя было и желать.

Отряду, флагманским кораблем которого стал «Пантелеймон», и было поручено создание новой школы артиллерийской стрельбы. Цывинский почти сразу же увел свой отряд с севастопольского рейда в Двужорную бухту, где занялся усиленными тренировками и плановыми стрельбами.

Что касается Кетлинского, то, помимо своих прямых обязанностей флагманского артиллериста, он разрабатывал программу серий стрельб для выяснения, как говорилось в одном из приказов командующего, «при каких условиях и какими способами можно управлять огнем целой эскадры, сосредоточивая весь этот огонь на одной цели, что с таким успехом делалось японцами при Цусиме».

Особенно тщательно готовил Кетлинский к стрельбам комендоров. Для постоянных тренировок в зарядании и наводке орудий были заказаны хорошо зарекомендовавшие себя в английском флоте специальные зарядные приспособления, «электромагнитные отмечатели Скотта», а также приборы Морриса, которые вместе с практикой стрельбы мелкокалиберными пулями по движущейся цели обеспечивали выработку навыков управления механизмами крупнокалиберной пушки. Это были уже далеко не те примитивные приспособления, которые Кетлинский конструировал в Порт-Артуре! Новшеством стал и осуществленный в течение кампании массовый отбор кандидатов в ученики-наводчики, каждый из которых должен был выполнить три обязательных вида вспомогательных стрельб.

За последнее время изменение претерпела не только служба, но и личная жизнь Кетлинского. Сразу же по возвращении из Циндао он женился, а в 1906 году, уже в Севастополе у него рождается первая дочь, которую лейтенант назвал Верой.

1 мая 1907 года отряд в составе броненосцев «Ростислав», «Три Святителя», «Пантелеймон», «Синоп» и нескольких миноносцев вышел в четырехдневный поход до Новороссийска и обратно, в котором занимались эволюциями, а ночью—плаванием без огней. Затем у Тендры по программе артиллерийской школы были проведены вспомогательные стрельбы. Помимо всего прочего, именно в это время Цывинскому удалось предотвратить и готовившееся на кораблях летом 1907 года новое восстание.

Послужной список Кетлинского в это время заполнен записями о его участии в самых разнообразных комиссиях.

Он участвует в выработке постановлений о подготовке кораблей и эскадры к бою, в составлении нового вида боевых сигналов, в выработке новых программ для артиллерийских классов, в комиссии по установке новых оптических прицелов и т.д. Помимо этого, преподавал он и в артиллерийской школе.

В июне 1907 года за отличия в Русско-японской войне К.Ф. Кетлинский был одновременно награжден сразу двумя орденами: орденом

Святого Станислава 2-й степени с мечами за бой в Желтом море, орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом за оборону Порт-Артура. Кроме этого, получил он и серебряную медалью с бантом в память войны с Японией.

С прибытием из Петербурга членов комиссии морских артиллерийских опытов Черного моря, в том числе и известного впоследствии ученого-кораблестроителя А.Н. Крылова, на кораблях развернулись первые методические учения, имевшие своей целью выработку таблиц стрельбы для дистанций свыше 42 кабельтовых. Вблизи сооруженного на песчаной косе огромного дощатого щита был оборудован наблюдательный пункт, с которого во время стрельбы сигналами передавали координаты для комиссии, проводившей вычисления.

Экспериментальные стрельбы выполнял «Пантелеймон», так нерасстрелянные орудия обладали наибольшей меткостью. На «Пантелеймоне» находился все время и Кетлинский. Стрельбы «Пантелеймона» подтвердили основные теоретические положения отечественных ученых-артиллеристов. Одновременно они вскрыли, как отмечал в отчете Цывинский, и «громадную неточность наших таблиц стрельбы, которые, например, для 12-дюймовых орудий на 60 кабельтовых расходятся на 6 кабельтовых с действительностью».

Перебазировавшись в отдаленные Камышовую и Казачью бухты, корабли продолжили учебные стрельбы и боевую подготовку, ежедневно выходя в море.

«Усвоив обычай английских капитанов, — вспоминал Генрих Фаддеевич Цывинский, — возвращаться на ночь всегда на свой корабль, я за два года командования эскадрой ни разу не ночевал на берегу. Офицеры, зная, что адмирал может ночью приехать внезапно на их корабль для производства тревоги (что по временам я и делал), возвращались ночевать на свои корабли... Морские дамы сильно на меня дулись и называли меня «строгий адмирал».

Вместе с командующим безвылазно находился на кораблях и его флагманский артиллерийский офицер. Отработав одиночные стрельбы кораблей, Цывинский с Кетлинским перешли в организации стрельбы в составе эскадры, выполняя ее по щитам со все более усложняемым маневрированием вокруг них и увеличением скорости и дальности.

Историк флота РjVL Мельников пишет: «Перед каждой стрельбой в приказах адмирала разъяснялись особенности и задачи предполагаемых способов пристрелки, маневрирования и управления огнем, анализировались удаchi и недостатки предыдущих стрельб, давались

обстоятельные рекомендации по совершенствованию всех их элементов. В приказах Г.Ф. Цывинского и наставлениях флагманского артиллериста лейтенанта К.Ф. Кетлинского особенно подчеркивалось, что исход боя часто решается в первые минуты и поэтому пристрелку необходимо проводить в кратчайшее время. На стрельбу каждым бортом отводилось по пять минут, а интервал сближения с целью во время стрельбы ограничивался пределами от 40 до 25 кабельтовых. Для наиболее точного анализа стрельб маневрирование осуществлялось по боевой локсодромии (боевой спирали), и задача, поставленная адмиралом — дать «ясные и точные указания на тот путь, которым следует идти, чтобы сделать из флота действительную боевую силу», — была в значительной мере выполнена уже в кампанию 1907 года, когда в последних стрельбах с дистанции 60 кабельтовых, случалось, топили выпускавшуюся под парусами лайбу первыми пристрелочными выстрелами. Оптимистичным, но вызывавшим горестное сознание упущенных во время Русско-японской войны возможностей стал итог проведенных «Пантелеймоном» с 26 сентября по 3 октября первых испытаний новых удлиненных четырехкалиберных 152- и 305-мм снарядов, которые при той же траектории имели значительно лучшую меткость и в отличие от нередко «кувыркавшихся» на дальних расстояниях длинных японских снарядов сохраняли устойчивый полет на всех дистанциях, включая и предельные».

Из хроники событий: «Стрельбы в Отдельном практическом отряде Черного моря (так с 1 октября 1907 г. стала называться Практическая эскадра), возглавляемом «Ростиславом» под флагом контр-адмирала Г.Ф. Цывинского (кораблем в это время командовал назначенный на должность 2 октября 1906 года капитан 1-го ранга Д.И. Петров), проводились на немислимых до войны дистанциях — до 100 кабельтовых и с огромным расходом снарядов (только 254-мм пушки «Ростислава» расстреляли их 330 штук — пожалуй, больше, чем все семь броненосцев Первой Тихоокеанской эскадры за два последних предвоенных года, а ведь на этот раз подобным образом стреляли с трех других кораблей отряда — «Пантелеймона», «Трех Святителей» и «Синопа»). Столь обширные опыты позволили получить необходимые материалы для создания новых таблиц стрельбы. Кроме того, удалось всесторонне проверить техническую надежность и удобство использования новых оптических прицелов и дальномеров, а также отработать тактику пристрелки и маневрирования с массированием огня нескольких кораблей по одной цели. Помимо стрельб, отряд совершал и «обычные» плавания...»

Нелегкая кампания 1907 года привела вице-адмирала Цывинского и

капитана 2-го ранга Кетлинского, испытавших пять видов пристрелки, к выводу о реальной достижимости артиллерией высокой меткости на «очень больших расстояниях» и возможности вести «вполне действительный огонь» (при корректировке с наблюдательных постов на мачтовых площадках) по целям, находящимся далеко за горизонтом. Этот вывод стал настоящей сенсацией среди наших моряков!

В своих воспоминаниях вице-адмирал Г.Ф. Цывинский написал следующее: «20 января 1908 г. я был вызван в Петербург для участия в Артиллерийском комитете, составлявшем годовую программу дальнейших стрельб. Я взял с собой флагманского артиллериста капитан-лейтенанта Кетлинского (так в тексте, на самом деле Кетлинский был к этому времени лейтенантом — *В.Ш.*) Новый морской министр и высшие сферы флота интересовались серьезно результатами эскадренных стрельб, и об этом министр доложил Государю. При моем представлении Царь, как и всегда, был очень приветлив, расспрашивал подробно о поведении команд на эскадре и, заинтересованный нашими стрельбами, сказал мне, что вскоре вызовет меня в Царское Село для обстоятельного доклада о всех наших маневрах. Вызванный телеграммой начальника собственной Е.В. канцелярии князем Орловым, я 31 января прибыл в Царское Село. Царь принял меня в своем кабинете, сидя за письменным столом... Я сидел рядом и с чертежами в руках излагал ему подробно (точно читал лекцию) все детали наших эволюции и стрельб. По вопросам было очевидно, что он все усвоил, и в его глазах сияла искра радости, что он понял то, что не было ему известно раньше. Прощаясь со мной, он сказал, что осенью посетит эскадру, чтобы самому видеть наши маневры».

Из воспоминаний вице-адмирала Цывинского следует, что успехи его эскадры в новейших способах артиллерийской стрельбы были столь ошеломляющи, что были с восторгом восприняты и морским министром и самим императором, который лично вник во все новшества черноморцев и пожелал лично присутствовать на стрельбах. Ну, а тот факт, что командующего эскадрой в поездке сопровождал не кто другой, а именно флагманский артиллерист, тоже говорит сам за себя, ведь именно Кетлинскому пришлось давать пояснения столичным адмиралам относительно всех нюансов подготовки артиллеристом и вопросов организации самой стрельбы.

В следующем, 1908 году отработка централизованной стрельбы на максимальных дистанциях была продолжена. Эту кампанию Кетлинский проплавал уже в качестве флагманского артиллерийского офицера штаба начальника морских сил Черного моря.

Историк флота Р.М. Мельников пишет «Прослышав о замечательных успехах отряда в стрельбе, Севастополь посетили военно-морские атташе — сначала американский, а затем — германский. На расспросы прибывшего с визитом к командующему германского адмирала Гинце Г.Ф. Цывинский отвечал, что эскадра занимается обычной летней практикой, и посланцу императора Вильгельма Второго оставалось довольствоваться лишь наблюдениями из окон гостиницы. В походе с отрядом побывал лишь капитан 2-го ранга маркиз де Белиз, получивший специальное разрешение морского министра. Французский офицер не мог поверить, что можно так метко стрелять на расстояниях, при которых падение снарядов (за горизонтом) уже не видно наводчику: во французском флоте предельным считалось расстояние 45 кабельтовых. Маркизу объяснили, что в отряде стрельбу корректируют не наводчики, а опытный офицер-наблюдатель, который вместе с двумя специально подобранными и уже не сменяющимися в течение кампании матросами-наблюдателями располагается на 30-метровой высоте марсовой площадки и имеет постоянную и надежную телефонную связь с боевой рубкой. Все это маркизу продемонстрировали на практике».

«Ветер был довольно свежий, лайба бежала быстро под большим парусом. Прodelав вначале несколько эволюции на полном ходу эскадры, мы в расстоянии 90 кабельтовых начали пристрелку вилкой и, произведя залп всей эскадрой, сделали вторую пристрелку и второй залп, по которому лайба была разбита и легла. Вся стрельба вместе с двумя пристрелками продолжалась 17 минут. Маркиз следил со мною на мостике за всеми манипуляциями управляющего огнем старшего артиллерийского офицера. В корпусе лайбы сосчитали шесть пробоин и на парусе три дыры. Маркиз остался очень доволен». Так вспоминал об этом эпизоде сам Цывинский.

А вскоре описания русских стрельб появились на страницах французского журнала «Ле яхт», вызвав уже настоящую сенсацию в Европе. Тем временем Цывинский с Кетлинским развивали свой успех, начав проводить стрельбы уже с дистанций 110 кабельтовых в сочетании со сложнейшими маневрами, сделав практический отряд Черноморского флота сильнейшим боевым соединением в мире.

Военно-морские историки обоснованно считают, что, будь такая подготовка, какой достиг адмирал Цывинский на эскадрах Витгефта и Рождественского, судьба этих эскадр была бы совершенно иной. Думаю, что радость от достигнутого успеха омрачалась для контр-адмирала Цывинского воспоминаниями о погибшем сыне, а для его флагманского артиллериста — о погибших друзьях...

Имеется любопытное упоминание историком флота М.А. Петровым в его работе «Два боя» (Ленинград, 1926 г.) о том, что командующий 1-й английской эскадрой адмирал Мейд, прощаясь с прикомандированным представителем русского флота капитаном 2-го ранга А. Изенбеком, служившим ранее артиллерийским офицером на линкоре «Павел Первый», высказал в его лице комплимент всему русскому флоту: «Ваше самолюбие может быть удовлетворено. Гранд Флит стреляет русским методом стрельбы!» Таков был результат самого, наверное, глубоко и основательно усвоенного урока Цусимы, поднявшего артиллерийскую культуру и искусство стрельбы на российском флоте на мировой уровень.

Оценкой артиллерийской деятельности Кетлинского в 1909 году стал некий «подарок по чину» от императора Николая Второго. Что это был за подарок, мы можем только догадываться — может быть, золотые часы, может быть, что-то еще.

Осенью 1909 года Кетлинский, по представлению командующего был назначен старшим офицером линейного корабля «Иоанн Златоуст», а в следующем году становится капитаном 2-го ранга.

Дочь нашего героя, писательница Вера Кетлинская приводит в своей книге «Окна. Вечер. Люди» рассказ директора асбестового завода объединения «Красный треугольник» Н.С. Естрополова, который рассказал в 30-х годах знакомому Кетлинской поэту Б. Лихареву, что в 1909 году он служил на Черноморском флоте на броненосце «Иоанн Златоуст» и занимался там революционной деятельностью. Вот как описывает В. Кетлинская рассказ бывшего матроса от первого лица; «Поймали меня за распространение революционных листовок, при обыске нашли в моем рундучке, под бельем еще пачку. Вечером приказывают идти к старшему офицеру. Старшим был Кетлинский. Команда его любила, справедливый он был, с матросами на «вы», но все же офицер! А за мною хвост еще из Питера — за неблагонадежность выгоняли с завода и арест на флоте... Струхнул, конечно, — следствие, трибунал, тюрьма, а то и каторга... Прихожу, стучу в каюту. «Войдите!» Он сидит за столом спиной ко мне. Докладываю по всей форме. Он, не оборачиваясь, спрашивает: «Вы принесли на корабль листовки?» — «Так точно. Ваше благородие, я!» — «Вы знаете, что вам грозит за это?» — «Так точно, знаю». Он помолчал, а все не оборачивается, спрашивает: «Вы понимаете, что я должен дать этому делу ход?» Опять говорю: «Так точно, понимаю». Ну, молчим Потом он поворачивается ко мне и говорит «Я не хочу этого делать. Но вы должны дать честное слово, что больше на этом корабле заниматься такими делами не будете. Подумайте. Не торопитесь». Я подумал и отвечаю: «Честное

слово даю!» Он поглядел мне в глаза и строго-строго говорит. «Я вам верю. Можете идти».

— Ну, и как же вы потом? — спросил Лихарев.

Сдержал слово. *На этом корабле».*

Весной 1910 года по распоряжению морского министра он был направлен от Военно-морской академии в весьма важную командировку в Англию, Италию и Францию с целью знакомства с организацией и обучением тамошнего военного флота, прежде всего для ознакомления с артиллерийской стрельбой на новейших дредноутах. Как всегда, Кетлинский блестяще справился с данным ему поручением

По воспоминаниям дочери нашего героя Веры Кетлинской, помимо ознакомления с положением дел на европейских флотах он и сам читал офицерам флотов стран Антанты курс лекций «Иностранные флоты». По-видимому, предметом лекции был прежде всего российский флот. За границу Кетлинский вызвал и семью, посетив с супругой и дочерьми Венецию.

Из воспоминаний В. Кетлинской: «Он (отец. — *В.Ш.*) обнаруживал большие склонности к военной науке, а не к командирской карьере, так как в 1911 году был приглашен делать доклад в Морской академии и затем послан за границу для изучения разных флотов, после чего читал в академии курс лекций «Иностранные флоты». В бумагах отца сохранилась программа курса, это анализ состояния разных флотов на фоне экономического и политического состояния государства, а сквозной мыслью курса является мысль о том, что каждый флот имеет свою особую задачу, рожденную экономикой и политикой данной страны, и поэтому должен развивать те виды кораблей и техники, которые соответствуют его задаче. Лучшим в мире флотом по организации флотской службы он считал английский. Вероятно, по тем временам так оно и было? Или сказалось личное пристрастие? Чего не знаю, того не знаю. Но мне ясно, что, не будь мировой войны, стал бы отец научным работником, тогда вся его судьба повернулась бы по-иному...»

Когда же в 1911 году командующим Черноморским флотом был назначен адмирал Эбергард, он, помня Кетлинского не только как талантливого артиллериста, но и толкового штабного работника, предпринял все, чтобы заполучить его к себе флаг-офицером

Из докладной записки Кетлинского Эбергарду после приема дел: «Причина всех неурядиц и нежелательных явлений только одна — отсутствие штаба при Командующем флотом. Нельзя же серьезно называть штабом кунсткамеру отдельных лиц, ничем не объединенных, никем не

направляемых, среди которых есть талантливые и хорошие работники. Способные дать много при другой постановке дела и люди, абсолютно бесполезные. Даже вредные. Лебедь, рак и щука... Недавний переход к сложной технике еще держит нас в своих оковах. Мы из-за деревьев не видим лесу. У нас еще до сих пор адмиралы изобретают свои сети... А командование, замысел и решение, управление массой и созидание нужного военного духа — все это какие-то случайные инциденты, без плана и системы».

Любопытно, что, получив назначение на Черноморский флот, Кетлинский был оставлен в штатах Морской академии.

* * *

На всем протяжении российской военно-морской истории Балтийский и Черноморский флоты всегда негласно соперничали друг с другом. В какие-то годы это соперничество сходило почти на «нет», в другие, наоборот, обострялось до крайности. Очередной период обострения соперничества между Балтикой и Черным морем произошел и в преддверии Первой мировой войны.

Любопытно, что одновременно с деятельностью черноморского «тандема» Цывинский—Кетлинский на Балтийском флоте аналогичным вопросом организации эффективной централизованной эскадренной стрельбы занимался конкурирующий «тандем» Эссен—Кедров. При этом соперничество было нешуточным

В этой связи для нас весьма любопытна фигура М.А. Кедрова. Как и Кетлинский, и Колчак, во время Русско-японской войны он служил в Порт-Артуре. Во время знаменитого боя в Желтом море вместе с Кетлинским входил в штаб контр-адмирала Витгефта в качестве флаг-офицера и был ранен. Как и Кетлинский, в послевоенное время Кедров усиленно занимался вопросами организации артиллерийского огня на Балтийском флоте. Он заведовал обучающимися офицерами в артиллерийских офицерских классах, служит флагманским артиллерийским офицером в штабе командующего флотом, помощником начальника учебного артиллерийского отряда. Однако успехи Кедрова в деле организации эскадренного артиллерийского огня были гораздо скромнее, чем у прогремевшего на весь мир его черноморского коллеги Кетлинского. Для самолюбивого и амбициозного Кедрова этот проигрыш стал серьезным ударом, и не мог не сказаться на отношении его самого и его друзей к более

удачливому черноморскому конкуренту.

Историки признают, что Кедров отличался весьма большой предприимчивостью. Так, он смог найти подход к Нилову, а через него весьма ловко вошел в доверие и к императору Николаю Второму. В рядах молодых офицеров-реформаторов, которые сгруппировались в межвоенный период вокруг Эссена, Кедров был заметной фигурой. Правда, его порой заносило, и один раз в своих интригах против министра Григоровича он зашел слишком далеко, за что едва не поплатился карьерой, но был спасен друзьями-реформаторами. А едва началась мировая война, именно Кедров был отправлен в Англию с секретной миссией — передать англичанам сигнальную книгу и шифры с потопленного немецкого крейсера «Магдебург», поднятые нашими моряками. Помимо этого официального задания он имел еще и неофициальное — налаживание контактов с английскими масонами. После возвращения из этой поездки Кедров, имея опыт командования лишь миноносцем и учебным судном, неожиданно для всех назначается командиром новейшего дредноута «Гангут». В 1915 году на «Гангуте» произошло восстание матросов, которое, однако, нисколько не повлияло на дальнейшую головокружительную карьеру Кедрова. В июне 1916 года он был произведен з чин Свиты Его Императорского Величества контр-адмирала и назначен начальником Минной дивизии Балтийского флота, сменив на этом посту ушедшего командовать Черноморским флотом Колчака.

После Февральской революции, в марте 1917 года Кедров был назначен помощником морского министра. Фактически же он руководил этим ведомством в условиях, когда его шеф масон Гучков совмещал руководство Военным и Морским министерствами и не был специалистом в военно-морских делах. В апреле 1917 года Кедров был одновременно назначен еще и начальником Морского генерального штаба. Вскоре после назначения военным и морским министром Керенского он снова попался на очередной интриге, Керенский решил избавиться от интригана. Однако Кедрова сразу же поспешил выручить его друг Колчак, который немедленно предложил Кедрову занять пост командующего бригадой линейных кораблей на Черноморском флоте. Но Кедров был не глуп, предложение он принял, но в должность так и не вступил, так как к этому времени сам Колчак бежал из Севастополя. В июне 1917 года «непотопляемый» Кедров был назначен в распоряжение морского министра, а уже через какие-то две недели стал уполномоченным Морского министерства при Русском правительственном комитете в Лондоне, занимался координацией действий русских морских агентов в Лондоне и

Париже, т.е. снова отправился налаживать контакты с единомышленниками во Франции и Англии. В годы Гражданской войны Кедров занимал пост члена Особого совещания при российском посольстве в Лондоне по вопросам эксплуатации русского торгового флота союзниками, в результате практически весь наш торговый флот оказался в руках союзников, ну а сам Кедров стал весьма небедным человеком. Помимо этого, старый приятель Колчак, ставший к этому времени Верховным правителем России, поручил ему организацию транспортов по снабжению белых армий, а также назначил морским экспертом российского уполномоченного при союзниках в Париже известного масона Сазонова. После разгрома и смерти Колчака Кедров вернулся в Россию и в течение месяца с октября 1920 года командовал Черноморским флотом, причем Врангель сразу же произвел его в вице-адмиралы. После прибытия флота в Константинополь Кедров довел эскадру боевых кораблей до Бизерты, где сдал командование контр-адмиралу Беренсу, а сам отправился на весьма безбедное жительство в Париж. Впоследствии Кедров играл значительную роль в эмигрантских масонских кругах, был председателем Военно-морского союза, в состав которого входили более тридцати отделов и групп в различных странах, заместителем председателя антисоветского Русского общевоинского союза (РОВС) генерала Миллера. После похищения Миллера советскими агентами в 1937 году исполнял обязанности председателя РОВС, до конца оставшись верным масонским идеалам

Но вернемся к событиям 1914 года. Конкуренция между черноморцами и балтийцами не ограничилась лишь соревнованием за лучшую отработку централизованной эскадренной стрельбы. В преддверии Первой мировой войны в руководстве двумя флотами империи сложилась весьма любопытная ситуация. Так, Балтийским флотом фактически с 1908 года, а официально с 1911 года командовал адмирал Эссен. Вторым по значению флотом империи, Черноморским этого же 1911 года адмирал Эбергард, так же, как и Эссен, эстляндский немец по национальности. У обоих за спиной была вполне достойная служба, причем если Эссен всю свою предыдущую службу провел на кораблях, то его черноморский коллега весьма удачно сочетал и корабельную службу, и штабную работу. Различными были и подходы двух адмиралов к вопросам руководства. Если Эбергард был сторонником неторопливых, но хорошо спланированных и тщательно подготовленных операций, то Эссен являлся сторонником энергичных и смелых действий, рассчитанных зачастую лишь на внезапность и инициативу командиров кораблей. Если ко всему этому прибавить то, что оба адмирала никогда не питали друг к другу особо

теплых чувств, то соперничество двух столь разных по духу флотоводцев было неизбежно с первого дня их назначения.

На фоне конкуренции двух командующих флотами сразу же обозначилось весьма серьезное соперничество и их флаг-капитанов по оперативной части. Заметим, что должность флаг-капитана при командующем в российском флоте в то время была весьма значимой. Флаг-капитан по оперативной части являлся фактическим начальником оперативного отдела штаба флота, т.е. человеком, отвечавшим за планирование всех боевых операций. Кроме этого, он являлся самым старшим офицером штаба флота и начальником для всех остальных штабных офицеров. Кроме этого, флаг-капитан командующего не подчинялся начальнику штаба флота, а только самому командующему, являясь фактически начальником его личного штаба. Уже из перечисленных прав и обязанностей очевидно, что должность флаг-капитана командующего по оперативной части (существовала еще должность флаг-капитана по распорядительной части, который занимался всеми административными делами) была очень значимой. Если же на этой должности оказывался человек не только грамотный, но амбициозный и волевой, то он, по существу, превращался в настоящего «серого кардинала».

На Балтике флаг-капитаном командующего по оперативной части с весны 1914 года являлся капитан 1-го ранга А.В. Колчак. Флаг-капитаном Эбергарда, как мы уже знаем, почти одновременно стал капитан 2-го ранга К.Ф. Кетлинский. И Колчак, и Кетлинский были не только грамотными офицерами, но и волевыми, и амбициозными личностями, а потому их влияние не только лично на своих командующих, но и на общее положение дел на флотах было весьма велико. Этот факт отмечают многочисленные свидетельства современников, с этим согласны и историки.

Колчак на год раньше выпустился из Морского корпуса. В происхождении Кетлинский тоже уступал своему конкуренту. Если Колчак был сыном известного генерала, участника обороны Севастополя в Крымскую кампанию, да к тому же еще тесно связанного, как бы сегодня сказали, с военно-промышленным комплексом, то Кетлинский был, как мы знаем, всего лишь сыном провинциального врача. В Русско-японскую войну и Колчак, и Кетлинский неплохо зарекомендовали себя в Порт-Артуре. По наградам и Колчак, и Кетлинский также шли практически наравне. Так, до Русско-японской войны оба имели по одному ордену. Колчак — Владимира 4-й степени, а Кетлинский — орден Станислава 3-й степени, рангом ниже. За отличие в боях в Порт-Артуре Колчак был

удостоен ордена Анны 4-й степени, золотой сабли «за храбрость» и орденам Станислава 2-й степени с мечами. Кетлинский за Порт-Артур получил такую же золотую саблю «за храбрость» и Станислава 2-й степени с мечами. Однако, помимо этого, заслужил орден Владимира 4-й степени с мечами и бантом, т.е. намного престижней, чем имел Колчак до войны. Кроме этого, и должность старшего артиллериста эскадры была намного более значимой и престижной, чем должность рядового командира миноносца, которую занимал Колчак. Так что в целом во время Русско-японской войны Кетлинский служил более успешно, чем его будущий недруг.

И Колчак, и Кетлинский были прекрасно подготовлены к исполнению своих должностей, у обоих имелся прекрасный послужной список. При этом любопытно, что в 1911 году Колчак являлся начальником оперативной части Морского генерального штаба по Балтийскому морю, находясь в прямом, непосредственном подчинении у тогдашнего начальника Морского генерального штаба адмирала Эбергарда. Однако, уходя на пост командующего Черноморским флотом, Эбергард почему-то не взял Колчака с собой, а предпочел ему Кетлинского, которого давно и хорошо знал еще по Порт-Артуру. Никаких свидетельств относительно того, какими были личные отношения между Эбергардом и Колчаком во время их совместной службы в Морском генеральном штабе, у автора нет. Думаю, что, скорее всего, они были весьма официальными. Колчак уже тогда позиционировал себя как «человек Эссена», а между Эбергардом и Эссеном отношения всегда были достаточно прохладными.

Как вспоминали современники, очень скоро новый флаг-капитан командующего по оперативной части приобрел достаточно большое влияние на своего командующего, который советовался с ним практически по всем важным вопросам. В августе 1914 года по представлению Эбергарда Кетлинский получает чин капитана 1-го ранга «за отличие» и вместе с ним французский орден Почетного легиона, который впоследствии сослужит ему хорошую службу.

Чин капитана 1-го ранга, согласно правилам прохождения офицерской службы на российском флоте, мог быть получен исключительно после 12 месяцев плавания старшим офицером на кораблях 1-2-го рангов или 12 месяцев плавания командиром корабля 2-го ранга. Пройдя должность старшего офицера линейного корабля «Иоанн Златоуст», Кетлинский такое право получил. Да и служил он вполне достойно.

Адмирал Ненюков, командированный в 1914 году на Черное море из Ставки и ранее сам недолго служивший командиром линейного корабля

«Пантелеймон», в письме морскому министру писал: «...Черноморский флот до назначения Кетлинского (начальником оперативной части) совершенно не занимался тактическими упражнениями. Миноносцы служили складочным местом для убогих и неспособных. Была сносна стрельба (из орудий), да и та упала». Быстро завоевал авторитет на Балтийском море и Колчак.

Таким образом, к началу Первой мировой войны с одновременным назначением Эссена и Эбергарда командующими и последовавшим за этим почти одновременным назначением их флаг-капитанами энергичных и волевых Колчака и Кетлинского сразу же обозначилась серьезная конкуренция и противостояние руководства Балтийского и Черноморского флотов по всем направлениям. Впрочем, тогда еще никто не мог представить, сколь драматичным оно будет и к чему в конце концов приведет.

Если Балтийский флот первенствовал перед Черноморским в организации и отработке действий эсминцев, то Черноморский флот, безусловно, являлся лидером в деле организации централизованной стрельбы линейных кораблей.

В 1912 году старшим офицером линейного корабля «Иоанн Златоуст» был назначен старый знакомый Кетлинского по Порт-Артуру, капитан 2-го ранга В.Н. Черкасов, а уже в 1913 году по ходатайству Кетлинского он был назначен флагманским артиллерийским офицером штаба командующего Морскими силами Черного моря а по совместительству и командиром строившегося новейшего эсминца «Гневный». По существу, уходя на оперативную работу, Кетлинский передал все свои артиллерийские наработки тому, кто, по его мнению, наиболее достойно продолжит бы совершенствование артиллерийской подготовки на флоте. В своем выборе он не ошибся.

После Русско-японской войны Василий Черкасов, как и Кетлинский, совершенствовался именно как артиллерист, а также осваивал специальность и офицера-оператора. Вначале Василий Черкасов служил старшим артиллеристом учебного судна «Рында» в отряде Морского корпуса, затем был назначен в только что созданный Морской генеральный штаб, где служил с 1906-го по 1912 год, с четырехмесячным откомандированием на должность старшего офицера учебного корабля «Император Александр II». В 1912 году старший лейтенант В. Черкасов около месяца даже являлся начальником Оперативной части МГШ, что говорит о его высоком профессионализме. Одновременно, в 1906—1912 гг., он читал курсы «Тактическая часть артиллерии», «Элементарная морская

тактика» в Артиллерийском офицерском классе и в Николаевской морской академии, опубликовал несколько статей в «Морском сборнике» и фундаментальных учебных пособий по тактике, стратегии и боевым средствам флота. Разумеется, В.Н. Черкасов не мог остаться в стороне и от новаторства Кетлинского на Черноморском флоте. Это, безусловно, еще более сблизило бывших сослуживцев. Одновременно Василий Черкасов активно участвовал в просветительской и научной деятельности кружка «младотурок», куда входили А.В. Колчак, В.К. Пилкин, А.Д. Бубнов и другие. Однако при этом он демонстративно дистанцировался от их политических интриг. Это привело к тому, что при всей внешней доброжелательности остальных «младотурок» к В.Н. Черкасову те никогда не считали его до конца «своим». В этом положение Черкасова было весьма схожим с положением самого Кетлинского.

Автору в точности не известно, где именно в Севастополе проживал Кетлинский. Его дочь в своих воспоминаниях пишет лишь о том, что в Севастополе жила теща нашего героя. Что касается тестя, старого моряка, то он ушел из жизни несколькими годами ранее — в свежую погоду неудачно прыгнул в шлюпку, сломал ногу, после чего пошла гангрена, и вскоре его не стало. У тещи Кетлинского был дача на северной стороне Севастополя — на Каче, где его супруга с дочерьми обычно проводила лето, однако в 1914 году Кетлинские отказались от Качи и сняли дачу поближе к Севастополю, на Учкеевке.

Вне службы Кетлинский, по свидетельству его дочери, был очень дружен с военным врачом Федоровым, служившим на одном из кораблей Черноморского флота. Их объединяли общие взгляды не только на службу, но и на политику. При этом, по словам дочери, оба слыли либералами. В своих мемуарах Вера Кетлинская пишет, что однажды ее отец и Федоров объявили бойкот некому офицеру, который ударил матроса. Этот бойкот поддержали и другие офицеры, переставшие подавать руку и разговаривать с негодяем. Вскоре после этого опозоренный офицер был вынужден перевестись в другое место. Помимо этого, по словам дочери, ее отец наотрез отказался от положенного ему по чину и должности денщика, считая это «мерзостью».

Есть в воспоминаниях дочери нашего героя и еще один любопытный штрих. Рассказывая о лете 1914 года, Вера Казимировна пишет о некоем матросе, которого ее отец поселил у них на даче, но не в качестве денщика, а лишь для того, чтобы тот мог заниматься самообразованием. Кетлинская пишет, что матрос читал учебник алгебры и «Капитал» Маркса. Разумеется, сейчас невозможно проверить правдивость слов известной писательницы,

но, честно говоря, мне не слишком верится, чтобы флотские офицеры не только поощряли обучение будущих революционеров, но и фактически его организовывали. Конечно, Черноморский флот помнил лейтенанта Шмидта, но тот был, как известно, постоянным клиентом психиатрической лечебницы, а потому являлся исключением из правила.

А потому я вполне согласен поверить, что Кетлинский бойкотировал ударившего матроса сослуживца, что он отказался от денщика, но в то, что он создавал у себя дома условия для знакомства матросов с трудами Маркса, я все же не верю. Впрочем, написать именно так у дочери нашего героя были свои веские причины. Забегая вперед, скажем, что последние годы своей непростой жизни Вера Казимировна провела в тяжелейшей борьбе, отстаивая имя своего отца. А потому она всеми силами старалась показать его советскому читателю не как царского золотопогонника, а как друга всех матросов и почти что большевика. Осуждать ее за этот наивный обман не стоит. Так на ее месте поступил бы, наверное, каждый из нас

В августе 1914 года в Европе началась мировая война. С первых минут в ней принял участие и Балтийский флот. Что касается черноморцев, то они пока пребывали в бездействии, так как наиболее вероятный их противник — Турция пока придерживалась нейтралитета. Однако всем было очевидно, что долго такое положение дел не продлится.

Глава четвертая.

ФЛАГ-КАПИТАН КОМАНДУЮЩЕГО

Морским генеральным штабом был предложен план в случае начала войны с Турцией 1913—1914 годов, который, при превосходстве нашего флота над турецким предусматривал наступление главных сил ЧФ к Босфору для его блокады и боя с флотом противника в случае попытки его войти в море.

А ситуация на Черном море с началом войны России с Германией и Австрией в августе 1914 года складывалась не простая. После начала войны с Германией наше Министерство иностранных дел делало попытки оттянуть или устранить вовсе вступление в войну Турции. Это нашло себе отражение в директивах командующему Черноморским флотом, коему было прямо приказано «избегать явно агрессивных мероприятий, могущих послужить поводом для вступления Турции в войну».

На основании этого Эбергард и Кетлинский составили план действий, тогда же утвержденный ставкой, по которому «флот, сосредоточившись в Севастополе и будучи в постоянной боевой готовности, занимает впредь до новых указаний выжидательное положение, имея негласное наблюдение за турецким флотом при посредстве пароходов, совершающих рейсы между нашими портами и Константинополем».

Однако, уже к середине августа обстановка переменилась, германские крейсеры «Гебен» и «Бреслау» прошли Дарданеллы. Этим установилось соотношение сил, указанное в начале данной главы, т.е. при преимуществе на стороне турецкого флота Поэтому от довоенного плана пришлось сразу отказаться. Вместо этого плана Эбергард и Кетлинский предложили новый. Он предусматривал оборону нашего флота на подготовленной позиции с переходом в наступление в случае ослабления турецкого флота. После же вступления в строй бригады линейных кораблей типа «Императрица Мария» энергичные наступательные действия против Босфора

Согласно директиве Ставки, Черноморский флот мог отныне выходить в море лишь с учебными целями, не удаляясь от Севастополя дальше, чем на 60 миль, и, конечно, не ища встречи с «Гебеном». Затем пришла новая директива: «Не искать встречи с турецким флотом, если он не займет явно угрожающего положения». В результате этой чехарды ни Эбергард, ни Кетлинский до последнего момента не знали, будет ли война, т.к.

директивы свыше поддерживали уверенность в возможности избежать ее.

28 октября 1914 года, вернувшись в Севастополь из учебного плавания, командующий флотом получил телеграмму о решении Турции начать войну. Но официального сообщения о начале войны все еще не было, и никто ранее данной директивы не отменял. На все запросы Эбергарда разъяснить ему ситуацию Ставка молчала. В то время Черноморский флот, за исключением минной дивизии и единичных вспомогательных судов, находился в Севастополе. В ночь с 28 на 29 октября два турецких миноносца внезапно атаковали в Одесской гавани канонерскую лодку «Донец», которая затонула от попавшей в нее торпеды.

В 10 часов 20 минут 29 октября штаб командующего флотом в Севастополе принял радио с парохода «Александр Михайлович»: «Вижу «Гебен» с двумя миноносцами». Флаг-капитан по оперативной части штаба, капитан 1-го ранга Кетлинский послал на «Александр Михайлович» запрос: «Уверены ли, что видели «Гебен»? На что капитан ответил: «Гебен» знаю». Получив подтверждение, Кетлинский немедленно доложил об этом Эбергарду, который находился на флагманском броненосце «Святой Евстафий».

Вскоре «Гебен» подошел к выходу из Севастопольской бухты, прошел через крепостное минное заграждение, бывшее в этот момент незамкнутым, сделал несколько залпов по рейду и батареям, которые открыли ответный огонь. После этого линейный крейсер повернул в море. На пути, отразив атаку дивизиона миноносцев, он встретил возвращавшийся из Ялты «Прут» и обстрелял его. «Прут» был затоплен своей командой, т.к. при продолжении боя имела опасность взрыва находившихся на нем мин. В тот же день на рассвете турецкие крейсера бомбардировали Новороссийск и Феодосию и поставили мины в Керченском проливе, на которых взорвались 2 парохода. После этого линейные силы флота вышли в море и в течение трех суток безуспешно искали «Гебен».

Разумеется, в данной ситуации действия Эбергарда и Кетлинского нельзя признать блестящими. Однако их ошибки были во многом обусловлены неясностью политической ситуации и отсутствием разрешения на начало активных боевых действий. К тому же в целом потери были не столь уж и значительны.

По получении в Ставке известий о нападении турецкого флота адмиралу Эбергарду была предоставлена определенная свобода действий, однако было указано, что главной его целью является воспрепятствование неприятельскому десанту, который, по имевшимся сведениям, готовился в

Константинополе.

Слухи о десанте являлись несерьезными, но Ставка на этом настаивала. Поэтому Кетлинскому приходилось учитывать противодесантные дела в своих оперативных планах и отвлекать силы на совершенно не нужное дело. Новый, составленный Кетлинским и утвержденный Эбергардом план предусматривал решительный бой с главными силами противника для достижения последующего полного господства на Черном море.

Единственным же средством принудить неприятеля к решительному бою являлась тесная блокада Босфора, которая вместе с тем пресекла бы всякое его появление в Черном море. Однако тесная блокада Босфора не могла быть осуществлена, т.к. вблизи не было ни одного удобного пункта базирования, и потому, что решительный бой у берегов противника при отсутствии явного превосходства в силах представлялся опасным, ибо наши поврежденные в бою корабли могли бы не дойти до Севастополя. Вследствие этих соображений Эбергард и Кетлинский решили ограничить деятельность Черноморского флота минным заграждением Босфора, обстрелом побережья Турции и периодическим крейсерством линейных сил в поисках противника.

Из воспоминаний бывшего военного министра Временного правительства, а затем военспеца Красной армии А.И. Верховского: «... Вместо продолжения бесплодных атак на западной границе России надо было сосредоточить усилия на ее Черноморском фронте. Здесь наиболее слабое звено Тройственного союза. По нему и следовало наносить удар. Адмирал Каськов... направил меня в штаб флота к начальнику оперативного отдела капитану 2-го ранга Кетлинскому. Этот высокообразованный офицер был в трагическом положении человека, связанного по рукам и ногам своим ограниченным и боязливым командующим».

С началом боевых действий на Черном море начала возникать и напряженность в отношениях с Морским управлением Ставки Верховного главнокомандующего. С первого же дня мировой войны при Ставке Верховного главнокомандующего для оперативного согласования деятельности Балтийского и Черноморского флотов было сформировано Морское управление. Вначале им руководил бывший помощник начальника Моргенштаба контр-адмирал Ненюков, которого вскорости сменил адмирал Русин. Штаб-офицерами при нем состояли капитаны 2-го ранга Бубнов, Немитц, старший лейтенант Яковлев и лейтенант Апрельев.

В своих воспоминаниях о характере работы Морского управления

Ставки с флотами впоследствии капитан 2-го ранга Б.Н. Апрелев вспоминал так: «Благодаря тому, что оперативная часть обоих флотов функционировала уже задолго до войны и начальники соответствующих оперативных частей Морского генерального штаба были не только в служебном отношении, но и лично близко связанными с флаг-капитанами по оперативным частям обоих флотов, то вся работа оперативной части флотов сводилась к тесной и дружной связи флаг-капитанов по оперативным частям обоих флотов с Морским генеральным штабом и с Морским управлением штаба Верховного главнокомандующего, причем последнее являлось связью между флотами и армиями и имело задачей добиться полного взаимопонимания и согласования операций...»

В своих воспоминаниях Апрелев рисует почти идиллические отношения между Моргенштабом, Морским управлением Ставки и оперативными частями обоих флотов. Если такие отношения и существовали, то только до начала боевых действий. С началом же их ситуация кардинально поменялась.

Что касается Морского управления при Ставке, то, несмотря на его серьезное наименование, в первые полтора года войны забот у нее было не слишком много. Дело в том, что Балтийский флот подчинялся не Ставке, а командующему Приморской 6-й армией Северного флота и напрямую слать указания на флот Морское управление не могло. Помимо этого, рядом со штабом Балтийского флота располагался и Моргенштаб, который общался с балтийцами напрямую, через голову Ставки. Впоследствии Балтийский флот был передан из ведения 6-й армии в подчинение напрямую командующему Северным флотом. Это повысило авторитет и самостоятельность балтийцев, но все же Морское управление по-прежнему не могло ими командовать напрямую. Если Морское управление Ставки и слало какие-то бумаги балтийцам, то они носили, скорее рекомендательный характер, чем приказной. Что же касается Черноморского флота, то им Ставка, а следовательно, и Морское управление Ставки командовали напрямую. А так как никаких других дел у Ненюкова (а потом у сменившего его Русина) и его подчиненного больше не было, то они назойливо лезли во все мелочи черноморских дел. Чем больше морские офицеры Ставки слали указаний черноморцам, тем больше демонстрировали свою работу. Это, разумеется, не могло понравиться, ни адмиралу Эбергарду, ни его флаг-капитану по оперативной части. Началось неизбежное противостояние, итогом которого и явился затяжной конфликт командования Черноморским флотом и Морского управления Ставки. В этом конфликте дипломатичный и неглупый морской министр Григорович

предусмотрительно занял сторону Ставки.

А боевые действия на Черном море тем временем становились все интенсивней. В первый поход, в ночь с 5 на 6 ноября, с миноносцев было поставлено заграждение у Босфора, и 6 ноября под прикрытием флота была произведена бомбардировка угольного узла — порта Зунгулдак. На обратном пути флот потопил несколько турецких транспортов.

Следующим походом флота было крейсерство у анатолийского побережья. Флот бомбардировал порт Трапезунд, ставил минные заграждения. На пути к Севастополю адмирал Эбергард получил из Морскою генеральною штаба сообщение, что «Гебен» находится в море. У флота уголь был уже на исходе, вследствие чего предпринимать специальные поиски «Гебена» не представлялось возможным, и флот продолжал свой путь.

В полдень, 18 ноября дозорный крейсер «Алмаз» увидел милях в трех впереди себя «Гебен», шедший навстречу эскадре. Линейные корабли начали поворачивать влево. Вскоре после поворота головного «Евстафия», на котором держал свой флаг Эбергард (там же находился и его флаг-капитан Кетлинский), на дистанции в 40 кабельтовых он увидел «Гебен», в стороне от которого шел легкий крейсер «Бреслау». Противники одновременно вышли из тумана и оказались на дистанции огня.

Согласно правилам «централизованной стрельбы», огонь не мог быть открыт одним головным кораблем, тле управляющий стрельбой флота старший артиллерист находился на втором в строю линейном корабле, «Златоусте», который в это время еще заканчивал свой поворот и стрелять не мог. Тем временем «Гебен» повернул вправо и лег на курс, параллельный нашим кораблям

После короткого совещания с Кетлинским Эбергард приказал «Евстафию» открыть огонь, не дожидаясь «Златоуста», «Евстафий» сделал залп, которым сразу же накрыл противника, добившись нескольких попаданий. «Гебен» ответил. Бой продолжался всего 14 минут, после чего «Гебен» повернул и скрылся в тумане. В результате боя были повреждения и потери на «Евстафий». «Гебен» также же получил несколько попадания и был поврежден более серьезно.

В декабре флот в очередной раз выходил в море, имея целью постановку минного заграждения у Босфора и закупорку Зунгулдакской гавани путем затопления пароходов, дабы прекратить оттуда вывоз угля. Закупорить Зунгулдак не удалось, но у Босфора минные заграждения были поставлены.

К концу декабря 1914 года выяснилось, что периодические выходы в

море Черноморского флота недостаточно препятствовали туркам снабжать через море свою армию. Поэтому адмиралу Эбергарду было приказано прекратить турецкие морские сообщения с анатолийским побережьем, Аля чего возможно дольше оставаться с флотом в открытом море.

Заслуги Кетлинского в кампании 1914 года, в том числе и его личное участие в бою у мыса Сарыч, были оценены командованием орденом Святой Анны 2-й степени с мечами. Награда достаточно высокая и почетная.

До середины февраля 1915 года адмирал Эбергард блокировал восточную часть анатолийского побережья, причем флот лишь на короткие сроки заходил в Севастополь для пополнения запасов.

Во время этой блокады флот обстреливал прибрежные пункты и порты, уничтожал сосредоточенные в них погрузочные средства, потопил несколько пароходов и большое количество парусных судов. Вскоре пароходное сообщение противника с Анатолией было полностью парализовано.

В то же время не прекращались периодические набеги германо-турецких крейсеров. Материальные результаты их были ничтожны, но моральное их значение велико. Сухопутное командование очень нервничало, требуя от флота прекратить эти набеги. Нервничала и Ставка.

Германские корабли — линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау» — значительно превосходили наши корабли в скорости хода, а потому были фактически неуловимыми.

Эбергард полностью износил механизмы судов, держа их постоянно в море, но ничего не смог сделать для прекращения набегов. До весны 1915 года деятельность Черноморского флота протекала преимущественно в крейсерстве в море, насколько это позволяли состояние механизмов и условия погоды.

В то же время вступление в строй наших новых подводных лодок дало возможность по очереди держать их на подходе к Босфору. Но и это не препятствовало германским крейсерам периодически выходить из Босфора и производить налеты на пункты нашего побережья. В марте на минах около Одессы взорвался и затонул турецкий крейсер «Междидие», который был через некоторое время поднят и зачислен в списки нашего флота под наименованием «Прут».

Весной 1915 года Черноморский флот пребывал в постоянной готовности выйти к Босфору в случае успеха операции союзников против Дарданелл и оказать им поддержку. Но десантная операция Антанты позорно провалилась.

В мае 1915 года произошел еще один бой с «Гебеном», теперь уже у Босфора. Эбергард снова держал свой флаг на «Евстафий», при нем, как всегда, находился и Кетлинский. В результате боя «Гебен», используя свое большое преимущество в скорости, успел скрыться в Босфоре.

За боевые заслуги в войне и личное участие во многих боях в мае того же года Кетлинский был удостоен ордена Святого Владимира 3-й степени с мечами.

Вступление в строй в июне 1915 года первого дредноута, «Императрица Мария», новых миноносцев и подводных лодок значительно усилило Черноморский флот. Теперь он, безусловно, превосходил германотурецкий. Сразу же были образованы две маневренные группы: 1-я — во главе с «Императрицей Марией», 2-я — линейные корабли-додредноуты, которые чередовались в море.

Летом 1915 года на Черном море впервые был применен маневренный метод использования подводных лодок: крейсерство в ограниченном районе. Он позволил командирам проявлять большую инициативу при поиске целей, что положительно сказалось на результативности действий. В этом была несомненная личная заслуга флаг-капитана командующего по оперативной части. Для разведки укреплений Босфора впервые были применены аэропланы, произведшие одну из первых аэрофотосъемок в ходе войны на море.

Обстрелы Зунгулдака, бомбардировки Босфора, действия против торговых судов и анатолийского побережья продолжали быть главным содержанием боевых операций русских линейных сил и миноносцев. В этих операциях флот добился определенных успехов. Количество потопленных турецких торговых судов достигло нескольких тысяч. Большого успеха флот достиг и в оказании помощи приморскому флангу нашей Кавказской армии у Трапезунда.

Как флаг-капитану командующего по оперативной части Кетлинскому вплотную приходилось заниматься и организацией связи, от которой во многом зависело качество решения оперативных вопросов.

В 1915 году при его непосредственном участии были введены в строй первая на Черноморском флоте телеграфная станция «Графская пристань», которая поддерживала прямую связь на аппаратах Бодо со Ставкой Верховного главнокомандующего, и новая, оснащенная французской аппаратурой радиостанция в Килен-бухте.

Это позволило значительно улучшить управление силами в море, качество радиоразведки, обеспечение высадки десантов и перевозки войск, взаимодействие с армейскими частями. Несомненным успехом Кетлинского

являются и успешные эксперименты по одновременному управлению по радио с берега действиями кораблей и подводных лодок у Босфора

Адмирала Эбергарда и его флаг-капитана давно волновала идея Босфорской операции. После провала Дарданелльской операции союзников они взялись за ее подготовку вплотную. Кетлинским был разработан подробный план всей грандиозной десантной операции.

В плане подготовки этой операции на Босфоре, Кетлинский занимался формированием особой транспортной флотилии, в состав которой были включены лучшие пароходы на Черном море. Вскоре Эбергард с Кетлинским могли доложить в Ставку, что Черноморский флот был готов выполнить перевозку при напряжении всех средств целой армии в составе 4 корпусов.

Согласно подготовке к высадке десанта на Босфоре, Эбергард и Кетлинский подняли вопрос и о необходимости занятия в качестве промежуточной базы флота болгарского Бургаса. Но этот проект ввиду опасения вызвать осложнения отношений с Болгарией был отклонен.

Со вступлением в строй «Императрицы Марии» вопрос об обеспечении операции со стороны моря не возбуждал особых сомнений. Но осуществление десантной операции в крупном масштабе не находило пока понимания в Ставке.

Осенью 1915 года Болгария выступила на стороне Германии и Австрии. Это сразу осложнило обстановку на Черном море.

Отныне на болгарские порты получили возможность базироваться германо-турецкие подводные лодки. 27 октября 1915 года Черноморский флот бомбардировал Варну, при этом некоторые наши корабли подверглись атакам подводных лодок.

В начале ноября вступил в строй второй дредноут, «Екатерина II». Это дало возможность Эбергарду разделить линейные силы уже на три группы, из коих каждая превосходила «Гебен» по боевой мощи.

Супруга Кетлинского Ольга Леонидовна всегда была очень дружна со своей сестрой Верой, которая была замужем за художником Николаем Липхартом, который был смертельно болен туберкулезом и умер в Симеизе перед самой революцией. Что касается Кетлинского, то он был дружен с братом своего свояка Ильей Оскаровичем Липхартом, одним из первых подводников русского флота и человеком непростой судьбы. Женившись на некой ветреной девице и уличив ее в измене, он в порыве ревности выстрелил в нее из револьвера, но нанес лишь легко ранение. После этого пытался покончить жизнь самоубийством. Был уволен с флота, вновь женился. С началом войны с Японией снова призван и командовал во

Владивостоке подводной лодкой «осетр». В годы Первой мировой войны возглавлял штаб транспортной флотилии Черноморского флота. Впоследствии стал капитаном 1-го ранга. Эмигрировал с семьей во Францию, где и умер в 1936 году. В 1915—1916 годах Кетлинские часто общались с семьей Липхарта, проводя вместе немногие свободные вечера.

Не прерывались в это время и дружеские отношения Кетлинского с Василием Черкасовым. Что касается Казимира, то он был хорошо знаком с супругой Черкасова, Ольгой Александровной, которая была чуть ли не единственной женой офицера, прошедшей вместе с мужем всю порт-артурскую страду и даже участвовавшей в сражении нашей эскадры 28 июля в Желтом море, находясь на броненосце «Пересвет». Теперь же старые друзья дружили семьями, а две Ольги стали закадычными подругами.

На Черном море служба В.Н. Черкасова также шла достаточно успешно. Командуя эсминцем «Гневный», он неоднократно участвовал в боевых походах и «за отличия в боях против неприятеля» в мае 1915 года был произведен в капитаны 1-го ранга. За торпедную атаку на крейсер «Бреслау», проведенную у Босфора в ночь на 29 мая 1915 года, был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами и бантом, за другие отличия — орденами Святой Анны 2-й степени с мечами и Святого Владимира 3-й степени с мечами. Как и все офицеры российского флота, Кетлинский, безусловно, соперничал Василию Черкасову в связи с жертвенным подвигом его младшего брата Петра, который, командуя канонерской лодкой «Сивуч», принял неравный бой с германской эскадрой в Рижском заливе и погиб, не спустив перед противником Андреевского флага.

В январе—марте 1916 года В.Н. Черкасов исполнял обязанности командующего 2-м дивизионом эсминцев Черноморского флота.

Что касается Кетлинского, то в феврале 1916 года он вплотную занялся организацией действий флота по нарушению турецких коммуникаций в зоне Зунгулдак—Эрдели, являвшейся жизненно важным для Стамбула угольным районом. Дело в том, что в связи с почти полным отсутствием дорог все перевозки угля осуществлялись оттуда в турецкую столицу морем на каботажных судах.

До этого времени, несмотря на постоянное присутствие в районе наших эсминцев, турки научились от них уходить. Наиболее опасный участок от мыса Баба до острова Кефкен они проходили в темное время суток без огней. Из Босфора турецкие суда так же выходили с наступлением темноты или за час-полтора до захода солнца, чтобы к утру достигнуть

конечного пункта. Обнаружив днем неподалеку от берега наши эсминцы, турки попросту стали задерживать свои суда в портах. Когда же днем море было пусто, это был верный знак, что ночью можно будет пройти вдоль берега незамеченными. Такая тактика приносила туркам успех, и результативность наших эсминцев стала резко снижаться.

Поэтому Кетлинский предложил новую схему «угольной блокады», положенную Эбергардом в основу директивы № 297 от 10 (23) февраля 1916 года. Эта директива предусматривала блокирование района днем подводной лодкой, а ночью — парой эскадренных миноносцев.

Отныне подводным лодкам предписывалось, находясь днем под перископом, наблюдать за Зунгулдаком, не выдавая своего присутствия, а на ночь отходить от берега для зарядки батарей. Одновременно с наступлением ночи к побережью скрытно подходила пара эсминцев и в течение всей ночи маневрировала переменными ломаными курсами, перекрывая туркам путь следования от мыса Баба до острова Кефкен. Перед рассветом эсминцы снова отходили мористее за пределы видимости турок, а позицию у берега занимала подводная лодка. Результаты внедрения новой схемы превзошли все ожидания, и потери турок стремительно поползли вверх. В результате этого буквально через какой-то месяц Стамбул был поставлен на грань угольной катастрофы. Именно В.Н. Черкасов на практике отработывал теоретические новинки своего друга, устроив со своими товарищами настоящий погром на турецких прибрежных коммуникациях.

По сути дела, Кетлинский впервые разработал и на практике внедрил оперативное взаимодействие надводных кораблей и подводных лодок, что по достоинству было впоследствии оценено теоретиками военно-морского флота как важный шаг вперед в развитии способов действия сил на неприятельских морских сообщениях.

Несколько позднее Кетлинским была детально разработана и система взаимодействия подводных лодок, выражавшаяся в определении границ районов их крейсерства и чередования выходов в предпроливную зону.

Военно-морской историк А.Ю. Козлов пишет по этому поводу следующее: «Сравнительно небольшое удаление лодок друг от друга обеспечивало возможность устойчивой радиосвязи и, следовательно, обмена данными об обстановке и получаемой от внешних источников разведывательной информации. Решение о поочередном нахождении лодок перед Босфором следует признать удачным, так как в отличие от предыдущих схем применения подводных лодок оно обеспечивало постоянное наблюдение за устьем пролива в дневное время...»

Результаты новаторства скоро дали о себе знать и потери турок от действий наших подводных лодок резко возросли. Деятельность Кетлинского, вне всяких сомнений, свидетельствует не только о высоком профессионализме, но и творческом подходе к решению стоящих перед флотом задач.

В марте 1916 года В.Н. Черкасов получил неожиданное назначение — командиром линкора «Чесма» (только что выкупленного у японцев нашего бывшего броненосца «Полтава»). Назначение это было, безусловно, престижно, так как, лишь пройдя командирскую ступень на корабле 1-го ранга, можно было рассчитывать на адмиральские погоны. Однако, прощаясь с Черкасовым, Кетлинский, конечно, не мог предположить, что скоро их служебные пути вновь пересекутся.

9 января 1916 г. нашим миноносцам удалось наконец-то навести «Гебен» на «Екатерину II». Произошел короткий бой, после чего «Гебен», пользуясь своим неизменным преимуществом в ходе, опять ушел в Босфор.

В 1916 году Кетлинский особо отличился при проведении Трапезундской операции по взятию города силами флота. Кетлинский фактически руководил ее планированием, а затем весьма умело координировал боевые действия флота и частей кавказской армии. Как известно, Трапезундская операция была одной из самых удачных масштабных боевых операций нашего флота в Первой мировой войне и рассматривалась штабом Черноморского флота как генеральная репетиция к Босфорской десантной операции, запланированной на 1917 год.

К началу 1916 перед Черноморским флотом ставилась задача оказать содействие приморскому флангу Кавказской армии в овладении Трапезундом. 23 и 24 января корабли Батумского отряда (линкор, 2 эсминца, 2 миноносца, 2 канонерские лодки) под командованием капитана 1-го ранга М.М. Римского-Корсакова огнем артиллерии подавили турецкие батареи у реки Архаве, что позволило Приморскому отряду Кавказской армии генерал-лейтенанта В.Н. Ляхова перейти в наступление.

Дальнейшие успешные боевые действия Кавказской армии стали возможны благодаря тому, что 25—26 апреля в Ризе и Хамургане были высажены две пластунские бригады, переброшенные из Новороссийска на 22 транспортах. Со стороны моря переход транспортов прикрывали 2 линкора, 2 крейсера и 6 эсминцев. Бригады высаживались под прикрытием кораблей Батумского отряда и авиации. После чего Приморский отряд, усиленный пластунскими бригадами, овладел сильно укрепленными позициями турок на реке Карадере и Трапезундом.

В результате успеха Трапезундской операции, достигнутого благодаря

помощи флота, была прервана кратчайшая связь 3-й турецкой армии с Константинополем. Организованные русским командованием в Трапезунде база легких сил флота и база снабжения значительно упрочили положение Кавказской армии.

Один из самых авторитетных историков Первой мировой войны генерал А.И. Зайончковский считает Трапезундскую операцию по своему стратегическому значению равной таким стратегическим операциям 1916 года, как битва за Верден, бои русской армии в Галиции и французов на реке Сомма, а также знаменитый Ютландский бой.

Оперативно-боевая подготовка Черноморского флота, за которую непосредственно отвечал Кетлинский, была поднята им к 1916 году на весьма высокий уровень. Это признавали и союзники, и противники. «Боевая подготовка русского флота была хороша, лучше, чем в Балтийском флоте. Черноморский флот стрелял на больших дистанциях, много плавал, появлялся всегда соединенно, что совершенно лишало «Гебен» возможности использовать с успехом свое превосходство в скорости и артиллерийском вооружении против неприятельских сил по частям», — писали в своем отчете о кампании на Черном море германские специалисты.

Сегодня мало кто помнит одно из важнейших достижений адмирала Эбергарда, его штаба, и прежде всего Кетлинского, — разработку и внедрение в августе 1914 года комплекса «степеней готовности флота» или перечня «положений». Впоследствии именно этот перечень стал прообразом системы «оперативных готовностей», которая в межвоенный период была воссоздана уже в масштабе всего советского военно-морского флота и сыграла огромную роль в начале Великой Отечественной войны.

Недовольство Ставки и общественности действиями Черноморского флота относилось прежде всего к неуловимости «Гебена» и «Бреслау». И хотя эти корабли уже почти не покидали Босфора, это неудовольствие не только не уменьшалось, а, наоборот, искусственно нагнеталось.

Из послужного списка К.Ф. Кетлинского за 1914—1915 годы: «Находился в походах и делах против неприятеля в Черном море, в 1914 году 16 октября, 5 ноября и 24 декабря, в 1915 году 22 февраля, 15 марта, 12, 19 и 27 апреля и 25 мая».

Глава пятая.

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

К середине 1916 года Черноморский флот уже окончательно перехватил инициативу на море. Противник почти не вылезал из Босфора, лишь иногда решаясь на одиночные вылазки, да и то больше для поддержания общественного мнения, чем для решения каких-то реальных задач. На повестку дня встал вопрос о подготовке и организации десантной операции на Босфор. Этой работой Кетлинский занимался уже вплотную. По одним данным, операция носила условное наименование «Царьград», по другим — «Нахимов». Впрочем, возможно, и то и другое — это лишь домыслы более позднего времени. Между тем, несмотря на все достигнутые успехи, над командованием Черноморского флота сгущались тучи.

Впрочем, интрига началась многим раньше. Все началось еще 11 февраля 1915 года, когда на Севастопольский вокзал прибыл императорский поезд Николая II, совершавшего вояж по южным губерниям и пожелавшего «лично видеть боевую работу нашего флота и славных моряков-севастопольцев». На перроне царя встречали морской министр генерал-адъютант Григорович, товарищ министра внутренних дел генерал-майор свиты Джунковский, командующий флотом Черного моря адмирал Эбергард и другие. Приняв рапорт командующего флота и хлеб-соль горожан, государь на катере отправился на внутренний рейд, обошел корабли эскадры и посетил линкор «Ростислав» и крейсер «Кагул».

Накануне визита в феврале 1915 года императора Николая в Крым адмирал Григорович пригласил командующего Черноморским флотом Эбергарда в великокняжеский дворец и официально сообщил ему, что в штабе Верховного главнокомандующего и в столичных «высших сферах» недовольны начальником штаба флота контр-адмиралом Плансоном и особенно флаг-капитаном по оперативной части капитаном 1-го ранга Кетлинским. Последний вызывал особую неприязнь министра. Григорович «дружески посоветовал» командующему флотом согласиться на замену своих ближайших помощников, назвав даже их будущих преемников. Однако такое предложение не соответствовало представлениям Эбергарда о служебной этике. Он категорически отказался снимать с должностей

своих проверенных соратников, заявив, что всю ответственность за положение дел на флоте несет он лично.

Более того, делая вскоре императору доклад о положении дел на вверенном ему флоте, Эбергард посчитал необходимым внести в затеваемую интригу полную ясность и рассказал императору о сделанном ему министром предложении.

Из воспоминаний капитана 1-го ранга Н.Р. Гутана: «Андрей Августович (Эбергард — В.Ш.) на разрешение Государя говорить, в присутствии оставшегося в салоне морского министра, доложил следующее: «Я имею сведения, что в Ставке недовольны деятельностью моего начальника штаба и флаг-капитана, и мне предлагают их сменить. Но за боевую деятельность флота, Вашим Величеством мне вверенного, отвечаю я один. И если это недовольство действительно существует, я Всеподданнейше прошу Ваше Величество меня заменить, и ради блага России и пользы флота буду считать это Высочайшей мне милостью». Государь был удивлен и спросил А.А., откуда у него эти сведения. А.А. ответил: «Мне сообщил это Генерал-Адъютант Григорович». Тогда Государь, обернувшись к Адмиралу Григоровичу, спросил морского министра, откуда он это знает, и прибавил: «Я только что сам был в Ставке, и Великий Князь мне ничего по этому поводу не говорил». Адмирал Григорович ответил, что об этом много говорят в Петербурге. На это Государь возразил: «Иван Константинович, нельзя же всякому вздору верить». И, обращаясь к А.А., прибавил: «Я вполне вам доверяю и доволен вами и деятельностью флота, о чем можете объявить в приказе». Вопрос был исчерпан, а флот на следующий день снова вышел в море».

Капитан 1-го ранга В.М. Альфатер, перебравшийся в Морской отдел Ставки и заведовавший там балтийскими делами, усиленно продвигал Непенина, рассчитывая, видимо, в дальнейшем на поддержку этого бесхитростного и порядочного человека. Хотя, как считал Тимирев, более подходящим кандидатом на пост командующего Балтийским флотом был Колчак. Черноморским направлением в Ставке заведовал капитан 1-го ранга А.Д. Бубнов, в будущем — известный теоретик и историк военно-морского искусства. Он-то и продвигал туда своего друга Колчака.

В своей книге воспоминаний А.Д. Бубнов пишет: «К осени 1916 года операции эти (имеются в виду операции Черноморского флота под командой Эбергарда. — В.Ш.) привели к разрушению копей и портовых сооружений Зангулдака и к уничтожению всех паровых и более или менее значительных парусных судов турецкого торгового флота, последствием чего явилось полное прекращение снабжения Константинополя углем, а

турецкой армии — боевыми запасами по морю. Это чрезвычайно затруднило и так уже тяжелое положение Турции и турецко-германского флота, ибо впредь пришлось доставлять уголь по уже сильно обремененной железной дороге из Германии, а снабжение Анатолийской армии боевыми запасами производить на расстоянии тысячи километров сухим путем без железных дорог. Однако, несмотря на наличие в составе Черноморского флота новых мощных броненосцев, набеги немецких крейсеров на кавказское побережье продолжались, ибо наши броненосцы были тихоходные и не могли их настичь. Набеги эти послужили в течение зимы 1915/16 года предметом резких жалоб наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича верховному командованию и раздражали общественное мнение. Набеги эти могли быть прекращены лишь путем тесной блокады или минирования Босфора. Но, несмотря на повторные указания верховного командования командующему Черноморским флотом адмиралу А.А. Эбергарду в этом смысле, командование Черноморским флотом упорно отказывалось принять эти меры, ссылаясь на то, что для блокады Босфора нет вблизи его подходящих баз, а для минирования не хватает мин заграждения, ибо большинство минного запаса было израсходовано для обороны наших берегов. Хотя эти возражения были до известной степени справедливы, все же морской штаб верховного главнокомандующего полагал, что даже в существующей обстановке и с наличными средствами Черноморского флота можно было бы предпринять более энергичные действительные меры в районе Босфора в целях воспрепятствования выходу судам турецко-немецкого флота в Черное море.

При выяснении этого вопроса оказалось, что главным противником этих мер был начальник оперативного отделения штаба командующего Черноморским флотом капитан 2-го ранга Кетлинский, пользовавшийся неограниченным доверием и поддержкой командующего флотом А.А. Эбергарда. В целях побуждения командования Черноморским флотом к более энергичным действиям против Босфора я был командирован с соответствующими указаниями верховного командования в Севастополь, где был в достаточно недружелюбной степени встречен чинами штаба флота. Подкрепленные рядом неопровержимых стратегических и тактических доказательств, продолжительные мои разговоры с Кетлинским и чинами штаба, находившимися всецело под его влиянием, не привели ни к каким результатам. Это было тем более странным, что Кетлинский был одним из талантливейших офицеров нашего флота и что принятые впоследствии против Босфора энергичные меры, назначенные вскоре после этого новым командующим флотом адмиралом А.В. Колчаком, немедленно

достигли полностью желаемых результатов.

Упорство Кетлинского в этом вопросе было настолько загадочным, если не сказать больше, что, в лучшем случае, можно было подозревать в нем недостаток личного мужества, необходимого для ведения решительных операций. Моя поездка послужила лишь к обострению отношений между морским штабом верховного главнокомандующего и командованием Черноморским флотом, и дало повод по возвращении моем в Ставку к острой переписке моей с чинами штаба Черноморского флота, принявшей вскоре с их стороны недопустимые, особенно в военное время, формы.

В конце концов начальником Морского штаба верховного главнокомандующего был дан командующему Черноморским флотом совет — заменить Кетлинского другим, более отвечающим оперативной работе офицером, на что адмирал А.А. Эбергард ответил категорическим отказом и заявлением, что он всецело разделяет оперативные взгляды своего начальника оперативного отделения и с ним не расстанется. Тогда было принято решение о смене самого адмирала Эбергарда.

Но привести в исполнение это решение было не так просто, ибо адмирал Эбергард пользовался благоволением Государя и поддержкой флаг-капитана его величества адмирала Нилова, с которым он был в дружеских отношениях. Вследствие этого морской министр и начальник Морского Штаба Верховного главнокомандующего опасались натолкнуться на отказ со стороны Государя.

Тогда в Морском Штабе был составлен строго научно обоснованный, всеподданнейший доклад, в котором деятельность командования Черноморским флотом была подвергнута объективной критике, и, к вящему удивлению адмиралов И.К. Григоровича и А.И. Русина, этот доклад был Государем утвержден без единого слова возражения. По этому докладу адмирал Эбергард был назначен членом Государственного совета...»

Вот всего одна цитата из того самого скандального доклада по морскому штабу Верховного главнокомандующего, приведшая к снятию с должности адмирала Эбергарда. Мне кажется, что эта цитата наглядно демонстрирует, как был составлен этот доклад: «Поставленная Черноморскому флоту с началом войны задача — поддерживать господство на море — наилучшим и исчерпывающим образом могла бы быть выполнена сосредоточением главных боевых усилий Черноморского флота против Босфора как единственного выхода флота противника в море. Составленные еще в мирное время и известные командующему флотом планы операций на Черном море именно и намечали сосредоточение боевых усилий флота против Босфора, и в соответствии с этими планами

создавались необходимые боевые средства, и должна была протекать боевая подготовка личного состава флота. В начале войны, до вступления в строй новых линейных кораблей и миноносцев, активная деятельность нашего флота против Босфора могла почитаться спорной — в смысле возможности осуществления полной его блокады — вследствие сравнительной слабости флота и значительной зависимости его от баз. Но и в начале войны высказывались некоторыми морскими начальниками соображения о возможности поддерживать блокаду Босфора наличными силами флота при условии организации погрузки угля в море, в чем наш флот приобрел обширный опыт при неоднократных погрузках угля в океане в минувшую войну. Командующий флотом Черного моря не счел, однако, возможным сделать опыт в этом направлении и совершенно отказался от мысли блокировать Босфор...»

Что здесь можно сказать? Даже из первых абзацев доклада видна предвзятость голословных утверждений Русина и Бубнова и всех, стоящих за ними.

Ведь только поэтому Эбергард вынужден был каждый раз выводить в крейсерство всю свою тихоходную и громоздкую эскадру. Это приводило к невероятному напряжению Черноморского флота и преждевременному износу механизмов старых кораблей. Со вступлением же в строй двух новейших мощных дредноутов, новых эсминцев и подводных лодок действия флота по нарушению неприятельских сообщений сразу же переросли в весьма эффективную блокаду Босфора. Обо всем этом Григорович, Русин и Бубнов прекрасно были осведомлены, однако по какой-то причине преднамеренно умолчали.

И это при том, что сегодня историками наглядно доказано, что именно российский Черноморский флот был единственным из всех воюющих флотов Великой войны, который настойчиво искал встречи с неприятелем в его водах. Никто даже не вспомнил, что перед началом боевых действий адмирал Эбергард настойчиво просил разрешить ему неожиданно войти в Босфор и нанести упреждающий удар по туркам, чтобы нейтрализовать «Гебен». Неужели эти опытнейшие штабные офицеры не знали, что единственная оборудованная база блокирующих Босфор сил — Севастополь — находилась почти в 300 милях, т.е. на расстоянии более чем суточного перехода флота от пролива? Неужели они не понимали, что, имея противником линейный крейсер «Гебен», который почти вдвое превосходил в скорости наиболее боеспособную 1-ю бригаду линейных кораблей, а по мощи артиллерии был сопоставим с тремя лучшими линкорами Черноморского флота, вместе взятыми, командующий флотом не имел

возможности разделять свои силы? Или для них было новостью, что в распоряжении Эбергарда отсутствовали быстроходные крейсера и мореходные подводные лодки, способные нести непрерывный дозор у Босфора?

Впрочем, Морской генеральный штаб, а затем и Морской штаб Главковерха, учрежденный в январе 1916 года, не прекращали своих дальнейших попыток сместить черноморское командование. Особенно старались в этом начальник Морского генерального штаба адмирал А.И. Русин и его флаг-капитан А.Д. Бубнов. Сделать это было не так-то легко, так как Эбергард пользовался на Черноморском флоте большим авторитетом среди офицеров.

Относительно готовности Балтийского флота к Первой мировой войне, как и непогрешимости командующего Балтийским флотом Н.О. Эссена, весьма аргументированно пишет известный военно-морской историк РЛ1 Мельников в своей книге «Линкор «Павел Первый»: «Вместо предполагавшейся, просто и ясно понимаемой главной боевой задачи: сражения с превосходящими силами противника на артиллерийско-минной позиции — флот (имеется в виду именно Балтийский флот. — *В.Ш.*) оказался в условиях борьбы, к которой был не готов. Хрке того — часть уроков той войны оказалась забыта. Достаточно указать на зачаточное состояние тральных сил, совершенно неудовлетворительные технику и боевую подготовку подводных лодок. Им из совершенных в 1915 г. 20 торпедных атак (выпущено 50 торпед) не удалась ни одна (*Томашевич А.В.* Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914—1915 гг. М.-Л., 1939). В полной неподготовленности флота к артиллерийскому бою признавался сам Н.О. Эссен (дневниковая запись, приведенная в примечаниях к книге Р. Фирле «Война на Балтийском море». Т. 1. Л., 1926.) «...Теперь приходилось на ходу импровизировать во множестве ранее не рассматривавшихся в штабах, новых боевых задачах. Как писал в 1924 году самый яркий представитель отечественной тактической мысли М.А. Петров, в предвоенное время вся работа тактики уходила преимущественно в решение задач, связанных со свойствами оружия (*Петров М.А.* Морская тактика Балтийского флота. Л., 1924). Прекрасно была обеспечена артиллерийская подготовка одиночного корабля (бой «Новика» на Балтике), появилось искусство бригадной стрельбы («Пантелеймон» в Черном море, против «Гибена»), хорошо налаженным считалось бригадное и полубригадное ведение огня. Всесторонне была освоена практика минных постановок. В остальном же, как В.А. Петров подчеркивал по собственному штабному опыту,

повсеместно проявлялось «отсутствие заранее разработанной научной мысли и той работы, которая могла бы быть выполнена заблаговременно до начала войны... Свой вклад в неподготовленность флота к войне внес и Генмор (Генеральный морской штаб. — *В.Ш.*), который отклонил планы активных минных постановок, предлагавшиеся Н.О. Эссеном, и вычеркнул Моонзунд и острова из операционной зоны флота. Доля вины ложилась здесь на перерабатывающего предвоенный план операций А.В. Колчака (Морской журнал, № 28/4, Прага, 1930 г.). Пришлось силы и средства тратить на импровизацию в ходе войны, а для обороны островов спешно, в экстремальных условиях строить далеко не оптимальные батареи в палубных, а не в башенных установках. Свою роль во всех этих просчетах сыграло и предубеждение Н.О. Эссена к штабной работе, которую он, по свидетельству С.Г. Тимирева, часто отождествлял с «канцелярщиной», «почему и терпел ее лишь как неизбежное зло... Соответствующий (негативный. — *В.Ш.*) настрой складывался и в штабе (имеется в виду именно штаб Балтийского флота. — *В.Ш.*), отчего работа в нем шла «бессистемно, нервно, несогласованно». Иначе и нельзя было справляться с ней при крайней малочисленности штаба «Работа была живая, спору нет; но очень часто она делалась впустую и не доделывалась» (Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998.).

Я совсем не хочу опорочить память адмирала Эссена и окружавших его многочисленных талантливых офицеров-балтийцев, однако будем объективны, что в целом и Балтийский, и Черноморский флоты имели приблизительно одинаковый уровень боевой подготовки, так как возглавлялись адмиралами и офицерами, имевшими одинаковый уровень боевого опыта и оперативного мышления. В чем-то и где-то опережали балтийцы, где-то, наоборот, первенствовали черноморцы, что вполне естественно в соревновании двух любых стратегических объединений. Однако принижать реальные успехи Черноморского флота в силу лишь того, что во главе Балтийского находились в то время любимцы нынешних российских историков Н.О. Эссен и А.В. Колчак, по меньшей мере непорядочно.

В книге своих воспоминаний «Флот» А.П. Лукин так описывает отношение черноморских офицеров к своему командующему адмиралу Эбергарду: «Двужильный старик — звали мы его. Высокообразованный моряк, с благородной душой и рыцарским сердцем, старый холостяк, лингвист и, как говорила молва, — женоненавистник Человек государственного ума и огромного опыта. Флот его любил и почитал. Все глубоко жалели, когда он ушел. С мостика корабля он попал прямо в кресло

Государственного совета».

Неплохо лично относился к нему и император Николай, но непрекращающиеся доносы на старого адмирала и бесконечные интриги постепенно делали свое дело.

Что касается флаг-капитана по оперативной части командующего Черноморским флотом, то Кетлинский был известен не только политическими интригами, в которых его обвиняли политические противники, и в первую очередь представитель флота при Ставке контр-адмирал Бубнов. Сегодня историки говорят о Кетлинском не только как о любимце командующего, но и как о незаурядном оперативном работнике, главном разработчике той грамотной стратегии, которой придерживался Черноморский флот в 1914—1916 годы, которая вызвала весьма непонятное, на первый взгляд, неудовольствие Ставки и императора якобы отсутствием активности и наступательности. На самом деле все было как раз наоборот. Именно черноморцы, не гонясь за внешними эффектами, занимались титанической черновой работой, готовя флот после вступления в строй первых дредноутов к решительной борьбе за господство на Черном море, а затем и к грандиозной операции на Босфор, которая должна была ознаменоваться самой ожидаемой в России победой в мировой войне — окончательным решением в ее пользу «Константинопольского вопроса».

Сейчас историки более объективно высказываются по поводу деятельности и командующего Черноморским флотом адмирала Эбергарда и по поводу начальника оперативного отдела флота капитана 1-го ранга Кетлинского. Даже простое сравнение потерь в первый год войны говорит само за себя. Если Черноморский флот потерял всего лишь старый минный заградитель «Прут» и еще более старую канонерскую лодку «Донец» (которую, впрочем, вскоре подняли и ввели в строй), то Балтийский — новейшие корабли: минный заградитель «Енисей» и крейсер «Паллада».

Успехи в 1914 году между соперничавшими флотами были тоже почти равными: и те, и другие взорвали на своих минах по неприятельскому крейсеру. Впрочем, и противник у черноморцев был куда более грозный. Новейший линейный крейсер «Гебен» — это не старые крейсера, которые Германия держала на Балтике против России. Единственное, в чем превзошли балтийцы черноморцев, так это в организации боевых действий в первые часы войны. Если Эссен, не дожидаясь приказа свыше, на свой страх и риск начал ставить минные заграждения в Финском заливе, то Эбергард оказался не на высоте при первом набеге германско-турецких кораблей на черноморские порты. Впрочем, и здесь в большей мере виноват был не сам адмирал, а политики, которые до последнего часа

уверяли его в возможности избежать войны на Черном море, да на наши порты на Балтике никто в первые дни войны не покушался. В остальном никаких фактических претензий у Ставки к Эбергарду не было, а блистательный бой главных сил Черноморского флота против «Гебена» у мыса Сарыч и сегодня считается классическим. Однако всего этого оказалось недостаточно, чтобы противостоять могущественной и амбициозной «партии балтийских младотурок».

Первая атака на командующего Черноморского флота адмирала Эбергарда началась еще весной 1916 года, когда без каких-либо объяснений был отправлен в отставку начальник штаба Черноморского флота высокопрофессиональный и опытный контр-адмирал К.А. Плансон (впоследствии он будет убит в 1921 году в Крыму). Эту атаку Эбергард с Кетлинским кое-как отбили, и на место Плансона был назначен вице-адмирал А.Г. Покровский — тоже весьма опытный и грамотный офицер-черноморец

В обозначившемся в 1916 году противостоянии адмирала Эбергарда и Ставки верховного главнокомандующего Кетлинский был весьма заметной фигурой, причем фигурой уже не просто известного военного специалиста, но и военно-морского деятеля, игравшего не последнюю роль в подковерной борьбе во флотских кулуарах. А борьба там шла нешуточная.

Ведущую роль в ней играла группа балтийских офицеров, группировавшихся под крылом командующего Балтийским флотом адмирала Эссена, в нее входили: Колчак, Непенин, Альтфатер, Рентгартен, Дудоров, Вердеревский и другие, получившие ироничное прозвище «младотурок» по аналогии с одноименной партией молодых офицеров-реформаторов в тогдашней Турции. Практически все представители этой группировки были активными участниками Русско-японской войны и порт-артурцами, что придавало им определенную популярность. Группировка «младотурок» являлась на тот момент самой могущественной. Она имела серьезные связи не столько в императорском дворце, сколько в Думе, среди представителей различных партий, от самых правых, монархических, до левых, революционных, а также среди масонов. Другая, несколько более слабая, группа офицеров собралась вокруг популярного морского министра Григоровича. Недостатком этой «партии» была ее ориентация исключительно на царя. Еще одна военно-морская партия во главе с адмиралом Русиним и капитаном 1-го ранга Бубновым образовалась при Ставке Верховного главнокомандования. Эта «партия» имела серьезное влияние вначале на Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, а потом на принявшего руководство военными

действиями императора. Однако в силу своей малочисленности и отдаленности от столицы (Славка находилась в Могилеве) больших политических связей не имела. И, наконец, еще одна военно-морская политическая «партия» образовалась вокруг командующего Черноморским флотом адмирала Эбергарда. Признанным лидером этой «черноморской партии» и был Кетлинский. Недостатками этой группировки являлись также отдаленность от столицы, неучастие большинства черноморских офицеров в Русско-японской войне и, как следствие этого, недостаток военного авторитета. Кроме этого, с началом мировой войны существенную роль стал играть и национальный вопрос, поэтому немецкое происхождение адмирала Эбергарда и польское Кетлинского не прибавляло им популярности. Что касается балтийского визави Эбергарда адмирала Эссена, то его немецкое происхождение компенсировалось в глазах политиков блестящим порт-артурским прошлым. Помимо этого, и министерская, и могилевская «партии» явно тяготели к «младотуркам», так как ее члены были бывшими балтийцами. Все это и предопределило полный разгром «черноморской оппозиции».

Впрочем, и здесь было не все так просто. Когда в конце 1915 года внезапно для всех скоропостижно скончался командующий Балтийским флотом адмирал Эссен, на его место министр Григорович поставил своего протеже, вице-адмирала Канина. Однако Канин не устраивал «младотурок», как не устраивал их и черноморский командующий Эбергард. Именно поэтому против них была развернута масштабная политическая интрига, к которой были привлечены военно-морская «партия» Ставки и офицеры министерства, взявшие в оборот императора Николая и морского министра Григоровича. Блестяще организованная и выполненная политическая интрига завершилась практически одновременным снятием с должностей обоих, не угодных «младотуркам» командующих флотами. На вакантные места были тут же назначены лидеры «младотурок»: на Черноморский флот вице-адмирал Непенин, на Черноморский вице-адмирал Колчак.

Забегая вперед, отметим, что «младотурки» цепко держали власть на флоте в своих руках вплоть до середины 20-х годов. И это несмотря на все революции и Гражданскую войну! Когда в начале Февральской революции был убит Непенин, его место занял вполне лояльный ко всем революционерам контр-адмирал Максимов, а Морское министерство возглавил известный масон «младотурок» Вердеревский. При большевиках фактическое руководство флотом перешло к еще одному видному «младотурку» — Альтфатеру. Одновременно другой выдвигенец этой же

политической группировки, Колчак был назначен Антантой Верховным правителем России.

4 июля 1916 года вырвавшийся из Босфора «Гебен» (это был его последний выход в Черное море) обстрелял Туапсе. И хотя толку от этого обстрела не было никакого, а сам «Гебен» тут же бежал обратно в Босфор, этот факт мгновенно стал достоянием самой широкой общественности. Его вполне сознательно раздули, чуть ли не размеров Цусимы, и именно этот, в общем-то, самый заурядный эпизод войны на море стал поводом к расправе над адмиралом Эбергардом и его флаг-капитаном.

Уже 9 июля 1916 года морской министр с подачи адмирала Русина представил императору доклад, сочиненный Бубновым. В докладе деятельность Эбергарда, разумеется, описывалась в самых черных тонах. Зачитав доклад, Григорович внезапно попросил императора назначить на пост командующего Черноморским флотом контр-адмирала А.В. Колчака — начальника минной дивизии Балтийского моря. «Я видел, что Государь не очень доволен такой моею просьбою, но, к моему удивлению, он легко согласился...» — вспоминал министр. Думаю, что в данном случае Григорович не сказал всей правды. История «внезапного» назначения Колчака, как хорошо теперь известно, сопровождалась его предварительными поездками на «консультации» к думским масонам, тем, которые в скором времени организуют т.н. февральскую буржуазную революцию.

Говоря о реальных боевых заслугах Колчака, следует признать, что практически все они искусственно раздуты, а то вовсе высосаны из пальца и на поверку оказываются ложью. Так, утверждение Колчака, что именно на его минах погиб под Порт-Артуром японский крейсер «Такасаго», абсолютно голословно, т.к. мины в том районе ставили сразу несколько миноносцев, к тому же японский крейсер мог подорваться на одной из многочисленных сорванных штормами мин, которыми тогда изобиловали прибрежные воды. Единственное же реальное личное участие Колчака в морском бою в годы Первой мировой войны на Балтике ознаменовалось фактически полным провалом затеянной им операции. При атаке германского конвоя 31 мая 1916 года в Норчепигской бухте Колчак смог утопить лишь неприятельское судно-ловушку (для отвлечения нападавших и предназначенную!), бездарно упустив в благоприятнейшей обстановке весь неприятельский конвой, для уничтожения которого его и послали. Утверждения Колчака о том, что он якобы уничтожил в том бою чуть ли не 8 транспортов, до сих пор никем не подтверждены. Вообще Колчак на всем протяжении своей жизни всегда грешил сочинительством несуществующих

подвигов и последующим пиаром. Не чурался он впоследствии далее присвоения самому себе и звания полного адмирала, да история его «романтических отношений» с мадам Тимиревой на самом деле совсем не красит Колчака как офицера, который фактически сожительствовал с женой своего боевого товарища и сослуживца.

Даже беглое ознакомление с послужным списком Колчака заставляет изумиться тому, почему этот, в общем-то, обычный офицер был внезапно вознесен на одну из высших должностей в военно-морской иерархии. И так, до 1912 года Колчак служит начальником оперативной части в Морском генштабе. Надо признать, что Колчак был достаточно известен в определенных кругах как полярный путешественник и специалист по гляциологии (науке о льдах), но к военно-морской службе эти его личные увлечения никакого отношения не имеют. С 1914 по 1915 год Колчак является флаг-капитаном по распорядительной части командующего Балтийским флотом. В декабре 1915 года его назначают начальником минной дивизии Балтийского флота в обход установленному правилу — обязательному прохождению перед назначением на контр-адмиральскую должность такой важной служебной ступеньки, как командование кораблем 1-го ранга. Но не будем в данном случае особо придирчивы, ведь шла война и вопросы назначения надо было решать быстро, без излишней формальности. В должности начальника дивизии Колчак провел лично лишь одну провальную операцию в Норчепигской бухте, о которой мы уже говорили выше. По большому счету, за провал этой операции его вполне можно было снимать с должности, как начальника, не выполнившего поставленной перед ним боевой задачи и не сумевшего организовать управление и взаимодействие отрядов кораблей в море. Но в апреле 1916 года (т.е. всего через три месяца нахождения в должности) Колчака неожиданно производят в контр-адмиралы. А еще через каких-то два месяца, не имея больше никаких новых заслуг, он еще более неожиданно для всех вдруг становится вице-адмиралом и командующим Черноморским флотом.

Впоследствии Колчак так объяснил свое назначение командующий Черноморским флотом: «...Назначение меня в Черное море обуславливалось тем, что весной 1917 года предполагалось выполнить так называемую Босфорскую операцию, то есть произвести уже удар на Константинополь... На мой вопрос, почему именно меня вызвали, когда я все время работал в Балтийском флоте... генерал Алексеев сказал, что общее мнение в Ставке было таково, что я лично, по своим свойствам, могу выполнить эту операцию успешнее, чем кто-либо другой.

В данном случае Колчак, сам того не желая, несколько приподнимает завесу тайны над своим назначением Дело в том, что фактически руководивший тогда всеми Вооруженными силами России генерал Алексеев являлся масоном весьма высокого градуса посвящения. Он упоминается, в частности, в знаменитом «масонском списке» Н. Берберовой, как видный деятель весьма влиятельной «Военной ложи», возглавляемой видным политическим деятелем Гучковым, главным организатором будущего февральского переворота. Помимо всего прочего, Алексеев был и лично дружен с Гучковым, который почти в открытую готовил свержение царя. Как отмечал зарубежный русский историк Г.М. Катков в своей книге «Февральская революция»: «Заговор Гучкова был не единственным, в это время вынашивались и другие планы, но к весне 1917 года Гучкову, очевидно, удалось продвинуться дальше прочих...»

В прессе встречается информация, что жандармерия уже в начале 1916 года взяла Колчака в секретную разработку как «человека Гучкова». Основания для этого у нее были. Жандармский генерал Спиридович пишет в своих воспоминаниях о неких важных собраниях в Петербурге в октябре 1916 года на частных квартирах, в том числе и у Максима Горького. Там якобы возник некий «морской план» дворцового переворота, на который были якобы согласны Колчак и Капнист. Упоминает Спиридович в этой связи и Гучкова. Генералу Спиридовичу вторит в своих воспоминаниях убийца Распутина князь Феликс Юсупов. Князь впоследствии вспоминал, что сразу после февральского переворота он встретился еще с одним из главных заговорщиков-масонов, Родзянко: «Завидев меня, Родзянко встал, подошел и спросил с ходу: «Москва желает объявить тебя императором. Что скажешь?» Не впервые слышал я это. Два уже месяца находились мы в Петербурге, и самые разные люди — политики, офицеры, священники — говорили мне то же. Вскоре адмирал Колчак и великий князь Николай Михайлович пришли повторить: «Русского престола добивались не наследованием или избраньем. Его захватывали. Пользуйся случаем Тебе все карты в руки. России нельзя без царя. Но к романовской династии доверие подорвано. Народ более не желает их». Итак, если верить Юсупову, Колчак был среди тех, кто пытался заменить на престоле Императора Николая Феликсом Юсуповым.

Заметим, что впоследствии Колчак сразу и всецело признал и февральский переворот, и режим Временного правительства, предав столь доверявшего ему императора Николая Второго. Сегодня мало кто знает, что единственным из всех флагманов российского флота, кто в первые дни революции заявил, что «остается верен его величеству», был лишь вице-

адмирал М.К. Бахирев. Все остальные, стараясь не опоздать, поспешили заверить новую власть в своей полной к ней лояльности, наплевав и на присягу, и на адмиральскую честь. Первыми из перевертышей, разумеется, оказались вожди «младотурок» — Колчак, Непенин и Русин.

Как теперь хорошо известно, Колчак был назначен на должность командующего Черноморским флотом не только по требованию думского масонского лобби, но и при прямой протекции резидента английской разведки в России полковника Сэмюэля Хора и британского посла в Российской империи Бьюкенена и протезировании масонской оппозиции в Государственной думе. Здесь есть, над чем задуматься. С чего бы это англичанам стремиться поставить во главе наиболее стратегически опасного для них Черноморского флота в преддверии грандиозной Босфорской операции решительного, честного и талантливое адмирала?

Ведь именно боязнь того, что Россия наконец-то решит в ходе Первой мировой войны вопрос с Черноморскими проливами в свою пользу, и определила все дальнейшее отношение Лондона и к императору Николаю и к российской монархии в целом. Если уж ставить во главе Черноморского флота своего человека, то уж не для того, чтобы он решал стратегические задачи Российской империи. «Своих» ставят, как известно, исключительно для того, чтобы они верой и правдой отработывали «свой хлеб».

Глава шестая.

КОЛЧАК И КЕТЛИНСКИЙ

Итак, уже 5 марта 1917 года Колчак распорядился устроить торжественный молебен и парад по случаю победы революции и, выступая на митинге в Севастополе, «выразил преданность Временному правительству». Об этой же преданности адмирал с гордостью говорил и во время допроса чекистами в 1920 году. Тогда Колчак откровенно заявил: «Я первый признал Временное правительство...»

Из воспоминаний контр-адмирала А.Д. Бубнова: «В Ставке контр-адмирал Колчак был милостиво принят Николаем Вторым и сразу произведен в вице-адмиралы. В тот же день он выехал в Севастополь, где 15 июля 1916 года вступил в командование Черноморским флотом Первым делом Колчак начал выкорчевывать наследие своего предшественника Эбергарда».

«В адмиральском кабинете, в открытом море на мостике, всюду, где впервые появлялся адмирал (Колчак. — *В.Ш.*), происходили драмы», — вспоминал флаг-офицер командующего по общим вопросам Р.Р. Левговд. На совещаниях флагманов Колчак закатывал истерики, орал, бросал под ноги и топтал фуражку. Особенно он любил устраивать такие представления на глазах младших офицеров и даже матросов, стараясь приобрести таким образом у них популярность.

«Молодежь восторгалась адмиралом, — вспоминал будущий адмирал Ненюков, — а люди постарше только кряхтели и желали ему от души сломать шею». Сейчас поведение Колчака назвали бы дешевым популизмом, ведь молодежь всегда легче обмануть, чем опытных, знающих настоящую службу людей. В этом весь Колчак — авантюрист, прожектор и популист. За сценами адмиральских «театральных разносов» с живым интересом наблюдали и матросы. Им, разумеется, нравилось, как новый командующий на их глазах гоняет больших начальников. Уже вскоре в кубриках рассказывали наскоро сочиненные истории на эту тему.

Биограф Колчака П.Н. Зырянов приводит следующий случай, почерпнутый им в воспоминаниях матроса с броненосца «Синоп» А.И. Торяника: «Колчак якобы сделал замечание Эбергарду: «Вы слишком затягиваете передачу командования флотом». — «Вы не торопитесь. Ведь, по сути дела, вы еще ученик», — презрительно ответил Эбергард. Колчак в

том же тоне возразил: «Наполеон тоже в свое время считался учеником, а потом сделался императором...» — «...Острова святой Елены», — иронически продолжил Эбергард. Это разозлило Колчака, и он сказал: «Не вам судить обо мне. Я принимаю от вас командование флотом, а не наоборот. Еще увидят, кто такой Колчак!»

Любопытно, что матрос в воспоминаниях выражает свои симпатии Колчаку. Если матрос не врал в своих воспоминаниях, то поведение Колчака было на самом деле откровенно хамское. Во-первых, Эбергард был значительно старше Колчака по возрасту и чину, чтобы тот мог так с ним себя вести. Во-вторых, если все это видели матросы, то хамское поведение Колчака вообще за пределами! Заметим, что так вести себя мог не только исключительно не порядочный человек, но и человек, уверенный в своей полной безнаказанности.

Думается, что матрос Торяник вряд ли мог придумать данный диалог. Скорее всего, такой разговор действительно имел место. Что и говорить, мудрым человеком был старик Эбергард, уже тогда предрекший бесславный конец своему сменщику, возмнившему себя новым Наполеоном..

Как признавал все тот же флаг-капитан Левговд: «Наряду с очисткой флота от сорной травы бывали случаи ухода людей достойных и полезных флоту». Что и говорить, великим флотоводцем был вице-адмирал Колчак!

Едва Колчак был назначен командующим Черноморским флотом, как его начали, выражаясь современным языком, безудержно пиарить. Он еще ровным счетом ничего не успел сделать, а центральные газеты стали публиковать о нем статьи, размещать на своих страницах его портреты. Первая статья о командующем Черноморским флотом «Новый адмирал» была опубликована уже 13 августа 1916 года столичным изданием «Новое время». Через месяц в этой же газете был опубликован первый литературный портрет Колчака «С командующим в открытом море». 29 сентября в газете «Вечернее время» был помещен фотопортрет А.В. Колчака, и т.д.

Кстати, вопреки апологетам Колчака, которые, захлебываясь от восторга, пишут, будто весь российский флот был в восторге от назначения Колчака командующим Черноморским флотом, на самом деле все обстояло совершенно иначе. Вот что пишет по этому поводу весьма авторитетный военно-морской историк Р.М. Мельников: «Принципиальная позиция командующего флотом (имеется в виду вице-адмирал Канин. — *В.Ш.*), настаивавшего на использовании в операции XIX армейского корпуса (имеется в виду так и не состоявшая десантная операция Балтийского

флота в Рижском заливе. — *В.Ш.*) и решительно возражавшего против подрывающего основы организации операции перевода А.В. Колчака на Черноморский флот, стала, по-видимому, причиной смещения вице-адмирала Канина».

Касаясь позиции вице-адмирала Канина, то речь здесь шла не о личных амбициях Канина, известного, кстати, в военно-морских кругах, как весьма порядочный и спокойный человек. Речь шла о том, что Канин слишком хорошо знал Колчака и прекрасно представлял, кто стоит за его назначением и к чему, в конце концов, это может привести...

Думаю, что снятие с должности Кетлинского происходило не менее драматично, чем снятие его командующего...

Сразу же после приезда Колчака в Севастополь лишился своего поста и главный командир Севастопольского порта, опытный вице-адмирал Н.С. Маньковский, во время многочисленных и длительных походов флота замещавший А.А. Эберггарда в Севастополе.

Еще одной жертвой Колчака стал давний конкурент по давнему соперничеству между балтийской и черноморской минными дивизиями, начальник минной обороны Черного моря контр-адмирал М.П. Саблин. С Саблиным Колчак поступил вообще по-хамски. Выйдя в первый раз в море на перехват крейсера «Бреслау» и не догнав его, он в своей неудаче обвинил командовавшего миноносцами Саблина, хотя тот никаких ошибок не совершил, и в тот же день снял с должности. Затем Саблин числился начальником бригады старых линкоров-додредноутов. И снова конфликт. На этот раз уже Саблин выступил против бездумного заваливания Колчаком подходов к Босфору, мотивируя это тем, что, когда начнется десантная операция в Босфоре, это создаст много ненужных трудностей. После этого мнивший себя великим мастером минных дел Колчак добился фактического изгнания Саблина с флота. В опале Саблин пребывал до бегства Колчака из Севастополя. Только после этого он смог вернуться обратно в Севастополь. Впоследствии Саблин командовал Черноморским флотом и умер от рака печени перед самым уходом Врангеля из Крыма в 1920 году. Так новый командующий «зачищал» пространство для своих любимцев и выдвиженцев.

Затем последовала очередь совсем недавно назначенного начальником штаба Черноморского флота умницы контр-адмирала Каськова, которого Колчак заменил на лично преданного ему капитана 2-го ранга Смирнова. Любопытно, что любимец Колчака Смирнов М.И. был послан «младотурками» в 1915 году в Англию как офицер связи при английском флоте. На самом деле главной задачей посланца было установление

контактов с английскими флотскими масонами на предмет оказания поддержки в случае политических перемен в России.

Что касается Каськова, то, помимо успешного командования линейным кораблем «Пантелеймон», он успел послужить офицером оперативного отделения штаба Черноморского флота и портов, штаб-офицером стратегической части Главного морского штаба, а затем в Морском генеральном штабе, был начальником высадки десантов на побережье восточной Анатолии весной 1916 года. В перспективе будущей десантной операции на Босфор Каськов был идеальным начальником штаба. Ведь он имел огромный опыт штабной работы, прекрасно знал театр и знал, как организовывать десанты. Но и Каськов оказался для нетерпимого ко всем чужакам Колчака лишь временной фигурой. Дело в том, что Каськов был убежденным черноморцем, а потому он сразу же не пришелся по душе новому командующему. Поэтому при первой же возможности Колчак немедленно изгнал опытного, но «чужого» Каськова, освобождая место для абсолютно неподготовленного к столь серьезной и ответственной должности, но зато лично преданного ему капитана 2-го ранга Смирнова. Судьба Каськова впоследствии сложилась трагично. В 1917 году его зверски убили на Малахове кургане матросы-анархисты.

Любопытно, что до своего назначения на должность начальником штаба флота Смирнов занимал при Колчаке должность его фактического порученца, затем, по приезду Колчака на Черное море, был определен вместо Кетлинского флаг-капитаном по оперативным вопросам. На этой должности он пробыл всего несколько месяцев, не успев, по существу, понять суть своих обязанностей. Никаких серьезных должностей до этого Смирнов тоже не проходил, а из кораблей командовал лишь миноносцами. И вдруг сразу назначение на должность вице-адмирала!

Все дело в том, что по правилам прохождения службы офицерами российского императорского флота производство в контр-адмиралы предусматривалось только «за отличие» (т.е. по особому выбору), при этом кандидат на производство в контр-адмиралы должен был обязательно иметь за спиной четырехлетний стаж командования кораблем 1-го ранга, включавший 4 месяца внутреннего или 8 месяцев заграничного плавания.

Забегая вперед, скажем, что если Кетлинского для весьма призрачной возможности в будущем претендовать на адмиральскую должность отправили отслуживать обязательный для всех претендентов командирский ценз на корабль 1-го ранга, то Смирнову ничего этого совершенно не понадобилось. Связи у Колчака были не в пример связям Эбергарда. А потому, к всеобщему удивлению окружающих, его любимец сразу же

перебрался со стула в приемной в кресло начальника штаба флота с одновременным производством сначала в капитаны 1-го ранга, а через пару месяцев и в контр-адмиралы. Это вызвало законное возмущение среди офицерской общественности. Но на все это Колчаку, думается, было глубоко наплевать.

Именно тогда же на Черноморский флот вернулась из Ставки Верховного главнокомандующего еще одна весьма странная в истории России личность — капитан 2-го ранга А.В. Немитц. Разумеется, Немитц так же состоял в «команде» Колчака. В свое время он являлся и единомышленником небезызвестного лейтенанта Шмидта, от которого, впрочем, вовремя открестился. После возвращения в Севастополь карьера масона Немитца будет стремительной. Должности и чины он будет получать чуть ли не ежемесячно. Именно он сменит Колчака на должности командующего флотом, а когда ситуация на Черном море обострится, просто исчезнет в неизвестном направлении, бросив вверенный ему флот на произвол судьбы. В годы Гражданской войны Немитц примкнул к красным и быстро стал любимцем Троцкого. Когда же звезда «красного дьявола» закатилась, Немитц сразу же заявил, что он верный ленинец. Счастливо избежав всех репрессий, он в глубокой старости, будучи в адмиральских чинах и окруженный почитанием, спокойно скончался в Севастополе в 1969 году.

* * *

Вообще 1916 год ознаменовался серьезным укреплением позиций «младотурок», которым удалось не только расставить своих людей на все значимые должности в морском министерстве и Ставке Верховного главнокомандующего, но замахнуться и на откровенный государственный переворот в стране.

Дело в том, что в это время думские масоны и их единомышленники в Ставке были озабочены деятельностью премьер-министра Б.В. Штюрмера. К сожалению, имя Бориса Владимировича и сегодня оболгано историей. На самом деле это был истинный патриот России, последовательно и открыто боровшийся за ее величие с революционерами всех мастей и думской масонской оппозицией. В частности, именно Штюрмер, как никто другой, отстаивал право России на послевоенное обладание Босфором и Дарданеллами, чем вызывал открытую ненависть союзников. По мнению анонимного источника, писавшего под псевдонимом Старый профессор

(«Император Николай II и его царствование»), «На посту министра иностранных дел Штюмер действовал по непосредственным указаниям Императора Николая II с чрезвычайной смелостью и настойчивостью в деле обеспечения русских выгод в случае успешного окончания войны и добился согласия союзников на все русские требования. За это его крайне невзлюбили союзные представители, ведшие против Штюмера настоящую травлю». Ну, а то, что российские масоны активно подключились к этой травле, вполне логично. Не отличавшийся стойкостью и последовательностью император Николай под мощным давлением Лондона, Парижа и собственного генералитета заколебался. Именно в это время подали свой голос почувствовавшие силу флотские «младотурки». Контр-адмирал А.Д. Бубнов в своих воспоминаниях пишет: «И вот в Морском Штабе Верховного главнокомандующего родилась мысль, с радостью поддержанная всеми благомыслящими людьми в Ставке, о кандидатуре морского министра адмирала И.К. Григоровича на пост председателя Совета Министров... Мысль о кандидатуре адмирала И.К. Григоровича была передана флигель-адъютанту Саблину и начальнику походной канцелярии Нарышкину, которые, вполне с ней согласившись, взялись довести ее до сведения Государя».

Даже в прилизанных для потомков воспоминаниях Бубнова видно, что перед нами не что иное, как самый настоящий заговор с целью выдвижения во власть своего «корпоративную» ставленника. Разумеется, выдвижение Григоровича не было спонтанным желанием «простодушных моряков» помочь родному Отечеству. За столь серьезной рокировкой должен был последовать фактический захват власти в стране, причем не столько уже самими «младотурками», а теми силами, которые стояли за ними. Безусловно, что за восхождением Григоровича на высший государственный пост крылось начало ползучей буржуазной революции, осуществляемой сверху с постепенным отстранением от власти императора и приходом к власти проанглийских и профранцузских сил. Судить о том, хорошо это было бы для России или плохо, сегодня не может никто. Тем более, что о закулисе «морского варианта» захвата государственной власти нам почти ничего не известно. Что касается императора Николая Второго, то он, получив уведомление о желании определенных кругов видеть на посту премьер-министра адмирала Григоровича, некоторое время колебался, а потом решительно отверг эту кандидатуру. По-видимому, для Николая не явились секретом истинные причины выдвижения на главный пост России связанного с масонами адмирала и все последствия этого назначения как для России, так и для него лично. К сожалению, Николай, как всегда,

ограничился полумерами. Вместо Григоровича он назначил премьер-министром лично честного и преданного ему, но престарелого и не слишком дееспособного князя Н.Д. Голицына, который ничего уже не мог сделать с вошедшими в раж масонами. Ну, а буквально через пару месяцев и сам император Николай Второй был уже отстранен ими от власти.

Забегая вперед, скажем, что масонская верхушка по достоинству оценила готовность адмирала Григоровича стать орудием в ее руках. И хотя из затеи с премьер-министром ничего путного не получилось, лояльность адмирала не была забыта. И Временное правительство, и советское правительство не обижали последнего министра, обеспечивая ему сносное существование. Если при Керенском Григорович жил на свою солидную пенсию, то при Советах работал в Петроградском отделении Главного управления государственного архивного фонда, а затем и вовсе включен в штат Морского архива. Помимо этого, Григорович также числился сотрудником Морской исторической комиссии (Морискома). Осенью 1924 года с разрешения советского правительства Григорович выехал во Францию, где в последние годы увлекался живописью. Умер несостоявшийся премьер-министр России в 1930 году в возрасте 77 лет.

Что касается Черноморского флота, то в предреволюционные месяцы там тоже происходили серьезные кадровые перестановки. Новый командующий флотом, вице-адмирал Колчак, как мы уже говорили выше, устроил настоящее избиение старых кадров. На Балтийском флоте вице-адмирал Непенин в отличие от своего друга Колчака особых перестановок не произвел, так как на Балтике и так все высшие должности уже занимали сторонники «младотурок».

Теперь более подробно остановимся на расправе с флаг-капитаном опального командующего Черноморским флотом капитаном 1-го ранга Кетлинским. Разумеется, что сразу же после отставки адмирала Эбергарда и прибытия на Черноморский флот Колчака последний сразу же принял и за Кетлинского. Колчак стремился как можно скорее избавиться от любимца Эбергарда

Еще совсем недавно Колчак и Кетлинский состояли в одинаковых должностях флаг-капитанов при своих командующих. Теперь же один из них сам стал командующим и имел все возможности свести счеты с бывшим конкурентом. Поэтому, едва прибыв в Севастополь, Колчак почти сразу же без всяких на то оснований отстранил Кетлинского от занимаемой должности и отправил в распоряжение морского министра в Петроград. Однако плодами трудов Кетлинского он воспользоваться не преминул. Та же знаменитая «закупорка» Босфорского пролива минами, осуществленная

во второй половине 1916 года Колчаком и считающаяся вершиной его флотоводческого искусства, на самом деле была спланирована и подготовлена еще капитаном 1-го ранга Кетлинским и его подчиненными, хотя успех этого предприятия до сегодняшнего дня почему-то принято приписывать исключительно Колчаку.

Разумеется, исходя из интересов дела, лучше всего было использовать грамотного и опытного Кетлинского на оперативной работе, но адмиралы опасались брать к себе любимца опального Эбергарда.

Как раз в это время произошли весьма неприятные события на стоящем в ремонте в далеком Тулоне крейсере «Аскольде», в результате чего морской министр принял решение срочно заменить не справившегося со своими обязанностями командира корабля. Желавших идти командовать проштрафившимся «Аскольдом» не было. А поэтому вакантное место сразу же предложили «безработному» Кетлинскому. Однако, оказывается, все было не так просто. В назначении Кетлинского на «Аскольд» присутствовала интрига, автором которой опять же выступила «команда» Колчака.

Выше мы уже говорили, что морской министр адмирал Григорович откровенно не любил гонористого поляка. Впрочем, дело было вовсе не в национальности Кетлинского. В это же время на Балтийском флоте делал стремительную карьеру ровесник Кетлинского, капитан 1-го ранга Клочковский, бывший цусимец и также поляк по национальности. Кстати, впоследствии Клочковский возглавит польский военно-морской флот при Пилсудском. Блестящая карьера Клочковского вполне объяснима — он был для «младотурок» своим, а Кетлинский — изменником, переметнувшимся к презираемому «младотурками» адмиралу Эбергарду. Именно поэтому расплата с ренегатом должна была быть показательной. Однако не стоит, в свою очередь, делать из Кетлинского невинного агнца. Так же, как и его оппоненты, он создавал коалиции, боролся за влияние, интриговал, но силы были слишком неравны, и одна «партия» пала, чтобы возвысилась другая...

В своих воспоминаниях Григорович написал о флаг-капитане адмирала Эбергарда так: «Кетлинский был упрямым резонером, всегда находящим всякие препятствия для выхода кораблей из гавани и вечно сидящим на берегу даже при уходе эскадры в море». На мой взгляд, отношение Григоровича к Кетлинскому достаточно субъективно. Относительно личной храбрости Кетлинского у меня сомнений нет, в Порт-Артуре он это доказал всем. Странно, что морской министр не понимал, что начальнику оперативного управления воюющего флота незачем да и просто нельзя бросать управление флотом и отправляться куда-либо в море. Его

место в штабе, там, где сходятся все нити управления силами флота, чтобы держать эти нити в своих руках и оперативно и правильно реагировать на все изменения обстановки. Кстати, и сам министр во время войны не особенно выходил в море, совершенно справедливо полагая, что для этого имеются другие адмиралы, а его место в министерстве, чтобы управлять деятельностью всех флотов и флотилий. Однако эмоции Григоровича понять несложно, в них явственно видно прежде всего его отношение к командующему Черноморским флотом адмиралу Эбергарду, которое он проецирует и на его единомышленника и наиболее близкого сотрудника, капитана 1-го ранга Кетлинского.

Дело в том, что, уходя с должности командующего Черноморским флотом, адмирал Эбергард заручился обещанием Григоровича, что его флаг-капитан по оперативной части будет назначен на соответствующую его служебному положению и опыту должность. Тогда же Эбергарда заверили, что Кетлинскому предложат должность военно-морского агента во Франции, что вполне соответствовало его статусу. Но едва адмирал Эбергард покинул Севастополь, морской министр Григорович под влиянием «колчаковской команды» мгновенно изменил свое решение.

Историк А.Ю. Емелин в своей книге «Военно-морские агенты России» пишет: «Нового же кандидата, при извечной нехватке офицеров (тем более — образованных), изыскать не могли. В середине августа В.И. Дмитриев направил в Петроград запрос — когда же приедет Кетлинский. В ответ последовало предписание — узнать, как отнесутся французы к назначению лейтенанта Б.П. Апрелева. Сложность состояла в том, что в Россию уже выехал капитан 1-го ранга Дюмениль. Направление лейтенанта «в обмен» на капитана 1-го ранга могло показаться очень и очень обидным. К счастью, Дмитриеву удалось убедить коллег из французского МГШ в нехватке в России офицеров, а также в хорошей подготовке Апрелева...»

Любопытно, что тот же А.Ю. Емелин далее пишет о том, с какой особой радостью воспринял данное назначение лейтенанта Апрелева во Францию новый командующий Черноморским флотом Колчак и какие конкретно ставил ему через МГШ задачи. Исходя из этого, вполне можно сделать вывод, что именно Колчак сделал все от него зависящее, чтобы его давний конкурент не оказался на престижной должности во Франции и ему, Колчаку, не пришлось бы снова иметь с ним никаких служебных дел. Что касается самого лейтенанта Апрелева, то, как мы уже писали выше, он ранее служил в Военно-морском управлении Ставки Верховного главнокомандующего и был человеком адмирала Русина и Бубнова. Так что назначение мальчишки лейтенанта (он лишь в 1907 году окончил Морской

корпус) на столь высокую для него должность было совершенно не случайно. Военно-морская мафия ускоренно расставляла на все ключевые должности своих выдвиженцев.

Сейчас историки пытаются представить опалу Кетлинского как результат неблагоприятия к нему со стороны тогдашнего морского министра Григоровича, мол, просто не любил, и все. Думается, на самом деле все обстояло гораздо серьезнее. По каким-то причинам (по каким именно, нам неизвестно) Кетлинский (как и его бывший начальник Эбергард) не вписался в команду «реформаторов», а потому его усиленно оттирали от всех должностей, на которых он мог бы стать вольным или невольным препятствием для их планов.

Вне всяких сомнений, история с назначением Апрелева на его должность, была известна Кетлинскому и не могла не вызвать у него отрицательных эмоций. Ведь его, офицера с огромным боевым и оперативным опытом, предпочли какому-то мальчишке, за плечами которого не было ровным счетом ничего. Такое пренебрежение к заслугам граничило с откровенным оскорблением. Наверное, в мирное время после такого афронта следовало бы немедленно подать в отставку, но сейчас шла кровопролитнейшая война, а поэтому Кетлинскому надлежало смириться с происшедшим и служить там, куда его направили.

* * *

Сегодня многие военно-морские историки, превознося Колчака, говорят о том, что именно он и только он мог провести Босфорскую десантную операцию, осуществив вековую мечту российских императоров и сделав Россию первой державой мира. Но сделал бы это Колчак на самом деле? В этом у автора есть серьезные сомнения.

С Босфорской операцией, которую готовил Колчак, не все так просто. Дело в том, что десантную операцию на Босфор детально разработали в штабе Черноморскою флота задолго до него, и сделал это не кто иной, как Кетлинский. Чтобы воплотить свои идеи в жизнь, ему не хватило только времени.

В начале 1915 года, в тот самый момент, когда в секретных соглашениях англичане обещали передать русским Константинополь, они сами попытались осуществить захват черноморских проливов. Однако так называемая Дарданелльская операция провалилась. Уже через год русские начали планировать собственную, Босфорскую операцию, для проведения

которой была сформирована специальная черноморская дивизия, укомплектованная опытными солдатами — сплошь георгиевскими кавалерами. Усиливался и флот: в строй вступил крупный линкор «Императрица Мария» — флагманский корабль, который должен был окончательно укрепить позиции России на Черном море. Однако в октябре 1916 года в результате взрыва порохового погреба линкор затонул. Почему мощнейший линкор Черноморского флота был уничтожен в своей базе именно в преддверии начала подготовки грандиознейшей десантной операции? Только ли возможной диверсией германских агентов или самопроизвольным взрывом артиллерийского пороха можно объяснить эту трагедию?

Не столь давно английский историк Роберт Мерид откопал интересные данные, что лейтенант морской разведки Джон Хевиленд, который нес службу в России во время Первой мировой войны, сразу после взрыва вернулся в Англию в чине подполковника. Впоследствии он эмигрировал в Канаду и был убит в конце 20-х годов русскими эмигрантами. Р. Мерид считает, что новый чин Д. Хевиленд получил именно за уничтожение «Марии».

Мы можем сейчас как угодно расхваливать стратегический гений Колчака и фантазировать, сколь гениально провел бы он Босфорскую, а потом, быть может, и Дарданелльскую операции, но в реальности ничего этого не было. А история, как нам хорошо известно, не имеет сослагательного наклонения: что было, то было, а чего не было, того не было.

Ну, а вся дальнейшая судьба Колчака наглядно демонстрирует его сущность именно как английского агента влияния. Именно по просьбе американского посла Колчак покидает Черноморский флот, направившись в Англию, а потом и в США. Случай беспрецедентный для русской армии и флота. Назовите мне хотя бы еще одного российского военного деятеля такого уровня, как Колчак, который бы поступил подобным образом... Да и что вообще делать адмиралу воюющей державы в стране, которая еще только-только собиралась вступить в мировую бойню?

Разумеется, что поехал Колчак туда не просто от нечего делать, а по весьма важным делам. Считается, что к этому моменту Колчак уже был завербован еще и дипломатической разведкой госдепартамента США. Считается, что эту вербовку осуществлял уже бывший госсекретарь Элну Рут.

В ряде публикаций пишется, что Колчак был завербован британской разведкой еще в бытность капитаном 1-го ранга и командиром минной

дивизии на Балтийском флоте. Произошло это на рубеже 1915—1916 годов. Скажу сразу, что у меня на сей счет документальных сведений нет, а потому утверждать я этого не могу. Однако приверженцы данной версии приводят следующий довод: почему, мол, флоты Антанты в 1918 году спокойно вошли в русский сектор акватории Балтийского моря, ведь он был заминирован! К тому же в сумятице двух революций 1917 года минных заграждений никто не снимал. Отвечают же они на данный вопрос так: «проходным билетом» при поступлении на службу британской разведки для Колчака явилась сдача всей информации именно о расположении минных полей и заграждений на входе в Финский залив! Ведь именно Колчак в свое время осуществлял данное минирование и у него на руках были все карты минных полей и заграждений! Впрочем, это лишь предположения.

Вскоре, как мы знаем, Колчак вообще принимает английское гражданство и записывается на английскую службу, после чего Лондон решает послать его воевать на Месопотамский фронт.

Ну, а как быть с тем фактом, что легитимным Верховным правителем России Колчака объявил вовсе не русский народ или хотя бы русская армия, а английский генерал Нокс и британский военный разведчик Джон Хэлфорд Маккиндер. Они же впоследствии и выкинули его на обочину истории, когда надобность в Колчаке отпала. Бывшего агента, который слишком много знает, всегда лучше вовремя «убрать» чужими руками.

* * *

О последующем назначении Кетлинского морской министр написал следующее: «Дабы К.Ф. Кетлинский не мог быть взят на действующий Черноморский флот, я назначил его на крейсер «Аскольд», находящийся в ремонте во Франции». За этой фразой скрывается много. Прежде всего Григорович однозначно признает, что он не желал ни при каких обстоятельствах видеть Кетлинского на Черноморском флоте, а отправил его в откровенную ссылку. Это очевидно, ведь Кетлинский был ближайшим соратником Эбергарда и проводником его линии в организации боевых действий флота. Григорович же делал все от него зависящее, чтобы искоренить дух Эбергарда на Черном море и создать режим наибольшего благоприятствования выдвигенцу думских деятелей Колчаку. Формальная законность при этом была соблюдена, ведь Кетлинский на самом деле еще не прошел необходимой для получения адмиральских погон должности

командира корабля 1-го ранга. И морской министр такой корабль ему под начало дал. При этом ни для кого не было секретом, что из всех возможных кораблей капитану 1-го ранга Кетлинскому был дан наихудший и наиболее проблемный. Прежде всего далеко не новый и формально принадлежавший Сибирской флотилии крейсер давно находился в отрыве на Средиземном море. Во-вторых, после участия в боевых действиях у Дарданелл все механизмы корабля были предельно изношены, а начавшийся ремонт неизвестно еще, когда мог кончиться. Не все благополучно обстояло на «Аскольде» и с дисциплиной. Впоследствии Кетлинский неоднократно заявлял, что до его приезда на крейсер «там не было головы», что его предшественник «распустил команду и офицеров». И, наконец, в-третьих, на крейсере произошло скандальное происшествие, которое не могло обойтись без самых тяжелых последствий.

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «О том, кого выбрало Министерство для смены Иванова, можно судить по директивному указанию морского министра Григоровича, которым он реагировал на сообщение о взрыве. Телеграмма была адресована Иванову: «Предписываю принять меры самые решительные для подавления революционного настроения команды, каковые считаю результатом недостаточного надзора за командой со стороны офицеров и кондукторов». Естественно, что и Кетлинский перед отъездом получил соответствующие распоряжения и со свойственной ему рьяностью офицера-службиста начал проводить их в жизнь, вступив в командирование крейсером».

Уверен, что с точки зрения Григоровича назначение Кетлинского именно на «Аскольд» было очень сильным ходом. Ведь никакого иного выбора у бывшего флаг-капитана в данном случае просто не оставалось, и он скрепя сердце, конечно же, согласился идти на «Аскольд». По словам Кетлинского, министр пригласил перед отъездом в Тулон его к себе и напутствовал следующими словами: «Поезжайте как можно скорее, крейсер совершенно готов, и если вы задержитесь, то он уйдет без вас. Крейсер находится в блестящем состоянии». Только в Тулоне Кетлинский узнал, что на самом деле значит это «блестящее состояние»...

Глава седьмая.

ВОКРУГ И ОКОЛО «АСКОЛЬДА»

...В январе 1916 года на рейде Тулона появился корабль, сразу же привлёкший к себе внимание французов. Разляпистые пятна сурика и ржавые потеки на бортах, наскоро заделанные пробоины и обгоревшие стволы орудий красноречиво говорили о его нелегком боевом пути. Это был крейсер российского флота «Аскольд». За кормой крейсера осталось уже более пятидесяти тысяч огненных миль, и теперь он нуждался в ремонте и переборке механизмов.

На тот момент крейсер «Аскольд» был одним из самых известных и заслуженных кораблей российского флота. Построенный перед самой Русско-японской войной, он входил в состав Порт-Артурской эскадры. Во время обороны Порт-Артура крейсер постоянно выходил в море, вступая в перестрелки с противником. Участвовал «Аскольд» и в генеральном сражении с японским флотом 28 июля в Желтом море, после которого прорвался в Гонконг, где и был интернирован. После войны крейсер входил в состав Сибирской флотилии и базировался на Владивосток.

Уже в августе 1914 года «Аскольд» присоединился к союзной Восточно-Азиатской эскадре, пытавшейся блокировать германскую эскадру адмирала фон Шпее, затем конвоировал союзные транспорты в Индийском океане.

Затем «Аскольд» совершил переход в Средиземное море, где опять же конвоировал транспорты союзников, ловил немецкие рейдеры, участвовал в блокаде Сирии и в 1915 году покрыл себя доблестью в знаменитой Дарданелльской десантной операции. Там «Аскольд» практически ежедневно вел успешные артиллерийские дуэли с турецкими береговыми батареями, вызывая неизменное восхищение союзников точностью своих залпов и выучкой команды. За проявленное мужество при высадке десанта лейтенант Сергей Корнилов был удостоен Георгиевского креста 4-й степени, а десяток матросов солдатских Георгиев.

Командовал крейсером «Аскольд» капитан 1-го ранга Сергей Александрович Иванов (согласно старшинству Ивановых в русском флоте — Иванов 6-й) — личность в российском флоте достаточно известная. Родился в июне 1870 года, в 1886 году поступил в Морской корпус. После окончания корпуса служил на Балтике и на Дальнем Востоке. В 1903 году

являлся старшим штурманом броненосного крейсера «Россия». Именно тогда с Ивановым произошла весьма неприятная история.

В том же 1903 году Иванов женился на первой красавице Владивостока—дочери городского головы М.К. Федорова, Елизавете Михайловне, за которой безуспешно ухаживали многие флотские офицеры. Один из них, мичман Блок (так же служивший на «России») не смирился с неудачей и, несмотря на замужество Елизаветы Михайловны, продолжил свои ухаживания. О том, к чему это привело, мы можем узнать из письма очевидицы тех событий, американки Э.А. Прей: «Говорят, самоубийство г-на Блока было вызвано резким выговором или вызовом на дуэль со стороны одного из старших офицеров из-за того, что Блок флиртовал с его женою, которая бегала за мальчиком все лето, и, как говорят, этот офицер, Иванов, чуть не обезумел от всего этого... Г-н Блок счел себя опозоренным навеки; он бросился на корабль (он был у Ивановых), а за ним его товарищ, опасавшийся, вероятно, чего-нибудь такого, но едва тот дотронулся до дверной ручки его каюты, как раздался выстрел. Г-на Блока все так любили, что, конечно же, все это дело вызывает величайшее негодование; то что он был влюблен в Лизу Иванову, — чепуха, и все же именно она стала причиной его гибели... Говорят, что, хотя и нельзя было воздавать ему почестей (по причине самоубийства), гроб буквально утопал в белых цветах, свидетельствовавших о привязанности к нему товарищей и старших офицеров. Ровно неделю назад он был у меня здесь на уроке, здоровый и сильный, и со всею юношескою откровенностью поверял мне свои планы на будущее. Тело г-на Блока... отправлено в Петербург... по просьбе его родителей. Сдается, что они в родстве с кем-то из великих князей...»

Официально никто никаких претензий к Иванову не предъявил, но, думается, сам Иванов в данной ситуации чувствовал себя не слишком уютно. По всей видимости, история с самоубийством мичмана Блока была в измененном виде использована Валентином Пикулем в его романе «Крейсера», так же посвященном Владивостокскому отряду крейсеров. В 1904 году Иванов 6-й исполнял обязанности флагманского штурмана штаба командующего эскадры Тихоокеанского флота, а с началом Русско-японской войны был назначен флагманским штурманом штаба командующего Владивостокским отрядом крейсеров. В конце 1904 года за храбрость и распорядительность в боях с японцами Иванов был награжден Георгием 4-й степени. После окончания войны его служба продолжилась на Сибирской флотилии и была вполне успешной. Вначале С.А. Иванов командует транспортом «Колыма», потом транспортом «Шилка»,

дивизионом миноносцев и, наконец, крейсером 2-го ранга «Жемчуг». Служил он, по всей видимости, неплохо, так как в 1911 году его досрочно производят в капитаны 1-го ранга «за отличие». Затем Иванов 6-й снова некоторое время командует дивизионом миноносцев, а в 1914 году получает под свое начало флагман Сибирской флотилии крейсер «Аскольд». Обладая большим опытом, С.А. Иванов хорошо зарекомендовал себя во время труднейшего межфлотского перехода с Дальнего Востока в Средиземное море. Уверенно и четко командовал он «Аскольдом» во время Дарданелльской десантной операции, за что был награжден золотым георгиевским оружием с надписью «за храбрость».

Историк Военно-морского флота генерал-майор О.Ф. Найда в своем исследовательском труде «Революционное движение в царском флоте» (1948 г.) писал: «В момент объявления войны крейсер находился во Владивостоке. По договоренности русского правительства с союзниками крейсер нес боевую службу в Индийском океане, конвоируя английские и русские транспорты из портов Англии в Китай и из Китая в Англию, Японию и США.

* * *

В 1914—1915 годах на крейсере не было особых происшествий. Жизнь команды протекала, как обычно в условиях войны на море. Дисциплина внешне казалась образцовой.

Однако между офицерами и командой не было взаимопонимания. Офицеры держали себя отчужденно, и это бросалось в глаза матросам, сопоставлявшим взаимоотношения по службе между офицерами и командой на кораблях английского и французского флотов.

18 месяцев непрерывного плавания вдали от родных берегов крайне утомили личный состав корабля. Надежд на отпуск не было, хотя многие матросы в связи с войной служили уже восьмой год. Казалось, войне не будет конца. В результате на корабле стали проявляться антивоенные настроения. Отчужденность офицеров и их грубое обращение с матросами и младшим командным составом также способствовали этому».

Начиная с весны 1915 года, начал обсуждаться вопрос о возможной посылке крейсера на усиление наших военно-морских сил на русском Севере. Однако весьма интенсивное использование крейсера в составе союзных сил представлялось русскому командованию не менее важным в свете будущей Босфорской операции Черноморского флота и послевоенной

передачи Босфора и Дарданелл под юрисдикцию России. В свете неизбежных будущих политических трений факт участия русского крейсера в десантной операции при Дарданеллах был важен как определенный прецедент.

В.Я. Крестьянинов и С.В. Молодцов в книге «Крейсер «Аскольд» пишут: «К концу 1915 года главные машины крейсера требовали капитального ремонта. Сильно износились и циркуляционные помпы, воздушные насосы, вентиляционные машины. Часто происходили повреждения трубопроводов. Командир «Аскольда» Иванов ходатайствовал о капитальном ремонте корабля и 15 января 1916 года представил обстоятельный рапорт начальнику Морского генерального штаба, где изложил техническое состояние корабля и сделал вывод, что «боевая способность крейсера может быть нарушена в ближайшем будущем». Об этом Иванов также информировал командование союзного флота на Средиземном море. Вице-адмирал де Робек сразу дал согласие на немедленный ремонт «Аскольда». Наиболее удобным местом в Морском министерстве посчитали Тулон, так как там уже были знакомы с механизмами крейсера».

Итак, 9 января 1916 года «Аскольд» получил приказание идти в Тулон для ремонта и отдыха команды. Это известие было встречено с большим восторгом как офицерами, так и матросами. Все ждали вестей с родины и мечтали о заслуженном отдыхе. Первоначально предполагалось, что ремонт крейсера займет несколько месяцев, но на деле он растянулся на целый год. Французы стремились в первую очередь быстрее ввести в строй свои собственные корабли, а союзнический «Аскольд» ремонтировали уже по остаточному принципу.

В конце января 1916 г. крейсер вышел из состава союзной эскадры, оперировавшей в Средиземном море, и пришел из Салоник в Тулон на ремонт. Через месяц он перешел в предместье Ля Сейн к заводу фирмы «Фарж». Ремонт, рассчитанный в начале на четыре месяца, растянулся почти на год, причем на первом же переходе из Тулона в Гибралтар в последних числах декабря выяснилось, что механическая часть нуждается в дополнительном ремонте, который не был учтен во Франции, и на который было затрачено в Англии еще полгода.

С приходом в Тулон жизнь на крейсере сразу изменилась. Команда оказалась вне войны, в условиях тылового города. Начальство с ремонтом не спешило. Служба текла без боевых тревог и напряжения. Офицеры поселились в городе, некоторые даже выписали семьи из России. Матросы получили возможность бывать на берегу и познакомиться с жизнью

французского портового города. Начали приходить письма. Присутствие заводских рабочих, захламленность палуб и помещений, послабления в четкости службы во имя непрерывных ремонтных работ — все это никогда не способствовало высокой организации службы на ремонтирующихся кораблях.

Находившиеся более полутора лет в отрыве от Родины и мирной жизни матросы сразу же оказались лакомой добычей для революционеро-эмигрантов всех мастей. Матросы «Аскольда» зачитывались запрещенной литературой, во время увольнений в город тесно общались с политэмигрантами. Как всегда бывает при постановке в ремонт, на «Аскольде» упала дисциплина. В команде сразу же появился интерес к политическим событиям. Теперь вечерами в кубриках матросы уже не травили анекдотов, а всюю обсуждали вопросы войны и мира, отношение к войне правительств, классов, народов. Не сразу, а постепенно среди команды начали появляться антивоенные настроения. Следующим этапом стало появление небольшой, но достаточно влиятельной военно-революционной организации корабля. В состав ее вошли матросы Дубровин, Яковлев, Тихонов, Самохин, Сидоров и др. Испытав прелести войны, матросы, естественно, недоброжелательно отнеслись к болтовне оборонцев, отсиживавшихся в тылу Франции, и с жадностью прислушивались к тем, кого травили русская и французская пресса, — к анархистам, большевикам и левым эсерам. Те, в свою очередь, заинтересовались связями с матросами.

В.Я. Крестьянинов и С.В. Молодцов в книге «Крейсер «Аскольд» пишут: «Напряжение боевых будней спало. Сразу стала заметнее значительная разница во взаимоотношениях между офицерами и матросами на кораблях русского и союзных флотов. Многие офицеры, сняв в городе квартиры, перебрались жить на берег. Они приходили на крейсер к 8 часам утра и в половине шестого вечера уезжали. Командир уходил иногда значительно раньше. К нему приехала из России дочь. К старшему офицеру Терентьеву и лейтенанту Быстроумову приехали жены, к лейтенанту Корнилову — невеста. Офицеры знакомились с достопримечательностями городов и курортов юга Франции. В церкви города Канн состоялось бракосочетание лейтенанта Корнилова. В Тулоне лейтенант Ландсберг женился на дочери командира.

Условия жизни команды были тяжелее. Продолжительное пребывание вдали от Родины и семьи, до 8 лет, делало людей нервными и обозленными. В отличие от офицеров матросы не говорили по-французски, не могли читать газеты. Почта из России приходила редко, раз в 3—4 месяца, и

неаккуратно. Библиотека крейсера состояла из старых, зачитанных книг, на приобретение новых средства не выделялись. В условиях ремонта команда жила практически на разоренном корабле. Вырвавшись на берег, многие «снимали с себя напряжение». По свидетельству судового врача А.Д. Акапова, за время стоянки в Тулоне среди команды крейсера отмечались 122 случая венерических заболеваний, т.е. четверть команды. Для лечения не было нужных лекарств, и люди лечились на берегу за свои деньги. На Пасху несколько человек из команды «Аскольда» ездили в Париж. МГШ выразил неудовольствие поездкой матросов и уведомил командира, что они там общались с революционерами». Но за неизбежным падением дисциплины во время ремонта после долгих и напряженных боевых будней уже проглядывалось нечто иное...

* * *

Тем временем на аскольдовцев в юроде шла настоящая охота. Представители различных партий яростно конкурировали за влияние на матросов крейсера. Разумеется, при таком напоре извне команда корабля начала быстро революционизироваться. Видя происходящее и понимая, к каким плачевным результатом все может привести, командир крейсера капитан 1-го ранга Иванов 6-й искоренял крамолу, как только мог. Был случай, когда команда отказалась есть несвежее мясо и командир вынужден был уступить. Уже в начале августа двадцать восемь самых неблагонадежных матросов были списаны с корабля в штрафные части. Однако общей ситуации на корабле это не изменило».

Разумеется, встречи матросов с политэмигрантами и рост революционных настроений на «Аскольде» были вскоре замечены французской полицией и, находившимися во Франции агентами русской тайной полиции. Французы не имели точных данных о наличии революционной организации на крейсере, но у них имелись сведения о революционных настроениях команды, а потому они не исключали существования подпольной организации.

О.Ф. Найда в своем исследовательском труде «Революционное движение в царском флоте» писал: «Уже в июле 1916 г. из Парижа и Петербурга командование крейсера получило телеграммы с требованием пресечь на крейсере революционную деятельность «пораженцев», изолировать от команды матросов, зараженных революционной пропагандой, и примерно наказать виновных».

Матросы, как видно из документов и воспоминаний участников событий, действительно в массе своей были настроены достаточно революционно. Они читали соответствующую литературу, собирали сходки на берегу, но ни о каком восстании, однако, не помышляли. Впрочем, высказывания о том, что хорошо бы поубивать всех офицеров и взорвать крейсер, все же начали звучать у наиболее радикально настроенных членов команды.

В июле матрос 2-й статьи Рябополов доложил командиру крейсера, что «на крейсере беспокойно, так как некоторые нижние чины кочегарной команды получают и имеют нелегальную литературу. Купили на берегу в Тулоне оружие, которое держат на корабле, устраивают сходки на берегу, готовятся произвести на крейсере возмущение; убить офицеров и по получении сведений из Архангельска приведут свое намерение в исполнение».

Получив такие сведения, командир корабля капитан 1-го ранга Иванов решил произвести обыск. Проведенный обыск ничего существенного не дал, хотя и озлобил команду. Возможно, на этом бы все дело и закончилось, если бы не последующие события.

Первый сигнал опасности прозвучал в июне 1916 года. Тогда кочегар Рябополов донес о якобы начавшейся подготовке заговора на крейсере, имевшего целью уничтожить офицеров при подходе к русским берегам и закупке оружия. Подтверждая слова кочегара, вестовой Лапицкий также донес, что командой закуплено 100 револьверов. При этом Лапицкий признал, что это лишь слухи, которые ходят среди команды, и ничего более конкретного он сказать не может. При этом и Рябополову особого доверия не было, так как он как раз в тот момент отбывал наказание за кражу продуктов из офицерского погреба. Иванов посчитал, что он таким образом хочет выслужиться и заслужить прощение. К тому же и сам штрафной кочегар заявил, что все он рассказывает лишь потому, что его вот наказали за сущую мелочь, а другие совершают куда большие преступления, причем совершенно безнаказанно.

Все же на всякий случай Иванов приказал провести обыск в кочегарках, некоторых помещениях и вещах матросов, названных Ряполовым. При этом были найдены нелегальная литература и две квитанционные книжки, говорящие, что среди команды производится сбор денег на какие-то цели. Оружие найти не удалось. Иванов поручил инженеру-механику Петерсену провести по делу предварительное следствие.

Через два дня после обыска командир «Аскольда» капитан 1-го ранга

Иванов получил письмо, содержащее послание от некоего русского подданного Льва Виндинга-Гарина. В 1916 году Виндинг состоял на французской службе, волонтером-писарем в штабе в Марселе, однако затем ушел со службы и уехал в Лион, откуда поддерживал переписку с аскольдовским унтер-офицером Самохиным. Кроме этого, он поддерживал дружеские отношения с телеграфистами Потемкиным и Цветницким

На встречах с матросами Виндинг выдавал себя за революционера и вызывал на откровенные разговоры. Виндинг-Гарин подтверждал наличие на крейсере революционной организации, никаких конкретных фамилий не называя. Однако давал понять, что при личной встрече мог бы сообщить еще некоторые подробности.

Капитан 1-го ранга Иванов, не желая лично вести беседы с Виндингом-Гариным, поручил встретиться с ним инженер-механику старшему лейтенанту Петерсену. При состоявшейся встрече с Петерсеном Виндинг-Гарин заявил, что он якобы командирован во Францию московским Охранным отделением для слежки за некоторыми русскими эмигрантами. Случайно в ходе бесед с матросами он узнал, что на корабле ведется революционная работа, и в связи с этим по личной инициативе занялся проверкой полученных сведений. Виндинг утверждал, что главными зачинщиками революционной деятельности на корабле являются матросы машинной и кочегарной команд. Кроме этого, он подтвердил слова Рябополова и Лапицкого, что матросы этих команд под видом сбора денег на граммофоны на самом деле купили револьверы для уничтожения офицеров во время намечаемого восстания. По словам Виндинга, матросы покупали и нелегальные печатные издания. В подтверждение своих слов Виндинг-Гарин передал Петерсену в качестве улики револьвер, который ему якобы передали матросы на временное хранение.

Предположив, что на корабле готовится что-то серьезное, командир крейсера сообщил о ситуации в Петроград морскому министру.

Одновременно Иванов 6-й вполне разумно решил проверить личность Виндинга-Гарина. С этой целью он снесся с начальником русской полиции в Париже.

Последний сообщил, что Виндинг в полиции на службе не состоит и никогда не состоял, а является обычным авантюристом, и его показаниям советовал особо не верить. Было установлено, что в свое время Лев Виндинг в России по суду был лишен всех прав и состояния. Во Франции он служил солдатом в 101-й батарее 10-го пехотного артиллерийского полка (так в документе. — *В.Ш.*), втерся в доверие к команде и вовлекал ее в революционную деятельность с провокационной целью примерно с апреля

1916 года. Вначале Виндинг был принят среди офицеров крейсера, где объявил себя секретным командированным агентом московского Охранного отделения и собирался якобы о готовящемся восстании на «Аскольде» информировать Петербург. Кроме этого, было установлено, что Виндинг на самом деле несколько раз обращался к начальнику русской заграничной полиции с просьбой принять его на службу. Сразу же встает вопрос, кем же на самом деле является Виндинг обычным любителем острых ощущений, агитатором-революционером или германским шпионом-диверсантом? Разумеется, революционное прошлое Виндинга, прямо скажем, настораживает. Впрочем, с началом мировой войны многие бывшие революционеры стали настоящими патриотами своего Отечества и храбро сражались с неприятелем на фронтах.

Несмотря на разоблачение Виндинга, старший лейтенант Петерсен продолжал настойчиво добиваться разрешения произвести повторный обыск у нижних чинов. В конце концов Иванов уступил настояниям Петерсена и разрешил проведение повторного обыска

Результаты этого обыска полностью подтвердили слова Виндинга и оправдали худшие опасения старшего лейтенанта Петерсена. В ходе него было найдено не только несколько нелегальных изданий, но и три револьвера. Один из револьверов был найден в тюках сменного рабочего платья. Хозяев револьверов, понятное дело, установить так и не удалось. Во время обыска никаких волнений, неудовольствий или тревожного настроения в команде не отмечалось. Наоборот, матросы, зная о возбуждении дела, чувствовали себя достаточно подавленно.

Историк В. Тарасов в монографии «Борьба с интервентами на Мурмане» (1948 г.) писал об этом эпизоде следующее: «В середине 1916 года вся команда по приказу капитана 1-го ранга Иванова была подвергнута поголовному обыску. При обыске были найдены несколько револьверов и список членов революционного кружка в составе 65 человек во главе с кочегаром Самохиным. Члены революционной организации были арестованы».

Первоначально следствие вел Петерсен, а затем оно было поручено специально прибывшему из Петербурга в Париж по приказу морского министра военно-морскому следователю, подполковнику военно-морского судебного ведомства Найдену.

Ознакомившись с предварительным следствием и другими материалами, Найденев сделал заключение, что, по его «глубокому убеждению, основанному на данных дела, явного восстания или подготовки к восстанию на корабле не было». Показания Виндинга-Гарина

Найденов расценил как провокаторские, а его самого — как авантюриста, который провокацией на крейсере «Аскольд» хотел добиться своего поступления на службу во французскую полицию. Однако в выводах акта дознания подполковник Найденов все же отметил, что «в деле имеются некоторые признаки (?!) приготовления к открытому восстанию на корабле». Характеристика, данная Виндингу Найденовым, весьма любопытна, хотя, возможно, далеко не исчерпывающа.

Что касается Виндинга, то все его поведение, а также настойчивое желание обратить внимание командования корабля на распущенность команды никак не говорят за то, что он являлся германским агентом. Вражеский агент как раз, действовал бы совсем наоборот. Скорее всего, Виндинг все же был сыщиком-любителем, решившим из патриотических чувств, на свой страх и риск помочь командованию крейсера в наведении порядка. За эту версию говорит и то, что советские историки почему-то ненавидели Виндинга какой-то особой, лютой злобой, непременно называя его в своих научных трудах не иначе как «врагом революции» и «провокатором».

Что касается командира крейсера, то он был весьма раздражен тем, что оказался обманутым Виндингом и попался на его уловку. Однако определенные выводы Иванов все же сделал.

После заключения следователя Найденова он послал повторный доклад морскому министру. В этом докладе Иванов 6-й отметил, «что настоящее дело создано и вдохновлено Виндингом, которому, как недавно прибывшему из России, нетрудно было войти в доверие нижних чинов «Аскольда», оторванных долгое время от родины, когда они, попадая на чужой берег, вследствие незнания языка охотно идут навстречу всякому земляку или даже знающему родной язык, но что свидетельство его, Виндинга, по делу не имеет никакой доказательной силы, а показания матроса 2-й статьи Ряполова и еще двух-трех нижних чинов, несомненно, были отголоском разговора на корабле нижних чинов по делу, созданному Виндингом, а также, принимая во внимание пребывание крейсера в водах Франции, где при существующей свободе печати произошла бы нежелательная огласка и вероятно пачкание русского имени, я не признал возможным нижних чинов, скомпрометированных в этом деле, предать суду, и этих нижних чинов я решил списать с корабля, о чем телеграфно и ходатайствую...»

В списке заподозренных, имевшемся у командира крейсера, числилось 69 человек, но Иванов счел возможным ходатайствовать о списании всего 23 человек. Опытные матросы были на вес золота, и командир не желал

лишаться хороших специалистов.

Из хроники событий: «Командир «Аскольда», рассмотрев представленное следователем дело и заключение, пришел к выводу, что свидетельство Виндинг-Гарина бездоказательно, а показания матроса Рябополова и других были отголоском разговоров по делу, созданному самим Виндинг-Гариным. Учитывая, что при существующей во Франции свободе печати могла произойти нежелательная огласка, Иванов решил замешанных в этом деле матросов суду не предавать, а списать с корабля. Об этом он сообщил команде. Иванов отобрал 28 человек наиболее нежелательных на корабле, замеченных в общении с политэмигрантами, сборе денег на нелегальную литературу и ее хранении. 9 августа их выслали в Россию на фронт».

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «Командир крейсера никого под суд не отдал, но решил списать с корабля в Архангельск 28 человек, на что получил согласие морской министра. В начале списка были помещены 21 политический, а семь последних списывались за дисциплинарные провинности. Этот этап списанных был отправлен в Россию 11 августа 1916 года. В перечень политических входили скомпрометировавшие себя перепиской, сношениями с лицами и партиями революционного направления, а также нелегальной литературой, причем Потемкин, Самохин, Цветницкий и Новопольский отмечались как сочувствующие социалистам-революционерам. Итак, дело о заговоре с целью захвата крейсера и убийства офицеров не вышло. Команду основательно потрепали обысками и допросами, но не сломали духа протеста и возмущения. Взаимоотношения с начальством на корабле ухудшились».

К рассказу В.Л. Бжезинского о событиях на «Аскольде» в Тулоне надо подходить критически. Дело в том, что сам мичман-механик прибыл на крейсер уже в Мурманске в 1917 году и с первого дня службы кинулся в омут революционных дел, по сути, так и не успев стать полноценным корабельным офицером. Отсюда и его откровенно антиофицерская позиция относительно ситуации на «Аскольде» в Тулоне.

По мнению старшего механика Петерсена и старшего офицера Быстроумова, для приведения команды в повиновение были необходимы более сильные средства, чем запугивание списанием в Россию. Что касается капитана 1-го ранга Иванова, то он доверился во всем своим помощникам

Далее данные по действиям командования корабля в воспоминаниях матросов и официальных отчетах командира диаметрально расходятся.

Если в бумагах Иванова говорится исключительно о мероприятиях по наведению уставного порядка на корабле, то матросы-аскольдовцы пишут о некой офицерской провокации против них. Якобы по заданию Быстроумова доверенное лицо Петерсена — машинный содержатель Борисов — взял пару винтовок, снял с них стволы и снес на берег. Пропажа винтовок могла быть истолкована как заготовка оружия для восстания, однако «случайно» комендор Ткаченко вскрыл эту новую провокацию, и «дело» вновь сорвалось. В рассказы матросов верится с трудом, так как у офицеров корабля для подобных действий не было ни малейшей мотивации. Разумеется, что никто и никогда никаких доказательств о «провокационной деятельности офицеров корабля» впоследствии так и не смог привести.

Аскольдовец матрос С. Сидоров впоследствии вспоминал: «Арест на «Аскольде» матросов вызвал возмущение французских рабочих. Французские рабочие, ремонтирующие «Аскольд», подняли шум. Дело грозило перекинуться на тулонские военные заводы». Воспоминание весьма любопытное. Казалось бы, какое дело французским рабочим до того, что происходит на русском крейсере, где командир наводит порядок и отправляет на родину недисциплинированных матросов? На мой взгляд, возмущение рабочих не было стихийным и за ним стояли какие-то силы. Кто-то пока очень осторожно, но весьма основательно плел свою паутину вокруг «Аскольда» и его команды.

Впрочем, офицеры корабля также добавляли масла в огонь и своим поведением, и своим отношением к матросам. По словам корабельного священника Антонова, отношения между командой и офицерами начали портиться в Тулоне приблизительно с конца июня 1916 года. Поводом к этому послужила разница в условиях жизни офицеров и команды. Пока все дрались с неприятелем, все были в одинаковых условиях и никаких недоразумений не возникало. Едва же крейсер оказался в тыловом Тулоне, все сразу же изменилось. Так, командир, офицеры Быстроумов, Терентьев и Петерсен, а после женитьбы во Франции — лейтенанты Шульгин, Ландсберг и Корнилов имели квартиры на берегу. Вслед за офицерами потянулись с корабля и сверхсрочники — кондукторы и даже фельдфебели также нашли себе женщин на берегу. Берег, а тем более берег французский манил множеством соблазнов, и устоять перед ними было трудно. При этом команда, как и прежде, жила на полуразобранном корабле, располагая минимальными финансовыми средствами. Разумеется, матросов также увольняли на берег, причем довольно часто, но им тоже хотелось большего, да и стесненность в финансах не позволяла гулять на всю катушку. Этою оказалось вполне достаточно, чтобы еще вчера дружный боевой коллектив

превратился в ничто. Так постепенно начали возникать пропасть и глубокая, плохо скрываемая ненависть команды к офицерам.

* * *

Тем временем, несмотря на выводы следователя Найденкова об отсутствии признаков заговора, старший инженер-механик Петерсен самостоятельно продолжал с энтузиазмом заниматься расследованием ситуации на корабле. Вообще активность механика крейсера в столь далеких от него делах, да еще во время весьма непростого ремонта, когда у механика и своих дел по горло, вызывает определенное удивление. Здесь одно из двух. Возможно, кроме Петерсена, заниматься поисками заговорщиков на корабле было просто некому или же сам механик был обуян желанием стать отечественным Шерлок Холмсом и отличиться на сыском поприще.

Впрочем, определенные результаты работа Петерсена дала. Так, ему удалось установить, что команда поддерживала связь с эмигрантами Крестовской, Владимиром Тинниковым (Вейсбергом), Эпштейном, Бирюковым и др. Переписка велась через питейное заведение некой мадам Дюбуа в предместье Тулона, а также через некоего портного, жена которого была знакома с Л.А. Крестовской. Лидия Александровна (Альбертовна) Крестовская-Ратнер являлась супругой известного художника В.В. Крестовского, сотрудничала в нескольких журналах, увлекалась вопросами этики искусства, была близка к революционным кругам, в революционную Россию, она, однако, впоследствии так и не вернулась. Что и говорить, русскую революцию лучше любить на расстоянии, и лучше всего из Франции. В Тулон Крестовская прибыла из Парижа специально для установления контактов с матросами «Аскольда». В первый день приезда ее видели в Ля Сейне с нижними чинами крейсера. На следующий день в Тулоне — с двумя матросами, а на третий к ней в гостиницу приходил представитель команды с почтовой бумагой, проведший у нее около двух часов.

Что касается международного авантюриста Вейсберга, то этот анархист-коммунист бежал в свое время в Бельгию из Якутской губернии, куда был сослан за экспроприацию 50 тысяч рублей в Одессе и попытку освобождения из тюрьмы трех своих сотоварищей-анархистов. К этому стоит прибавить, что дезертировавший с корабля в августе 1916 года с корабля матрос Андреев являлся основным корреспондентом жившего в

Женева бывшего секретаря жены Льва Толстого Бирюкова.

Разумеется, столь тесное общение с революционерами и авантюристами всех мастей не могло не сказаться на психологическом состоянии матросов крейсера. Недовольство офицерами весьма активно подогревалось и нагнеталось. Если совсем недавно матросы только бурчали, то теперь, возвращаясь с берега, после соответствующей обработки революционными агитаторами они вели себя уже куда более агрессивно.

Так, кондуктор Мартынов впоследствии докладывал, что машинист Карпов как-то сказал ему, вернувшись с берега, явно имея в виду офицеров и сверхсрочников: «Пейте нашу кровь, скоро мы будем пить вашу!» Матрос Ляпков, вернувшись с берега в пьяном виде, публично говорил на палубе: «Не смейтесь над своим братом, а то, что задумали, нужно исполнить!» Машинист Лобанов донес, что при встрече в городе комендор Бирюков просил денег, а когда ему не дали, то начал кричать, ударяя себя в грудь: «Все вы взлетите на воздух, это еще будет на якоре. Вы узнаете, кто я, Сашка Бирюков. Я вам покажу земли вращение. Будут еще писать обо мне в истории!» Кондуктор Игнатов показал, что матросы, арестованные после обыска, угрожали ему. «Вы, кондукторы — кровопийцы, стравили нас на мясо и успокоились, так знайте, что на крейсере остались еще люди, которые все равно сделают то, что задумано!»

По сообщению французской секретной полиции, матросы «Аскольда» неоднократно посещали на станции Бандоль имение князя Голицына, садовник которого считается весьма подозрительной личностью. Такая же связь была отмечена в городе Гиер с неким неблагонадежным русским семейством. Наиболее обстоятельные сведения снова сообщил уже неутомимый Виндинг, заявивший, что он знает главарей готовящегося восстания команды и их переписку с революционерами.

Но на этом дело не закончилось. Ряд советских историков считает, что, решив сделать легкую карьеру, инженер-механик Петерсен пошел на провокацию и вместе со своими подручными через месяц подготовил новое, уже куда более серьезное дело. При этом считается, что у него не было никаких улик против матросов, но, догадываясь, что на корабле есть революционеры, он якобы стал искать способ раскрыть их, не останавливаясь ни перед какой провокацией. Но так ли все просто в деятельности старшего механика корабля? Разумеется, историки советского времени Петерсена не любили, но если вдуматься, то старший лейтенант Петерсен, возможно, лучше строевых офицеров зная обстановку в низах корабля, просто понимал всю сложность и взрывоопасность ситуации, а

потому и пытался принять предупредительные меры. Однако его активная деятельность особого успеха так и не принесла. Наоборот, пружина напряженности на крейсере все больше и больше сжималась. А потому, когда в августе 1916 года на «Аскольде» пропали две винтовки, было совершенно ясно, что это дело рук матросов, хотя, как мы уже говорили выше, в ответ матросы сочинили историю о некоей многоходовой комбинации провокаторов-офицеров с совершенно непонятной конечной целью.

Первоначально в похищении винтовок обвинили кондуктора Борисова на том основании, что несколько человек видели, как он нес с крейсера что-то, завернутое в ветошь и похожее на ружейные стволы. На деле оказалось, что Борисов носил на крейсер чинить зонтик своей знакомой.

Через несколько дней с помощью французской полиции винтовки вскоре были обнаружены во дворе завода, где ремонтировался крейсер. Их нашли французские рабочие, причем винтовки уже без прикладов (т.е. переделанные в обрезы) были спрятаны в заводской куче мусора, Винтовки были переданы ими в полицию. Пропажа винтовок наглядно показала, что все главные события на «Аскольде», судя по всему, еще только впереди

Ряд историков считает, что пропажа винтовок была обычной провокацией, которая была состряпана так грубо, что не только матросы, но и некоторые офицеры говорили, что это — провокация. В провокации якобы подозревали того же Петерсена и боцмана Труша. Никаких доказательств этому нет, однако эта легенда о провокации с винтовками передается из поколения в поколение. Как бы то ни было, но если до этого на корабле не было взаимопонимания между «нижними чинами» и офицерами, то после истории с пропажей винтовок ситуация еще больше обострилась. И офицеры, и матросы действительно были напряжены до предела. Ситуация накалялась все больше и больше. Было очевидно, что вскоре должно что-то произойти, и это «что-то» произошло...

Глава восьмая.

ТУЛОНСКОЕ ДЕЛО

Вряд ли кто из находившихся на «Аскольде» офицеров и матросов мог тогда предположить, что последовавшие вскоре события на их корабле окажут впоследствии серьезное влияние на развитие революционной ситуации в огромном российском регионе.

Здесь следует оговориться, что на стоящем в ремонте «Аскольде» артиллерийский боезапас вопреки всем инструкциям хранился на борту корабля на своих штатных местах.

Вообще-то на всех кораблях российского флота при постановке корабля в ремонт или в док боезапас в обязательном порядке сдавался в арсенал и получался обратно только при выходе корабля из ремонта. Эта практика существовала и в советском ВМФ, сохранилась она и сейчас в ВМФ РФ. Делается это по соображениям взрывопожаробезопасности. Во время ремонта на кораблях личный состав задействуется на всевозможных работах, при этом практически всегда нарушается регламентированный уставом распорядок дня, как следствие этого понижается контроль за хранением боезапаса, наконец, могут быть неисправным сама система пожаротушения и система контроля за температурой и влажностью в артпогребах. Помимо этого, на борту постоянно находятся и посторонние люди — рабочие и заводские инженеры, осуществляющие ремонтные работы, в том числе и с открытым огнем. Контролировать их благонадежность и даже соблюдение ими техники пожарной безопасности тоже не так просто.

Однако на «Аскольде», несмотря на долговременный ремонт, как мы знаем, боезапас так и не был выгружен, что и создало реальные предпосылки к произошедшему инциденту. Но почему командир корабля пошел на столь вопиющее нарушение инструкций? На мой взгляд, здесь может быть лишь два варианта ответа. Первый — отказ от выгрузки боезапаса был обусловлен военным временем и тем, что, несмотря на нахождение в ремонте, «Аскольд» был включен в общую систему обороны Тулонской военно-морской базы. А поэтому в случае появления вблизи ее австро-венгерского флота должен был быть в готовности к открытию огня. Разумеется, появление австрийцев у Тулона могло рассматриваться лишь теоретически, но на войне, как на войне. Второй вариант — Иванов просто

решил не утруждать себя и команду лишними (и весьма тяжелыми) работами, чтобы лишний раз не нервировать команду, а кроме этого, избежать, возможно, не слишком простых переговоров с местным французским командованием об организации хранения аскольдовского боезапаса на берегу. Кроме этого, командир мог таким способом пытаться экономить время для выхода крейсера в море. Ремонт в Тулоне и так неоправданно затягивался, и Иванов, возможно, считал, что даже одни сэкономленные сутки будут весьма не лишними.

Факт того, что никто никаких претензий капитану 1-го ранга Иванову относительно хранения артиллерийского боезапаса на борту стоящего в достаточно продолжительном ремонте корабля так и не предъявил, наводит на мысль, что все же ближе к истине является первый вариант — боезапас был оставлен на борту «Аскольда» именно ввиду военного времени.

В брошюре «Темное дело» участник событий на «Аскольде» бывший матрос крейсера С. Сидоров пишет: «Пошла полоса «подпаливания»... Офицеры не раз говорили вслух, что команда испортилась, с нею надо расправиться, — это обижало и озлобляло матросов». Пишет Сидоров и о некой «гильзе в кают-компании», якобы подброшенной туда матросами. Что это была за гильза и зачем ее надо было подбрасывать в кают-компанию — неизвестно. Если такое действие действительно имело место, то иначе, как провокацией по отношению к офицерам, это назвать нельзя. Кто-то и в без того не простой обстановке для чего-то старался взвинтить ее еще больше.

И опять вопрос — почему командир корабля после этих первых тревожных сигналах с «гильзой в кают-компании» так и не принял соответствующих мер? Теперь можно было, уж если не выгрузить артиллерийский боезапас, то хотя бы принять повышенные меры безопасности к его хранению и его охране.

Объяснение этому факту у меня одно. Капитан 1-го ранга Иванов 6-й уже знал о своем скором переводе на адмиральскую должность и именно потому резко ослабил контроль за ситуацией на корабле, положившись на вечный наш «авось». Ведь буквально через пару недель он должен был навсегда покинуть беспокойный «Аскольд». Но все случилось совсем не так, как мечталось без пяти контр-адмиралу Иванову 6-му.

Вот как описывает хронологию последующих драматических событий на крейсере историк Д. Заславский: «Около трех часов ночи 20 августа стоявший на дежурстве у офицерских проходов матрос Семенов услышал негромкий и глухой звук — как будто упал тяжелый предмет или выстрелил кто из револьвера Подошедшему в это время другому матросу

Семенов сказал: «Уж не застрелился ли офицер какой-нибудь? — и тут же прибавил: — Одной собакой меньше».

На палубу выскочил полураздетый мичман Гунин.

— Что случилось?

Семенов высказал свое предположение. Пошли посмотреть в кают-компанию, там было пусто и тихо. Но дневальные тоже слышали странный и подозрительный удар. И вдруг запахло дымом. Он пробивался из закрытого люка кормового погреба со снарядами, приподняли крышку, дым повалил гуще.

Матросы засуетились, прибежал старший офицер Быстроумов, вызвали боцманов. Погреб открыли, но спускаться туда было нельзя. Стали качать в погреб воду. Полагалось бы бить немедленно пожарную тревогу, однако Быстроумов приказал не шуметь и команду не будить.

Дым вскоре рассеялся. Когда унтер-офицер Мухин, а за ним боцман Труш и старший офицер спустились в погреб, они нашли на полу осколки разорвавшегося снаряда и остатки сгоревшей швабры. Первая мысль была о самовозгорании пороха. Но дальнейшие розыски тут же обнаружили фитиль, свечу и спички; а дальше оказалось, что погреб открыт поддельным ключом, а трубки в трех снарядах вывинчены. Не было ни малейшего сомнения в умышленности взрыва. В погребе было свыше тысячи орудийных снарядов. Покушение было выполнено грубо, неумело: при лучшей и более искусной подготовке легко мог бы погибнуть весь крейсер...»

Вот описание того же события на «Аскольде» в варианте исследования историков В.Я. Крестьянинова и С.В. Молодцова: «19 августа «Аскольд» стоял у стенки завода, носом к берегу. Вечером, как обычно, убрали плашкоут, соединяющий носовой трап со стенкой, и сообщение с берегом прекратилось. Все офицеры, кроме трех, и вся команда находились на корабле. После ужина и вечерней молитвы стали расходиться спать. Около 3 часов утра вахтенный матрос Ливийский, стоя под кормовой надстройкой, услышал где-то внизу глухой звук взрыва и побежал доложить вахтенному начальнику. Вестовой Рухлов, спавший у элеватора 75-миллиметрового погреба, проснулся от взрыва и упавшего на него свистка переговорной трубы, идущей в этот погреб. Слышавшие взрыв, не понимая, в чем дело, стали осматривать соседние отсеки. Мичман Г.В. Майумский с комендором Н.Ф. Стецюком, спустившись в баталерское помещение, обратили внимание на приоткрытую броневую крышку люка в 75-миллиметровый погреб боеприпасов.

Приподняв крышку, они отпрянули — из люка повалил густой дым

Ситуация становилась серьезной — в погребе находились 828 снарядов и около 100 тысяч ружейных патронов. Прибежавший старший офицер Быстроумов приказал открыть кингстон затопления погреба, но вода шла медленно. Тогда стали накачивать воду в погреб брандспойтом через элеватор. Когда старший кондуктор А.Д. Мухин полез в шахту, Быстроумов остановил его: «Задохнетесь». Старший офицер пытался спуститься сам, но вынужден был выйти. Хотя на корабле имелись противогазы, в критический момент они оказались к работе не готовы. Мухин, обмотав лицо полотенцем, полез в шахту и успел заметить, что дверь погреба открыта. Большого разглядеть не удалось. Когда дым немного рассеялся, Мухин снова спустился в погреб и на этот раз увидел, что горят швабра и веники. На палубе лежали разорванная гильза 75-миллиметрового патрона, два патрона с вывинченными ударными трубками (капсюлями), три ударные трубки, ключ для их вывинчивания, а неподалеку полурастоптанная свечка и обгоревшая спичка. Спустившийся в погреб Быстроумов и еще несколько человек при более подробном осмотре обнаружили, что в беседках повреждены 9 патронов, причем из одного торчал порох. На переборке и палубе были видны две вмятины, как выяснилось позже, от удара снаряда. Сам же снаряд, вылетевший из гильзы и неразорвавшийся, лежал под беседками. Вылезая из погреба, Мухин увидел в вентиляционной трубе замок от погреба со вставленным ключом. Старший офицер предположил сначала, что взрыв произошел от самовозгорания старого пороха (выделки 1904 года) и приказал ручную выгрузить боеприпасы на верхнюю палубу. Но температура в погребе была нормальной. Приглядевшись, Быстроумов обратил внимание, что у разорвавшейся гильзы резьба для ввинчивания ударной трубки цела. Он попробовал вернуть одну из найденных трубок в гильзу, и оказалось, что она легко ввинчивается. Если бы взрыв произошел от самовозгорания пороха, вернуть трубку было бы нельзя. Быстроумов приказал собрать все предметы, наводящие подозрение на умышленный взрыв.

На другой день весь корабль только и говорил о ночном происшествии. Обсуждали, кто же мог это сделать. Кто-то вспомнил, что однажды, сидя в одном из баров Тулона, комендор И.М. Ляпков, изрядно выпив, сказал, что ему предлагали 20 тысяч рублей за взрыв крейсера».

Кроме этого, 21 августа во время выгрузки боеприпасов с «Аскольда» на баржу (от греха подальше решили боеприпасы с крейсера убрать) гальванер П.Ф. Пакушко заметил, как все тот же Ляпков неожиданно самовольно ушел с баржи на корабль и что-то спрятал в свой рундук. Бдительный Пакушко через своего приятеля М.И. Седнева немедленно

сообщил об этом случае старшему офицеру. Однако при проверке оказалось, что Ляпков ходил за рукавицами.

По свежим следам уже утром после взрыва были арестованы 28 человек. Реальных обвинений против них не было. Просто, боясь повтора диверсии, командир корабля решил изолировать от команды всех наиболее недисциплинированных и неблагонадежных, по его мнению, матросов. Всех их временно заключили под стражу в кормовой кубрик. Разумеется, с юридической точки зрения это было вопиющим самоуправством. Однако, принимая во внимание реальную ситуацию на корабле, стоит согласиться с тем, что мера эта была в определенной мере оправданная, хотя и вынужденная.

* * *

Приказом командира корабля Иванова 24 августа была назначена следственная комиссия «по делу о покушении на взрыв крейсера в 3 часа 20 августа 1916 года». Председателем комиссии назначался военно-морской следователь подполковник Найденов и членами — Петерсен, Ландсберг и Булашевич.

Ведение следствия было значительно облегчено тем, что на борту крейсера, волею случая, уже достаточно продолжительное время находился весьма квалифицированный профессиональный юрист — следователь подполковник Найденов. За время нахождения на корабле и особенно за время своего первого расследования т.н. первого заговора, Найденов уже успел хорошо изучить обстановку на крейсере, познакомиться со многими членами команды, а потому во время следствия по попытке взрыва корабля чувствовал себя весьма уверенно.

26 августа арестованных матросов перевели на берег, в военно-морскую тюрьму.

До назначения этой комиссии Петерсен уже три дня производил допросы и фактически продолжал вести их дальше. Ландсберг выполнял функции секретаря, а Булашевич использовался как специалист-артиллерист. Найденов обобщал материал, формулируя обвинения. Он констатировал следующие факты.

В ночь взрыва дежурными дневальными были матрос Беляев в офицерских проходах, из коих ведет люк к выгородке погреба, тут же дежурили вестовые Борисов и Велькин. В то же время в прилегающих помещениях — кормовом кубрике и церковной палубе — дневалили

матросы Шестаков и Захаров, а в машинном отделении Сафонов. Дозорным, проверившим закрытие двери в погреб, был Вешняков.

Комиссия допросила почти весь личный состав корабля, многих подозрительных с «пристрастием и моральным воздействием». Нашлись люди, которые подтвердили все необходимое и подписали заготовленные протоколы допроса.

Следствием было установлено, что в момент взрыва Захаров, Шестаков и Сафонов на своих местах дежурства не были, и в то же время свидетели Пивинский и Редикюльцев показали, что ко времени взрыва в носовом галюне, наиболее безопасном месте, находились матросы, одетые по форме дневальных, при этом они утверждали, что это были именно обвиняемые.

Тот же Пивинский — кондукторский вестовой — показал, что Захаров и Терлеев при разводке на дневальство неожиданно просили унтер-офицера Бессонова назначить первого — в церковную палубу, а второго — на бон.

Другие матросы подтверждали, что слышали просьбу Терлеева, который учился ездить на велосипеде, что было возможно на боне, но не Захарова; последний давал ложные показания Пивинского, имевшего с ним личные счеты.

Далее Пивинский сообщил, что с 2 часов ночи 20 августа он стал рассыльным и вахтенным на шканцах, спустя 15 минут к нему подошел дневальный Шестаков и, направляясь к баку, сказал: «Я иду опраться на бак, если кто-нибудь меня позовет, то ты покричи меня», — и ушел.

К 3 часам, по заявлению Пивинского, Шестаков все еще не возвращался, Пивинский хотел послать за ним дневального Захарова, для чего дал в люк две дудки, вызывая Захарова по фамилии, но последний не ответил и не явился.

В палубу Пивинский не спускался и поэтому не уточнил, спал ли Захаров, что бывало со всеми дневальными, или его действительно не было в кубрике.

Матрос Захаров на следствии показывал, что в ночь взрыва около 3 часов утра он заметил матроса в рабочей одежде, который быстро шел со стороны офицерских проходов (места происшествия). Подойдя к шкафчикам шагах в пяти от Захарова, матрос что-то достал из него и быстро пошел по направлению к носу. Решив, что это вор, Захаров незаметно пошел за ним. Поднявшись на носовую надстройку и завернув за боевую рубку, он увидел матроса, расстилающего бушлат и собирающегося спать. Им оказался Княжев. Но на следствии Княжев утверждал, что он сменился с дежурства еще в 11 часов вечера и, взяв из своего шкафчика

бушлат и подстилки, пошел спать на носовую надстройку. Оба явно пытались обмануть следствие, причем каждый в свою пользу.

Собранных показаний было вполне достаточно для привлечения виновных к военному суду. Поняв, что положение его весьма опасно, матрос Шестаков начал утверждать, что он возвращался по другому борту примерно в половине третьего и видал Пивинского разговаривающим с караульным начальником Семеновым, а Захаров дремал на посту, лежа на скамейке, и вызова Пивинского не слышал.

Подполковник Найденев восстановил картину организации взрыва в следующем виде. Задолго до взрыва комендоры Ляпков и Бирюков пробалтываются в пьяном виде о том, что крейсер надо пустить на воздух, и этим показывают, что они принимали участие в заговоре.

В ночь взрыва при разводе дневальных унтер-офицер Бессонов, несомненный соучастник, заранее распределил дневальных Терлеева, Захарова и Шестакова на нужные места; гальванер Бешенцев и хозяин погреба Захаров подготовили средства и к трем часам ночи произвели взрыв.

Все участники покушения поэтому до момента взрыва ушли со своих мест на бак, как наиболее безопасное от взрыва место.

По-видимому, заговорщики рассчитывали, что от взрыва одного патрона произойдет пожар, от которого взорвутся два других снаряда с вывинченными трубками и далее детонирует остальной боезапас.

По данным заключения, сделанного после проведенного расследования следователем Найденевым, дело представлялось так: в ночь с 19 на 20 августа около 3 часов утра в кормовом погребе 75-миллиметровых снарядов, в котором находилось более 800 выстрелов, произошли взрыв и пожар. Немедленно к месту происшествия прибыли старший офицер Быстроумов и другие лица.

Из погреба шел густой едкий дым. Предполагая самовозгорание пороха, Быстроумов распорядился затопить погреб. Когда дым улетучился и пожар был потушен, в выгородку погреба спустился сначала 1-й кондуктор Мухин, а через некоторое время Быстроумов и др. Здесь в воде были найдены 2 полуобгорелых голика, швабра, спичка с обгоревшей головкой, полурастоптанная свеча и поддельный ключ к висячему замку на двери погреба. В погребе на ящиках лежали: два 75-миллиметровых снаряженных патрона с вывинченными ударными трубками, ключ для вывинчивания этих трубок, 3 ударные трубки, а на палубе разорванная гильза взорвавшегося патрона и снаряд из этого патрона.

Корабль на ночь был разобщен с берегом, и на крейсере никаких

посторонних лиц не было. Поэтому взрыв мог быть произведен только лицами из состава экипажа крейсера. Необходимо отметить, что проникнуть в погреб незамеченным, строго говоря, невозможно.

В коридоре офицерских кают, постоянно освещенном, недалеко от входа в кают-компанию находилась горловина, крышку которой надо было открыть и спуститься на броневую палубу. На этой палубе надо было открыть специальным отдраечным ключом тяжелую броневую крышку и отодвинуть ее, после чего можно было спуститься в помещение перед погребам — в выгородку, куда выходили двери кормового 75— и 47-миллиметрового погребов. Ключи от этих погребов хранились у часового, проверка правильности закрытия дверей погребов была произведена дозорными, как и полагалось, около 20 часов 19 августа. В офицерских проходах и прилегающих помещениях дежурили дневальные. Рядом с горловиной помещался буфет, в котором ночевали дежурные вестовые. В общем, сходы в погреб находились «на глазах» пяти вахтенных. Вот обстановка, при которой произошел взрыв.

Следующей ночью был обыск у всех гальванеров, искали ключи от орудий. Через день еще 77 человек с крейсера перевели в Тулон, во французский флотский экипаж, где содержались под стражей.

13 сентября они были отправлены в Архангельск. Эти матросы в подготовке взрыва вряд ли участвовали, однако были неблагонадежными, а потому Иванов почел за лучшее от них избавиться.

* * *

Офицеры «Аскольда» были твердо убеждены, что взрыв произведен матросами из команды «Аскольда». Легко представить себе, с каким озлоблением относились они к тем, на кого падало подозрение. Но и матросами овладела растерянность. Многие готовы были собственными руками растерзать виновных; с трудом допускали они мысль, чтобы свои же товарищи матросы решились погубить ночью во время сна весь экипаж...

Сразу вспомнили, что не так давно один из списанных унтер-офицеров, уезжая на Салоникский фронт, сказал на прощание: «Я вот уезжаю, а вы взлетите на воздух!» Тогда на эти слова никто не обратил никакого внимания. Теперь же они воспринимались совсем по-другому. Уже вовсю говорили о Ляпкове, которому якобы за взрыв крейсера предлагали сорок тысяч франков. Кроме этого вспомнили матросы и о том,

что комендор Бирюков тоже в пьяном виде хвалился, что взорвет корабль и «все узнают, каков Сашка Бирюков!». К этим фактам добавились и многочисленные как действительные, так и надуманные факты, о которых сообщили следователям некоторые фельдфебели, кондукторы и штрафной матрос Пивинский.

Все это помогло следствию ограничить круг подозреваемых, а затем построить обвинение против восьми матросов, отвечавших за погреб или дежуривших в ту ночь.

Историки В.Я. Крестьянинов и С.В. Молодцов в книге «Крейсер «Аскольд» по этому поводу пишут. «Как было установлено следствием, взрыву предшествовали разговоры о взрыве крейсера Матросы вспомнили, что в конце марта 1916 года матрос С. Тимофеев, уезжая с «Аскольда» на Салоникский фронт, якобы сказал: «Счастливы, что уезжаем, а то поднимемся на воздух». Вспомнили на следствии и о Ляпкове, и о комендоре Бирюкове, который неоднократно в пьяном виде, разойдясь, хвастал, что взорвет крейсер, к чертовой матери.

В ночь взрыва на верхней палубе дежурили 4 часовых, вахтенный начальник, 2 вахтенных, 2 сигнальщика и 5 дневальных, а всего на корабле 26 человек. Поэтому посторонние пройти на крейсер незамеченными никак не могли. Тем более попасть в погреб мимо офицерских кают, где дежурили вестовые и находится дневальный. Дверь погреба была закрыта на замок, о чем свидетельствовал дозорный, а ключ хранился в ящике у часового. Найденный же в погребе ключ оказался поддельным.

Развод дневальных вахтенного отделения на дежурство в ночь с 19 на 20 августа проходил в полночь. Разводящий, унтер-офицер Н.Д. Бессонов, дойдя до фамилии Г.С. Терлеева, спросил его, куда он хочет заступить. Терлеев попросился дневальным на бон. Некоторые дневальные обратили на это внимание. Обычно вахтенный унтер-офицер никогда не спрашивал, кому и куда хочется. Терлеев объяснил, что он заранее просился на бон, так как учился кататься на велосипеде, которых всегда было много на берегу.

Кроме этого, следствие установило, что дежурных дневальных Шестакова, Захарова и Сафонова в момент взрыва на своих местах не оказалось. В то же время дневальный Редикюльцев удостоверил, что перед взрывом в носовом галюне находились несколько человек, одетых по форме дневальных. Что не было на месте Захарова и Шестакова, утверждал Пивинский. Отсутствие Сафонова в машинном, отделении засвидетельствовал лейтенант Кршимовский. Выяснилось, что днем 19 августа, накануне взрыва Бешенцев и Захаров (хозяин погреба, в котором произошел взрыв) работали в погребе.

Захаров протестовал против показаний Ливийского, говоря, что он, как разряда штрафованных, не может давать показания и, кроме того, мстит ему, Захарову, за то, что был выдан команде как вор, и команда расправилась с Пивинским своим судом. Пивинский же утверждал, что Захаров — «самый скверный человек на крейсере».

Проведенная экспертиза установила, что 75-миллиметровый патрон можно взорвать с помощью шнура-фитиля для зажигалки. Кусочки такого фитиля были найдены подведенными к двум патронам на месте взрыва. У Бешенцева во время обыска нашли фитиль от зажигалки, оказавшийся короче, чем продается, на 20 см и которым он никогда не пользовался.

Следствию картина представлялась такой: унтер-офицер Бессонов распределяет дневальных по местам. Гальванеры Бешенцев и Захаров поджигают фитили. После этого все участники уходят на бак, как наиболее безопасное место, откуда они могли при взрыве легче всего спастись.

В конечном итоге, следственная комиссия пришла к выводу, что Захаров, Бешенцев, Шестаков, Сафонов, Терлеев, Бессонов, Ляпков, Бирюков, с помощью Андреева сбежавший с крейсера за три дня до взрыва, «достаточно изобличаются» в том, что «из личных выгод, сговорившись с неизвестными лицами, имеющими цель взорвать крейсер, устроили поджог в погребе боеприпасов». Комиссия постановила привлечь этих 8 человек в качестве обвиняемых к суду».

* * *

Следствие подошло к своему логическому концу, Найденову и его помощникам, в принципе, все уже было ясно.

На основании изложенного следственная комиссия пришла к заключению, что Захаров, Бирюков, Шестаков, Сафонов, Терлеев, Бессонов, Ляпков и Бешенцев достаточно изобличаются в том, что, войдя при посредстве сбежавшего с корабля комендора Андреева в сношения с неизвестными лицами на берегу, поставили себе целью взорвать корабль со всем личным составом, из личных выгод устроили поджог трех 75-миллиметровых унитарных снарядных патронов, из коих от поджога взорвался только один снаряд. Далее шло перечисление статей устава о наказаниях и постановление о привлечении указанных восьми нижних чинов в качестве обвиняемых. При этом главных обвиняемых было четверо: матросы Д.Г. Захаров, Ф.И. Бешенцев, Е.Г. Шестаков и А.А. Бирюков.

Подписано заключение материалов расследования было 8 сентября 1916 года. Подписали его четверо: Найденов, Петерсен, Ландсберг и Булашевич.

Несмотря на то что обвиняемые не сознались и заявили о своей готовности дать новые объяснения своим поступкам, капитан 1-го ранга Иванов 6-й 9 сентября утвердил заключение комиссии и предал указанных 8 матросов суду Особой комиссии.

Уже зная о своем переводе в Россию на адмиральскую должность и получив телеграмму, что его сменщик уже в пути, Иванов 6-й засобирался домой. Теперь он ждал только приезда сменщика, чтобы как можно скорее покинуть палубу беспокойного крейсера. При этом больше всего Иванов боялся, что сменяющий его Кетлинский задержится где-нибудь в дороге и ему самому придется решать вопрос с выносом приговора матросам-диверсантам, ибо кто знает, как это обернется для него в будущем. А потому в последние дни своего пребывания на «Аскольде» Иванов 6-й откровенно затягивал созыв суда. Тактика Иванова оказалась совершенно правильной, и он в нетерпении, дожидаясь приезда Кетлинского, так и не созывал суда, чтобы самому не утверждать заранее predetermined по законам военного времени приговора диверсантам.

Следственное производство по делу о взрыве на крейсере «Аскольд» было закончено 10 сентября 1916 года и было представлено на заключение командиру крейсера Иванову военно-морским следователем Найденовым

Капитан 1-го ранга Иванов на рапорте Найденова наложил следующую резолюцию: «Рассмотрев следственное производство, предаю суду Особой комиссии... привлеченных в качестве обвиняемых нижеследующих чинов: Захарова, Бешенцева, Терлеева, Шестакова, Ляпкова, Бирюкова, Сафонова и Бессонова... В силу телеграфного предписания морского министра списываю с корабля и предлагаю отправить в Россию всех нижних чинов, так или иначе скомпрометированных или причастных к фактам, изложенным в постановлении и рапорте». Это было последнее, что сделал Иванов 6-й на вверенном ему корабле.

В тот же день, 10 сентября, в Тулон прибыл капитан 1-го ранга Кетлинский и в тот же день принял дела и обязанности командира крейсера у Иванова. Вообще-то для приема корабля 1-го ранга полагалась как минимум неделя, но Иванов, буквально бежал с «Аскольда», отправившись попутным транспортом в Александрию, а оттуда в Россию и оставив ничего не знающего и не понимающего сменщика один на один со всеми проблемами. Назвать порядочным поведение капитана 1-ю ранга Иванова в данном случае сложно, он откровенно спасал свою репутацию, свалив все

содеянное им с больной головы на здоровую.

Известно, что летом 1917 года Иванов 6-й был уже контр-адмиралом, командуя на Балтике шхерным отрядом и Або-Аландской укрепленной позицией.

Если говорить, что, узнав об истинной ситуации на крейсере, Кетлинский был в недоумении, это значит не сказать ничего. Думаю, что новый командир пребывал в полном шоке, только сейчас наконец-то поняв, какую злую шутку с ним сыграли и морской министр, и сбежавший старый командир «Аскольда». Не знаю, как такая ситуация называлась в начале XX века, но на современном языке это называется коротко и цинично — подстава.

Глава девятая.

СУД. ПРИГОВОР. КАЗНЬ

Итак, морской министр адмирал Григорович решает произвести замену командиров на крейсере «Аскольд» в самый напряженный момент на этом корабле. Разумеется, что решение о замене Иванова на Кетлинского было принято значительно раньше, еще до попытки взрыва корабля. Однако логика подсказывала, что по справедливости Григоровичу следовало бы дать именно старому командиру разгрести свои «авгиевы конюшни», а только потом уже отправляться в Россию за адмиральскими эполетами. Возможно, мне возразят, что все диктовалось военным временем. Может быть, все обстояло именно так, но, учитывая обстоятельства самого назначения Кетлинского на должность командира «Аскольда», невольно возникает подозрение, что за лихорадочной торопливостью отправки Кетлинского в Тулон именно после попытки взрыва, крылась изощренная месть морского министра любимчику адмирала Эбергарда.

В результате этой весьма изощренной интриги ничего не подозревавший Кетлинский, едва прибыв на крейсер, сразу должен был решать проблемы, о наличии которых еще сутки назад он даже и не подозревал. Я просто уверен, что, выезжая во Францию, капитан 1-го ранга Кетлинский полагал, что все вопросы, связанные с попыткой взрыва на корабле (если министр вообще удосужился ему об этом рассказать), последующим расследованием и судом уже решены до него. По крайней мере из воспоминаний адмирала Григоровича следует, что он ни в какие тонкости этого весьма серьезного вопроса вновь назначаемого командира не посвящал. Уверен, это было сделано специально, чтобы удар по «любимцу Эбергарда» получился более весомым. Если это так, то месть Григоровича вполне удалась. Удар по Кетлинскому был действительно нанесен весьма неслабый. Теперь именно он должен был утверждать (т.е. подтверждать) решение корабельного суда и, следовательно, нести всю ответственность за чужие ошибки и просчеты. Что касается капитана 1-го ранга Иванова, то он, несомненно, был безмерно счастлив тому, что столь легко отделался от грозивших ему серьезных неприятностей, и прежде всего от участия в утверждении неизбежного смертельного приговора участникам диверсии.

Прибыв на «Аскольд», Кетлинский начал свою деятельность в должности командира крейсера именно с изучения обстоятельств попытки взрыва. Состав суда над арестованными матросами назначал еще Иванов, но Кетлинский, которому теперь предстояло расхлебывать всю заваренную до него кашу, попросил для объективности включить в состав суда возможно больше офицеров со стороны, вполне справедливо считая, что аскольдовские офицеры будут недостаточно справедливы. Особенно он просил о назначении председателем суда представителя нашей военно-морской миссии во Франции, инженер-механика капитана 2-го ранга Пашкова, считавшегося в военно-морских кругах «красным» и «неблагонадежным». Кетлинский искренне полагал, что взрыв не имеет отношения к политике и поэтому разбираться в его обстоятельствах должны люди, не склонные все связывать с «крамолой». По этой же причине в состав суда назначили и лейтенанта Мальчиковского, пострадавшего в свое время, в 1905 году за свои левые политические убеждения.

В пользу непредвзятости судьи свидетельствует приговор — из 8 привлеченных 4 были оправданы. Любопытно, что матрос П.М. Ляпков не только отрицал свою вину, но и яростно обвинял осужденных, утверждая, что взрыв был организован «по указанию немцев, не иначе, как с их науки».

Здесь я соглашусь с В. Кетлинской и не соглашусь с профессором В. Тарасовым, который в своей работе «Борьба с интервентами на Мурмане в 1918—1919 гг.» бездоказательно объявил, что на «Аскольде» засудили наиболее ненавистных офицерам, самых революционных матросов.

Отметим и то, что все 4 осужденных имели самое непосредственное отношение к артиллерийскому погребу, в котором готовился взрыв, ни о какой-то особой революционности осужденных не было и речи. Если уж называть вещи своими именами, то самым первым революционером на «Аскольде» был унтер-офицер Самохин, которого никто и не думал привлекать к суду. Самохин был просто списан в Архангельск в числе многих других недисциплинированных матросов, как неблагонадежный, но не как пособник диверсантов.

Суд состоялся с 10 по 12 сентября, проходил он на «Аскольде». Окончательный состав Особой комиссии был таков: председатель — инженер-механик, капитан 2-го ранга Пашкова, член комиссии — старший лейтенант Назимов. Оба этих офицера были присланы из Парижа военно-морским агентом (атташе). Кроме этих офицеров, членами комиссии были назначены офицеры «Аскольда» — лейтенанты Мальчиковский, Якушев и

Черемисов и Штайер. Последний исполнял обязанности делопроизводителя.

Привлечен к участию в суде был и старший лейтенант Петерсон. В качестве свидетелей со стороны командования выступали штрафной матрос Пивинский, а также фельдфебели Ищенко, Скок и Михальцов. На следствии и на суде было оглашено, что «революционная организация» была подкуплена немецкими шпионами и ставила своей задачей взорвать корабль.

На судебном следствии из опроса свидетелей, из ознакомления с местом преступления и вещественными доказательствами суд признал, что поджог и взрыв на крейсере были произведены умышленно и лишь по счастливой случайности артиллерийский погребок не взорвался и корабль не погиб со всем личным составом. Помимо этого, суд нашел, что подсудимые матросы Захаров, Бешенцев, Шестаков и Бирюков, «несомненно, вполне изобличаются в том, что пытались взорвать крейсер».

Улики — наличие поддельного ключа к погребу, вывинченные ударные трубки, шнур, свеча, спички и нахождение всех четырех обвиняемых в наиболее безопасных местах на корабле в бодрствующем состоянии — обличали их. Кроме этого обвиняемые так и не смогли внятно объяснить, почему они не спали и почему находились одетыми, там, где их обнаружили.

Суд признал, что взрыв был устроен «с целью уменьшения боевой силы нашего флота и из побуждений материального характера, т.е. за деньги, которые были предложены оставшимися суду неизвестными лицами на берегу».

Заседавший в течение двух дней суд признал подсудимых матросов Захарова, Бешенцева, Шестакова и Бирюкова виновными и приговорил их «к лишению всех прав состояния и смертной казни через расстреляние». Подсудимых матросов Сафонова, Терлеева, Бессонова и Ляпкова суд оправдал «по недостаточности их участия» во взрыве. Участие в организации взрыва матроса Андреева осталось не доказанным. Никто из подсудимых виновным себя не признал.

После суда осужденные попросили привести матроса Княжева, говоря, что он—действительный виновник. Впоследствии на следственной комиссии 1917года капитан 1-го ранга Кетлинский показал следующее: «Когда ночью суд вынес свой приговор и мы все ушли, приговоренные потребовали меня и просили позвать к ним (матроса) Княжева. Я разрешил, и в каземате № 6 у пушки № 19 произошло свидание. Я отлично помню их лица и, главное, глаза. Обвиненные впились глазами в Княжева и сказали:

«Сознавайся, Алеша!» Княжев ответил: «Мне не в чем сознаваться». На повторное их убеждение он ответил: «А вам разве это поможет?» И отвернулся. Это все. Этот разговор, в котором больше говорили глаза, произвел на меня впечатление, что Княжев был или главным, или подговорил их, но не пойман. Они же были исполнители. Мне предстояло подтвердить приговор».

Рассказу Кетлинского я верю. В данной истории он был лицом незаинтересованным, так как прибыл на крейсер уже после происшедших событий. В своих показаниях Кетлинский недвусмысленно говорит о вполне организованной группе заговорщиков, которая имела и свою иерархию. Причем Кетлинский дает понять и то, что расстреляны были рядовые исполнители, а Княжев (вполне возможно, осуществлявший за этими исполнителями контроль) и те, кто руководил Княжевым, ушли от наказания, так как против них не было никаких доказательств.

Теперь, когда суд бы закончен и судьи вынесли свой вердикт, слово было за Кетлинским. Ему, как командиру корабля, находящегося в отдельном плавании, предстояло утвердить приговор суда.

Возникает вопрос, а почему Кетлинский, получив косвенную информацию о причастности к диверсии матроса Княжина, не отменил решения суда и не назначил следствия. Причина такого поведения командира «Аскольда», на мой взгляд, кроется в том, что Кетлинский был весьма раздражен тем, что командование столь известным кораблем, как «Аскольд», ему приходится начинать со смертельных приговоров. Дело для него и для судей было уже, в общем-то, достаточно ясным. Больше копать в этом деле, чтобы вынести еще один-два смертных приговора, у него не было ни желания, ни, и это самое главное, времени. Надо было как можно быстрее заканчивать «диверсионное дело», заканчивать ремонт и уходить в Мурманск, ведь война была в самом разгаре и, следовательно, надо было воевать, а не заниматься бесконечными расследованиями.

Авторы книги «Крейсер «Аскольд» В.Я. Крестьянинов и С.В. Молодцов пишут: «Кетлинскому предстояло утвердить приговор. Будучи противником смертной казни, а одно время даже толстовцем, он мучительно колебался. Но люди, решившиеся за деньги взорвать свой крейсер, на котором спали 500 человек их же товарищей, представлялись Кетлинскому зверями. Продумав над приговором всю ночь, он принимает решение...»

13 сентября командир «Аскольда» выносит свой окончательный вердикт «Представленный мне на конфирмацию приговор суда Особой комиссии по делу о взрыве, коим матросы Захаров, Бешенцев, Шестаков и

Бирюков признаны виновными и приговорены к расстрелу, я в силу предоставленного мне права утверждаю. Приговор предлагаю привести в исполнение в законный срок—немедленно. 13 сентября 1916г. Командир крейсера «Аскольд» капитан 1-го ранга Кетлинский».

Таким образом, уже на третий день после своего приезда в Тулон Кетлинский был вынужден утвердить смертные приговоры для четверых матросов, выполнив указание Григоровича о наведении строжайшего порядка на вверяемом ему крейсере всеми доступными ему способами.

Конечно, при этом Кетлинский не мог себе и представить, что когда-то наступит время, когда пострадавшая сторона—команда—потребует от него отчета. Надо иметь в виду, что в дни работы суда корабль готовился к выходу из дока и вновь прибывший командир был вынужден затратить много времени на осмотр корпуса и уделить максимальное внимание быстрейшему завершению ремонта, так как имел приказание как можно скорее идти в Мурманск.

Известный историк флота М.А. Елизаров пишет относительно возможной мотивации поведения Кетлинского при утверждении приговора следующее: «К.Ф. Кетлинский, будучи назначенным новым командиром на «Аскольд», прибыл на корабль, когда расследование там уже закончилось. Он фактически лишь только утвердил приговор, имея, впрочем, основания и возможность задержать его исполнение. К.Ф. Кетлинский стремился быстрее вывести корабль в море».

Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что быстрая конфирмация смертного приговора Кетлинским была вызвана военной необходимостью. Отмена приговора суда грозила вылиться в долгую переписку между Тулоном и Петербургом и дальнейшие разбирательства. Вспомним, что шла тяжелейшая, кровопролитнейшая война и вновь назначенный командир горел желанием как можно быстрее ввести свой корабль в боевой строй. Такая позиция Кетлинского кажется мне достаточно логичной. Ну, а кроме этого, я полагаю, что Кетлинский не пропустивший ни одного заседания суда и вникнувший во все детали диверсии в артиллерийском погребе крейсера, пребывав в твердой уверенности, что следователями изобличены истинные виновники происшедшего, которые и должны получить по заслугам.

Еще раз напомним, что в самом разгаре была кровопролитнейшая война и подкупленные германскими агентами матросы, готовившие гибель боевого корабля и сотен своих боевых товарищей, были не только для Кетлинского, но и для офицеров и подавляющей части матросов «Аскольда» врагами. Ну, а врага на войне надлежит уничтожать, иначе он

сам уничтожит тебя. Последнее чуть было и не произошло на «Аскольде».

В целом же, согласимся, что в сложившейся ситуации Кетлинский поступил так, как поступил бы на его месте любой другой офицер российского флота, не лучше и не хуже.

* * *

14 сентября капитан 1-го ранга К.Ф. Кетлинский телеграфировал в Петроград о назначенной на следующее утро казни. На это заместитель морского министра ответил: «Задержите исполнение приговора». Но это распоряжение министра почему-то выполнено не было.

Вот как оценивал данную ситуацию с телеграммой в своих воспоминаниях сам адмирал Григорович: «На крейсере «Аскольд» в Тулоне вследствие распушенности личного состава произошли беспорядки, было даже покушение взорвать офицерскую кают-компанию, что не удалось, к счастью, привести в исполнение. Виновные разысканы, преданы суду и приговорены к смертной казни, о чем мне было доложено начальником Морского генерального штаба. Я телеграфировал в Тулон не приводить приговор в исполнение, тем не менее капитан 1-го ранга Кетлинский это исполнил. Виноваты же в учинении беспорядков были не только подсудимые, но также и те, кто допустил на крейсере развратную жизнь...»

Таким образом, Григорович задним числом упрекает Кетлинского за то, что тот не исполнил его указания отменить казнь, но в то же время виновными наряду с казненными диверсантами министр считает и старого командира крейсера Иванова 6-го, хотя и не называет при этом его конкретной фамилии. Впрочем, обвинение старого командира в «допущении на крейсере развратной жизни», как оказалось, нисколько не помешало тому же морскому министру в самое ближайшее время подписать представление императору на получение Ивановым 6-м контр-адмиральского чина.

Не прост, ох, не прост был морской министр Иван Константинович Григорович!

В истории с неисполненной телеграммой вообще много непонятного. Если заместитель (товарищ) морского министра шлет от имени министра столь категоричную телеграмму, то командир «Аскольда» был обязан ее выполнить. Но ведь он ее не выполнил! Если все обстояло именно так, то получается, что кровожадный Кетлинский сознательно нарушил приказ самого министра, причем в столь серьезном вопросе, как казнь четырех

человек. За это его должны были бы в обязательном порядке наказать, причем наказать серьезно. Признание в написанных годы спустя воспоминаниях не в счет. В реальности же никакого наказания Кетлинскому почему-то не произошло. Почему? Чтобы однозначно ответить на этот вопрос, надо иметь на руках бланк отправленной из Петербурга телеграммы с точным временем ее отправки, а так же контрольный бланк принятой телеграммы на «Аскольде» с росписью командира об ее прочтении и с проставленным временем ее получения и последующего прочтения. Только тогда мы сможем однозначно заявить, нарушил сознательно приказ министра капитан 1-го ранга Кетлинский или нет.

На мой взгляд, телеграмма из Петрограда была отправлена уже задним числом, т.е. формально как бы еще до начала казни, но уже с таким расчетом, чтобы ее на «Аскольде» не успели ни получить, ни ознакомиться и тем более не успели бы принять соответствующие меры. Это по крайней мере объясняет тот факт, что никаких претензий к Кетлинскому относительно нарушения им распоряжения министра так и не последовало. Думается, что, будучи весьма неглупым человеком, Кетлинский предусмотрительно сохранил при себе бланк полученной телеграммы с пометкой времени ее получения и поэтому впоследствии всегда мог аргументированно доказать, что данная телеграмма была получена им уже после того, как казнь произошла. Этой версии придерживаются и авторы книги «Крейсер «Аскольд» В.Я. Крестьянинов и С.В. Молодцов, утверждающие, что телеграмма пришла в Тулон вообще лишь во второй половине дня, когда приговор уже был приведен в исполнение.

Но почему телеграмма была отправлена с таким опозданием? Как знать, может быть, это было сделано сознательно, чтобы еще больше подставить бывшего флаг-капитана Черноморского флота? Впрочем, все могло быть и куда более прозаично — причиной задержки могли быть элементарная расхлябанность и неисполнительность чиновника, отвечавшего за отправку телеграммы. Ну, зашел в соседний кабинет, ну, поболтал с сослуживцем, ну, попил чайку, потом выкурил сигарету, а в результате смерть четырех человек, которую можно было бы предотвратить.

Необходимо отметить, что и русский военно-морской атташе во Франции был против расстрела. Впрочем, всегда легко выступать против непопулярных мер наказания, когда ты не несешь за это никакой личной ответственности.

Получив запоздалую телеграмму из Морского министерства,

Кетлинскому уже ничего не оставалось, как ответить телеграммой: «Поступлено согласно закону и требованиям обстановки».

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «Помимо всего прочего, проведение крайних репрессий для подавления революционного движения столкнулось с общественным мнением во Франции о поведении русских офицеров. Кетлинский, утвердив приговор о расстреле, попал в неловкое положение с вопросом о том, где и как привести его в исполнение. 13 сентября Кетлинский сообщает морскому министру особо секретно: «Обратился по делу лично к префекту вице-адмиралу Руйсу, прося разрешения привести приговор в исполнение на берегу и распять на рассвете нашей командой четырех осужденных матросов». Префект не разрешил. Он ответил так: «Позвольте мне высказать вам откровенное мое мнение: во всей этой истории вина падает исключительно на офицеров, которые не выполнили своего долга здесь, в Тулоне — я не говорю о прежней их боевой службе, — которые слишком много времени проводили на берегу и веселились, нарочно затягивая ремонт, и не занимались командой. Это всем известно в Тулоне, и потому впечатление от расстрела было бы ужасно. Я — человек суровый, но на удовлетворение вашей просьбы пойти не могу и не разрешу экзекуции ни на берегу, ни в наших водах. Прошу вас передать адмиралу Григоровичу все это, как личное мое мнение — человека, выдавшего все многие месяцы пребывания «Аскольда» в Тулоне».

Встретив такой отказ, Кетлинский и французский префект условились, что 14 сентября жандармы при участии офицера с «Аскольда» возьмут осужденных в морскую тюрьму, где они будут помещены в одиночных казематах с сохранением абсолютной тайны. Команде крейсера решили объявить, что казнь произведена французскими частями, и никто не будет знать об их существовании. Дальнейшая же участь осужденных будет зависеть от сношения правительств. Таким образом, намечалась фиктивная казнь на устрашение команды. Приняв предложение, Кетлинский сделал хороший жест в сторону французского общественного мнения. Однако в дальнейшем он проявил двуличие. В исполнение договоренности с префектом он послал в тюрьму доверенного ревизора Ландсберга со священником Антоновым и караульным начальником. Ландсберг прочел осужденным утверждение приговора, а священник исповедовал, как перед казнью. После этого Антонов с караульным начальником ушли, а Ландсберг с французскими жандармами отвел осужденных в тюрьму. Возвратившись на ожидавший катер, Ландсберг на вопрос священника ответил, что их уже расстреляли французские жандармы.

Через священника и караульного начальника весть о расстреле быстро распространилась среди команды. Таким образом, план фиктивной казни был выполнен. Однако буквально в те же часы Кетлинский информировал морского агента в Париже об отказе префекта в предоставлении возможности выполнить постановление суда.

Морской агент, зная права командира нашего корабля во Франции, обратился за разъяснением к французскому правительству.

На следующий день вице-адмирал Руйс вызвал Кетлинского к себе и показал телеграмму своего министра, который сообщил ему, что правительство предоставило союзным державам полную свободу применения их военных законов.

Префект применил свое запрещение в отношении выполнения приговора. Договорились, что он будет приведен в исполнение 15 сентября. Отец Петр успел поведать многим «по секрету» о расстреле с добавлением для сомневающихся, что сам слышал выстрелы. Он был возмущен тем, что Ландсберг обманул его. Последним ничего не оставалось, как превратить все в шутку над попом, хотя она была неуместна...»

«Революционный мичман» В.Л. Бжезинский прибыл на «Аскольд» только в 1917 году в Мурманске и сам очевидцем событий в Тулоне не был, а свои «воспоминания» о 1916 годе писал исключительно по рассказам других и слухам. Кроме этого, Бжезинский, с самого начала избравший путь не корабельного инженер-механика, а члена всевозможных мурманских ревкомов был в неприязненных отношениях с Кетлинским, который требовал от мичмана исполнения его функциональных обязанностей. В силу этого объективными «воспоминания» Бжезинского считать нельзя. При этом они наглядно демонстрируют ту весьма непростую обстановку, которая царила на «Аскольде» в дни суда и подготовки к казни.

* * *

Сама казнь происходила в форте Мальбуск. Историк О.Ф. Найда пишет о том, что якобы французские власти отказались от исполнения казни, которую им предлагал осуществить Кетлинский. В реальности ничего подобного произойти, разумеется, не могло, т.к. никаких оснований для привлечения французов к казни русских матросов у Кетлинского вообще не имелось. И следствие, и суд, и казнь — все это было сугубо внутренним российским делом, к которому французы не имели ни какого

отношения. Как союзники, они предоставив лишь камеры для содержания приговоренных да охраняемый форт для непосредственного проведения казни-

Для того чтобы у возможных сообщников диверсантов из числа команды и находящихся на берегу не возникло мысли сорвать казнь, взвод назначенных для участия в расстреле матросов был приведен на форт Мальбуск под видом назначения в гарнизонный караул. Еще с вечера 14 сентября команда в количестве 40 человек, отобранная для операции, была изолирована в отдельное помещение и на рассвете 15 сентября отправлена на катере к форту, в котором располагалась тюрьма.

Данный факт после революции в различных исторических трудах, посвященных «Аскольду», обыгрывался как трусость и коварство офицеров крейсера, и прежде всего Кетлинского. Однако следует признать, что в данном случае все было сделано весьма разумно: и возможных инцидентов избежали, и матросов заранее не нервировали.

При свершении казни присутствовали старший офицер крейсера, капитан 2-го ранга Быстроумов, судовой врач, коллежский асессор Анапов, судовой священник Петр Антонов. От французских властей присутствовали комендант Тулонского гарнизона с адъютантом и тюремный врач. Не совсем доверяя русским, французские власти предприняли собственные меры безопасности. В глубине тюремного двора на время казни был размещен взвод французской охраны — аннамитов — с пулеметами.

В 4 часа 45 минут 15 сентября 1916 года конвой французских жандармов доставил четверых осужденных из камер, где они содержались с момента окончания суда, к месту казни. Напротив них была построена расстрельная команда из 40 человек под начальством лейтенанта Корнилова при младшем офицере, инженер-механике мичмане Носкове.

По прибытии на место казни начальник расстрельной команды лейтенант Корнилов обратился к команде со словами: «На нас выпала тяжелая обязанность исполнить приказ командира. Я заверил его, что мы выполним наш долг».

После этого капитан 2-го ранга Быстроумов зачитал приговор. Священник исповедовал приговоренных. Затем осужденным завязали глаза, а самих их привязали к врытым в землю столбам Матрос, привязывавший Бешенцева, по воспоминаниям очевидцев, якобы сильно дрожал. «Чего дрожишь?» — спросил у него Бешенцев. «Жалко», — ответил матрос «Раз пришли расстреливать, то расстреливайте». Старший гальванер Пакушко (дававший показания на осужденных) и еще несколько матросов заявили,

что не могут принимать участие в казни. Лейтенант Корнилов взмахнул саблей. Раздались выстрелы. По некоторым сведениям, стрельба началась еще до команды об этом. Не в силах стрелять, несколько человек упали в обморок, у некоторых началась истерика. Участники расстрела по-разному передавали свои переживания во время казни. Многие, по их словам, целились выше головы, другие считали, что надо укоротить мучения смертников, и стреляли в грудь и в голову. Среди матросов расстрельной команды были головокружения и даже потери сознания. Некоторые, якобы слышали тяжелые вздохи казненных: «Господи, за что, батюшка? Братцы, невинно погибаем».

После исполнения приговора доктор Анапов и французский врач констатировали смерть казненных.

Из доклада об исполнении смертной казни в силу приговора суда Особой комиссии, назначенной приказом командира крейсера «Аскольд» от 10 сентября 1916 года за № 235, утвержденного им приказом от 13 сентября 1916 года за № 241: «...Осужденные с завязанными глазами были привязаны к столбам Приговор непосредственно перед казнью не читался, так как был прочитан осужденным накануне при переводе их из арестного дома в морскую тюрьму лейтенантом Ландсбергом и из-за темноты. Ровно в 5 часов по команде Корнилова был открыт беглый огонь, причем было выпущено 150 пуль. Когда огонь прекратился, взвод немедленно был уведен, судовой же врач по удостоверении смерти осужденных передал тела французскому врачу, расписка которого при сем прилагается».

Морской министр Григорович написал в своих воспоминаниях: «Я был против расстрела (имеется в виду именно расстрел матросов с «Аскольда». — В.Ш.), так как считал основными виновниками случившегося офицеров, и прежде всего старшего офицера». Однако писал свой дневник адмирал Григорович, как это хорошо известно, уже после двух революций, отсюда совершенно понятно, что ничего другого он (прекрасно уже зная обо всей последующей истории со злополучным «тулонским делом») написать просто не мог.

А теперь зададимся вопросом: насколько вообще был применим расстрел по отношению к предателям, которые действовали в интересах неприятеля? Увы, как это ни покажется жестоким, но во время войны расстрелы провинившихся — это обычное дело. Так было и в годы Первой мировой войны, и в годы Великой Отечественной. Практиковались расстрелы и во всех других воюющих государствах, от кайзеровской, а потом и нацистской Германии до «демократических» Англии и США.

Война сама по себе предполагает взаимное истребление людей друг

другом, кто больше и лучше истребляет, тот и победитель. Поэтому и наказание во время войны всегда было адекватным самой войне: за трусость, измену, членовредительство, мародерство и дезертирство было только одно наказание — смерть.

В день казни (15 сентября) сразу 113 матросов с «Аскольда» были отправлены под конвоем французских матросов вначале в Брест, а оттуда на союзных транспортах в Архангельск. Впоследствии было установлено, что при составлении списков высылаемых матросов руководствовались в первую очередь мнением кондукторов и ротного начальства, которые порой сводили и личные счеты с теми или иными матросами. Впрочем, другого варианта в кратчайшие сроки очистить «Аскольд» от корабельного «люмпена» у Кетлинского все равно не было.

Есть сведения, что некоторая часть бывших аскольдовцев к моменту Февральской революции 1917 года сидела в плавучей тюрьме «Волхов» в Кронштадте. При этом на «Волхове» они оказались отнюдь не в связи с их прошлой службой на «Аскольде», а за какие-то свои новые прегрешения. Этот факт еще раз говорит о том, что среди списанных с крейсера матросов было немалое количество разгильдяев и хулиганов.

Разумеется, отправленные в Россию матросы были также раздражены происшедшим с ними. Дело в том, что на кораблях, находившихся в заграничном плавании, денежное содержание не только офицеров, но и матросов было куда выше, чем у служивших на кораблях в отечественных водах. Это позволяло матросам достаточно неплохо обеспечивать свои семьи по оставленным аттестатам. Теперь же все это прекратилось. Поэтому понять недовольство списанных аскольдовцев вполне можно. При этом их злость уже была направлена не только на старого командира, который и довел их до такой напасти, но и против нового, который и казнь утвердил, и их самих на вокзал под конвоем проводил. Именно тогда на Тулонском вокзале и зародились первые ростки будущей матросской ненависти к Кетлинскому, которая впоследствии сыграет столь трагическую роль в его судьбе.

Казалось бы, на этом все должно закончиться: крейсер Божьим промыслом и волею случая спасен от гибели, диверсанты выявлены и получили возмездие. Но на самом деле все главные события вокруг «тулонской истории» были еще впереди. Скорый суд вызвал тихое негодование команды «Аскольда». Если после неудачной диверсии матросы сами активно помогали выявлять «поджигателей», участвовали (пусть и по принуждению) в расстреле приговоренных, то, как только все завершилось, сразу же вспомнили свои старые обиды на офицеров. Казнь матросов

наслоилась на общее брожение умов на фоне общероссийской предреволюционной обстановки и созданной предыдущим командиром корабля негативной атмосферы на корабле. Да, Кетлинскому удалось репрессиями навести уставной порядок и привести корабль в должное состояние. Но на сколько времени хватит этих мер, сказать не мог никто.

Глава десятая.

ТАК КТО ЖЕ ВЗРЫВАЛ «АСКОЛЬД»?

Хотя попытка взрыва крейсера «Аскольд» произошла, как мы уже знаем, до назначения на него Кетлинского, однако в его дальнейшей судьбе это событие имело самое роковое значение, а потому мы попробуем разобраться в том, кто и почему мог готовить взрыв крейсера.

Так что же на самом деле произошло в ночь с 19 на 20 августа в далеком французском порту?

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского «Всестороннее сопоставление всех материалов, известных до сих пор, приводит к выводу, что организация покушения документально не выявлена. Возможны три причины взрыва:

— провокация взрыва для создания дела с целью подавления революционного настроения команды и приведения ее в беспрекословное повиновение;

— диверсия для ослабления вооруженных сил на Севере;

— халатность, приведшая к самовозгоранию заряда. Наиболее обоснованным логикой и обстановкой при знается первый вариант, хотя нет данных, исключающих последующие, в особенности третий».

К версиям мичмана Бжезинского следует добавить и версию, появившуюся после революции — взрыв готовили офицеры корабля как некую провокацию против матросов. Отметим, что матросскую версию о том, что инициаторами подготовки взрыва были офицеры корабля, революционный мичман Бжезинский даже не рассматривает, как заведомо абсурдную. Не согласиться в данном случае с мичманом Бжезинским трудно.

Сразу следует отметить и версию, о самовозгорании снаряда, так как в ходе расследования были найдены реальные доказательства подготовки взрыва

Попробуем разобраться с каждой из версий. Сама вероятность организации заранее спланированной и организованной некими внешними силами диверсии не представляется невозможной. Организация подобных актов на кораблях в годы Первой мировой войны не была таким уж из ряда вон выходящим событием. Многочисленные свидетельства очевидцев говорят о том, что на протяжении всего ремонта в Тулоне вокруг матросов

«Аскольда» постоянно крутились весьма подозрительные личности, обещавшие большие суммы денег за организацию взрыва крейсера. Так, по заявлению комендора матроса П.М. Ляпкина, ему за взрыв корабля предлагали сорок тысяч франков, поэтому комендор твердо считал взрыв делом «немцев, не иначе, как с их науки». Не была на высоте и организация допуска на борт работавших на корабле рабочих французов. Все эти факты нашли отражение в выводах первой следственной комиссии, проведенной в 1916 году в Тулоне.

Из хроники событий: «...Суд и ряд свидетелей считали покушение на взрыв крейсера как акт диверсионный, а не политический, повлекший за собой при настоящем взрыве гибель всей команды, спавшей на корабле. Никаких материалов о революционной деятельности четырех расстрелянных матросов в документальных материалах суда и следствия, а также в секретной переписке по «Аскольду» не обнаружено.

Улики — наличие поддельного ключа к погребу, вывинченные ударные трубки, шнур, свеча, спички и нахождение четырех расстрелянных в наиболее безопасных местах на корабле в бодрствующем состоянии — были против обвиняемых».

Историк Д. Заславский пишет: «...Во время войны не только на кораблях, но и на заводах распространена была боязнь взрывов. Всюду искали и видели германских шпионов, закладывающих бомбы, адские машины, бикфордовы шнуры. Боязнь была преувеличена... но основания для такой боязни были. За время войны были взорваны в разных местах несколько заводов и кораблей. Для германских агентов разлагающаяся, полная недоверия и злобы среда матросов «Аскольда» должна была представлять немалый соблазн. Но и без всяких агентов могла в минуту раздражения сорваться у того или иного матроса шальная фраза о взрыве крейсера».

Вообще германские (или австрийские) диверсанты в Тулоне не бездействовали. И вскоре после взрыва на «Аскольде» на французском крейсере «Кассини», стоящем в том же Тулоне, произошел взрыв в артиллерийском погребе. Шесть человек, выданных самими матросами, были казнены. История, происшедшая на «Кассини», как две капли воды, напоминает события на «Аскольде». Все в этих двух странных историях совпадает вплоть до деталей. Во-первых, тот факт, что взрыв готовился без использования «адских машинок» (т.е. заранее подготовленных мин), а при помощи подручных средств, причем в обоих случаях не слишком профессионально. Во-вторых, тем, что для организации взрыва привлекались члены экипажа, причем в обоих случаях это были именно

матросы-артиллеристы.

В-третьих, в обоих случаях взрывы не удались из-за низкой квалификации подрывников, которые были быстро выявлены и казнены в одном и том же форту. Наконец, не может не настораживать и то, что обе попытки взрыва произошли в одном и том же порту, вдобавок с разницей по времени в какой-то месяц.

Из данной информации можно сделать вывод, что в Тулоне на судоремонтном заводе работала достаточно хорошо организованная диверсионная группа. При этом данная группа имела свой почерк. Ее члены не участвовали непосредственно в подготовке диверсионных актов, чтобы не подвергать себя излишней опасности. Они вербовали неустойчивых морально и жадных до денег матросов со стоящих в ремонте кораблей (преимущественно артиллеристов), наскоро обучали их подготовке простейшего заряда и... ждали результатов.

Не выдерживает критики утверждение некоторых историков, что взрыв на «Аскольде» был подготовлен столь неумело, что был более похож на дешевую инсценировку. Наоборот! Все было, возможно, наоборот гениально просто. Перед нами классический пример того, как при минимуме средств, следует организовывать диверсии. Никаких профессиональных «адских машинок», а только подручный материал. В случае взрыва никаких доказательств никогда не могло быть найдено. Вполне возможно, взрыва на «Аскольде» не произошло по двум причинам. Во-первых, по счастливой случайности не взорвался 75-мм снаряд, которому была уготована роль детонатора. Во-вторых, у организаторов взрыва попросту не выдержали нервы. Они поспешили покинуть место взрыва, не проверив, надежно ли все подготовлено.

Однако на этом сходства данных происшествий заканчиваются. Если в случае с попыткой взрыва на «Аскольде» французское командование не слишком одобрило решение Кетлинского о казни матросов-подрывников, то когда подобное произошло на «Кассини», французские диверсанты были тут же расстреляны без всякого сожаления. Кроме этого, никаких последствий этот расстрел для Франции и французского флота не имел. Если о нем изредка и упоминают французские историки, то исключительно как о мелком досадном эпизоде, не больше. Для российского же флота «тулонское дело» имело весьма драматические последствия.

Вспомним, что именно в том же 1916 году и практически в то же время (2 августа) взорван австрийскими диверсантами итальянский дредноут «Леонардо да Винчи». Но и это еще не все! 20 августа 1916 года была взорван российский дредноут «Императрица Мария». 26 сентября 1916

года в Архангельском порту взорвался груженный взрывчатыми веществами пароход «Барон Дризен». 13 января 1917 года взлетели на воздух груженные боеприпасами пароходы, российский «Семен Челюскин» и английский «Байро-пия», и так далее. Возникает впечатление, что именно в 1916 году, когда стало очевидным, что Германии не удастся выиграть войну, германский Генеральный штаб в отчаянной попытке уйти от поражения хватался за любые средства, чтобы нанести урон противнику: против Англии неограниченная подводная война, против России финансирование революционеров-пораженцев и т.д. Весьма дешевое и эффективное уничтожение боевых кораблей противника в его собственных базах с помощью диверсантов весьма способствовало ослаблению союзных флотов, а следовательно, позволяло оттянуть дату окончательного поражения.

Нельзя исключить, что в случае с «Аскольдом» и «Кассини» германские агенты были весьма стеснены в финансовых средствах. Их денег хватало лишь для вербовки и подкупа нескольких матросов, не больше. Это вполне объяснимо, так как старые крейсера, да еще на второстепенном театре военных действий, для германской агентуры приоритетными не являлись. Однако определенный интерес для немцев они все же представляли.

«Аскольд» был действительно далеко не нов, будучи построен еще до Русско-японской войны. На это обращают внимание ряд историков, придерживающихся точки зрения, что немцам, якобы, вообще ни к чему было взрывать столь старый корабль. Однако не все так просто.

Обратим внимание, что диверсия произошла на корабле вскоре после того, как он был включен в состав флотилии Северного Ледовитого океана. Эта флотилия выполняла важнейшую стратегическую задачу—обеспечивала снабжение русской армии вооружением через Романов-на-Мурмане (ныне Мурманск) и Архангельск. Теперь обратим внимание на два взрыва транспортов в Архангельском порту. Кроме этого, на выходе в Средиземное море из Суэцкого канала от взрыва (вполне возможно, внутреннего) погиб броненосный крейсер «Пересвет», также включенный в состав флотилии Северного Ледовитого океана и торопившийся к месту своей постоянной дислокации в Мурманск.

После гибели «Пересвета» и в случае удачи диверсии на «Аскольде» (обе эти диверсии, возможно, были звеньями единого плана) флотилия Северного Ледовитого океана оставалась с одним старым-престарым броненосцем «Полтава», который никакой боевой ценности уже не представлял, и со старым неисправным крейсером «Варяг». В этом случае

боевые возможности флотилии оказывались минимальными. При этом никакой реальной возможности пополнить боевой состав крупных кораблей на Северном театре военных действий у России больше не было.

Заметим, кроме этого, что взрыв боевого корабля — не столь уж простое дело, а потому германским агентам выбирать особо не приходилось. На войне, как на войне! Если есть возможность нанести противнику хоть малейший урон, надо его наносить! Если есть возможность взорвать какой-нибудь корабль, необходимо его взрывать! Конечно, в первую очередь немцы, как и их союзники — австрийцы, стремились взрывать новейшие дредноуты, но когда таковых под рукой не оказывалось, они, разумеется, не брезговали и старыми крейсерами.

* * *

Теперь рассмотрим следующую версию — взрыв на «Аскольде» готовили представители «пораженческих» революционных партий. Для начала вспомним, что в годы Первой мировой войны большинство социалистических и просто революционных партий Европы и России полностью поддерживали свои правительства в войне. Чуть ли не единственное исключение представляли собой российские партии большевиков и левых эсеров, прозванных пораженцами. Логика пораженцев была проста: поражение России в войне вызовет революционную ситуацию, которая приведет к свержению царизма и установлению республики, вначале буржуазной, а потом и социалистической. Выполняя эту программу, большевики и левые эсеры вели активную антивоенную пропаганду, а потому особенно преследовались властями.

Помимо германских диверсантов, как мы знаем, в Тулоне было полным-полно революционеров всех мастей. Несомненно, были там и представители пораженческих партий. Недовольство матросами порядками, установленными командиром корабля Ивановым-Тринадцатым на борту, привело к тому, что они почти открыто стали угрожать офицерам расправой. Последние особого внимания на такие случаи не обращали, считая это пьяным бахвальством.

И зря! Как известно, человек в порыве ненависти готов порой к самым крайним мерам.

Любопытно, что в декабре 1948 года в Центральный военно-морской архив ВМФ неожиданно пришло письмо от жителя Пятигорска П.М.

Ляпкова. Это был тот самый Ляпков, который в свое время давал показания на следствии в Тулоне в 1916 году и которому германские агенты якобы предлагали 40 тысяч франков за взрыв крейсера. В своем письме бывший аскольдовец обращался с просьбой дать ему справку о прохождении службы на флоте. Помимо просьбы, в своем письме он написал следующее: «Во Франции, в Тулоне, мы пробыли 11 месяцев... сделали восстание на крейсере «Аскольд». Нас изловили 8 человек». О своей версии 1916 года он на этот раз не проронил ни единого слова: ни о германских агентах, ни о 40 тысячах. Начальник архива немедленно отправил в Пятигорск письмо с просьбой более подробно изложить тулонские события. Ляпков на просьбу откликнулся. Во втором письме он написал следующее: «Начальство (в Тулоне) вело разгульную жизнь на глазах команды. Не найдя виновников в хищении (трех) винтовок, начальство еще хуже стало обращаться с командой, били по щекам, арестовывали. И в одну из попоек офицерства комендор Бирюков решил взорвать пороховой погреб близ офицерской кают-компании, но это ему не удалось. Он взорвал один патрон 75-мм, а пороховой погреб остался невредим. Этот (Бирюков) был мой друг и я об этом (готовящемся взрыве) знал...» Вот так!

Разумеется, показания Ляпкова 1948 года полностью противоречат его же показаниям 1916 года. Но почему? Возможно, старый аскольдовец вполне сознательно решил героизировать свою флотскую молодость. Не секрет, что к старым революционерам относились при советской власти особо внимательно, это обеспечивало и повышенную пенсию, и многие другие льготы (санатории, продпайки и т.д.). Это особенно было важно в голодном послевоенном 1948 году. Однако не исключено, что Ляпков, который сам в 1916 году избежал расстрела, писал чистосердечную правду. Он был участником безрассудно безжалостного заговора, в случае успеха которого должна была погибнуть большая часть команды во имя сведения личных счетов.

Старший офицер крейсера, капитан 2-го ранга Быстроумов считал, что взрыв на «Аскольде» — результат деятельности партии «пораженцев». В подтверждение он ссылаясь на письмо Ждан-Пушкина (лейтенанта французской армии и поручика запаса русской армии) командиру крейсера Иванову и лейтенанту Смирнову. В письме тот сообщал, что в Париже некие патриотично настроенные революционеры протестовали против пропаганды «пораженцев» среди матросов «Аскольда».

В апреле 1917 года, когда крейсер стоял в Англии, гардемарин Ф.В. Эрике при встрече с капитаном 2-го ранга Быстроумовым упомянул, что социалист И.М. Майский (политэмигрант, а затем советский посол в

Англии, академик), приехавший на «Аскольд» в апреле и читавший лекции, определенно говорил, что взрыв на «Аскольде» в 1916 году — это результат ленинской пропаганды. Может, все обстояло именно так, а может, хитрый Майский просто решил занести в заслугу своей партии весьма выгодный с точки зрения революционной пропаганды «тулонский инцидент».

Разумеется, и большевики, и левые эсеры могли организовать взрыв «Аскольда». Но, спрашивается, зачем? Никакого влияния на нагнетание революционной обстановки в России взрыв крейсера в далеком Тулоне не имел бы, как не имели таинственный взрыв крейсера «Пересвет» в Средиземном море и бездарная гибель крейсера «Жемчуг» в далеком, никому не ведомом Пенанге. Другое дело, если бы крейсер был взорван в России, в крупном порту, на виду тысяч соотечественников. Взрывать просто так, чтобы «потренироваться» и набербовать несколько десятков революционно настроенных матросов... Но революционные матросы без корабля в 1916 году никому не были нужны, так же как никому не были нужны в 1905 году не менее революционные потемкинцы после сдачи своего броненосца властям Румынии.

Можно осторожно предположить, что могло иметь место некое «диверсионное содружество» германских агентов и революционеров-пораженцев. Это вполне возможно, так как именно в это время уже шли интенсивные переговоры Ленина и Парвуса о финансировании деятельности пораженческих партий по подготовке революционных выступлений в российской армии и на флоте. С этой точки зрения «Аскольд» представлял, разумеется, не лучший вариант. Но, организовав на нем успешную диверсию, пораженцы могли этим наглядно продемонстрировать германской разведке свои возможности и добиться увеличения собственного финансирования. Ленин, как известно, был большим мастером компромиссов. Однако ни малейших доказательств нашим домыслам нет, а потому все это лишь «замки, возведенные на песке».

Поэтому данную версию, видимо, следует охарактеризовать так; вполне возможно, но не слишком вероятно.

Несколько более вероятно может выглядеть предположение, что взрыв пыталась организовать группа анархистствующих матросов из хулиганских побуждений. Именно так порой совершенно беспричинно будут убивать своих офицеров матросы на Балтике в феврале 1917 года. Обиженные на офицеров матросы вполне могли попытаться отомстить им именно таким, изуверским способом. Это вполне соотносится с письмами Ляпкина,

который, несмотря на революционную риторику, признает, что его друг Бирюков просто решил отомстить обидевшим его офицерам, но это у него не получилось.

Раздражение матросов вызывали немецкие фамилии офицеров корабля — Петерсена, Ландсберга, Ланга. Их считали германофилами и чуть ли не немецкими шпионами. Лейтенант Ланг, к примеру, прибыл на «Аскольд» уже после расстрела. Тем не менее, уже через несколько месяцев (сразу после Февральской революции) команда потребовала его списания с корабля в числе других офицеров.

* * *

Из всех российских революционных партий в годы Первой мировой войны самую бескомпромиссную и последовательную пораженческую позицию занимали большевики, считая, что чем хуже дела России на фронте, чем больше поражений и погибших, тем объективнее лучше для дела революции.

Не вызывает сомнений, что в период пребывания «Аскольда» в портах Италии, Франции матросы крейсера имели возможность получать нелегальную антивоенную литературу, встречаться с революционными агитаторами, а постоянное общение с французскими рабочими, ремонтировавшими корабль в Тулоне, и встречи с русскими солдатами, воевавшими во Франции и через Тулон возвращавшимися в Россию ранеными, усиливали антивоенное настроение. Большевистская пропаганда против войны всегда находила внимательных слушателей, а провокаторы усиленно следили за настроением матросов в иностранных портах сегодня историками известны имена наиболее революционно настроенных матросов «Аскольда». Это прежде всего анархист унтер-офицер Степан Самохин. Он в свое время уже участвовал в мятежах на Балтике в 1905 году, был осужден на каторгу, которую отбывал на Нерченских рудниках. С началом войны Самохин был снова призван на флот из запаса и служил во Владивостокском флотском полуэкипаже. Служил Самохин, несмотря на свою принадлежность к анархизму, весьма неплохо, почему и был затем переведен на «Аскольд». Командование корабля, разумеется, прекрасно знало о «боевом» прошлом Самохина и держало его в поле зрения, однако тот по-прежнему служил без всяких замечаний, пользуясь заслуженным авторитетом как среди офицеров, так и среди команды.

Близкими к социал-демократическим кругам были бывший матрос с крейсера «Россия» Семен Сидоров, где он вместе с Т.И. Ульяновым так же участвовал в подпольной революционной работе, П.Ф. Пакушко—бывший электрик с крейсера «Жемчуг» (дававший показания на осужденных), машинист Д.Ф. Мальцев, электрик М.И. Седнев и унтер-офицер В.М. Титов. При этом ни один из них не был прямо причастен к попытке взрыва крейсера

Отдельно в этом ряду стоит фигура машиниста 1-й статьи Павла Князева, который, как мы знаем, был каким-то образом замешан в «тулонском деле». Вспомним еще раз воспоминания Кетлинского о весьма красноречивой встрече приговоренных к казни с Княжевым, когда осужденные сами попросили об этой встрече, во время которой умоляли Князева в чем-то признаться, но тот это сделать категорически отказался.

При этом П. Княжев в исторических трудах о революционном движении на «Аскольде» традиционно считается одним из в первых большевиков крейсера, причем человеком, имевшим весьма тесные связи с большевистской эмиграцией еще до революции. Здесь нелишне вспомнить, что именно большевистское крыло РСДРП в годы Первой мировой войны являлось наиболее яростной и последовательной пораженческой партией. По логике вещей, даже не сам подрыв, а сам факт его инсценировки был (как показало время) весьма выгоден большевикам. Как мы уже знаем, попытка подрыва вызвала ответные репрессии в адрес матросов. Следствием этого стала быстрая революционизация команды со всеми вытекающими отсюда последствиями. Забегая вперед, скажем, что именно взвинченная после «тулонского дела» аскольдовская команда стала впоследствии главной движущей революционной силой на всем Русском Севере. Так что с точки зрения подготовки будущей социальной революции «Аскольд» был весьма важен не только для германской агентуры, но и для пораженческих партий (помимо большевиков, к таковым относились и анархисты). Если искать виновных по принципу «кому это было выгодно», то большевики с анархистами имели заинтересованность если даже не к взрыву «Аскольда», а к его имитации, нисколько не меньше, чем германская или австрийская агентура

Бывший аскольдовец С Сидоров в своей книге «Не хотим быть битыми» (Профиздат, М., 1932 г.) написал следующее: «Бирукова (так в книге. — В.Ш.), Бешенцева, Шестакова, фамилию четвертого я позабыл, и несколько активнейших членов нашего кружка, очевидно, выдала «шкура».

Фраза весьма любопытная. Если некая «шкура» выдала, значит было, что «выдавать», т.е. люди, переданные в руки правосудия были реально

виновны в организации диверсии. Заметим, что С. Сидоров в феврале 1917 года, как и матрос Князев, записался в партию большевиков. При этом в своих мемуарах С. Сидоров более тему своей осведомленности об организации диверсии и ее участниках больше не развивает, ограничившись лишь данным намеком.

И все же никаких реальных доказательств того, что какая-либо из пораженческих революционных партий имела отношение к организации и подготовке взрыва, у нас нет.

Поэтому наряду с данной версией вполне может иметь место и версия о попытке мести со стороны одного или нескольких матросов, сводящих свои личные счеты с начальством.

Это косвенно подтверждает и проведенное расследование дочерью К.Ф. Кетлинского писательницей Верой Кетлинской. Из документов В. Кетлинской (материалы, суммированные в специальной разработке ЦГА ВМФ, были завизированы ленинградским истпартом): «...Анализ всех следственных материалов 1916—1917 гг. показал, что никаких обвинений в организации революционного восстания или заговора никому из обвиняемых не предъявлялось. В свидетельских показаниях и приговоре суда ничего о революционном заговоре не записано. Наоборот, суд и ряд свидетелей считали покушение на взрыв крейсера актом диверсионным, а не политическим, могущим повлечь за собой, при настоящем взрыве, гибель всей команды. Никаких материалов о революционной деятельности 4 расстрелянных матросов в документальных материалах суда и следствия, а также в секретной переписке по «Аскольду» не обнаружено».

Впрочем, и архивная справка В. Кетлинской тоже не бесспорна...

* * *

Существует еще одна версия — взрыв (а точнее, инсценировку взрыва) якобы организовали офицеры корабля. Суть данной версии такова: боясь связей матросов с русскими политическими эмигрантами и роста революционных настроений, офицеры стали следить за командой, вербуя осведомителей из кондукторов и штрафованных. Чтобы найти повод для расправы над матросами, в ход были якобы пущены провокации. По указанию старшего офицера, капитана 2-го ранга Быстроумова кондуктор И.И. Борисов тайно вынес и спрятал на берегу две винтовки. В пропаже обвинили команду. Но вскоре винтовки нашлись, и провокация провалилась. Тогда Быстроумов и кондуктор Мухин подготовили и с

помощью провокатора устроили взрыв унитарного патрона в артиллерийском погребе. Некоторые члены кают-компании знали о взрыве и с ясным удовлетворением встретили известие о нем. Во время следствия офицеры, угрожая оружием, вымогали нужные показания. Одним из оснований для обвинения стали показания матроса-доносчика Пивинского. Никаких серьезных улик против обвиняемых не было. Расстрел четырех невинно осужденных матросов — кровавое преступление реакционного офицерства против революционных моряков.

Эта точка зрения на события в Тулоне была принята советской историографией как единственно возможная и повторялась из публикации в публикацию, вплоть до недавнего времени. При этом авторы использовали только те факты, которые подтверждали версию с офицерами-провокаторами, отбрасывая все, что в нее не укладывалось.

Неизвестно кто первым запустил слух, что попытку взрыва инициировали ненавистные офицеры, чтобы расправиться с командой. И скрыть некие аферы, окружавшие ремонт крейсера. Но все это будет оглашено только после революции. Осенью 1916 года все сидели, держа язык за зубами. К тому же Кетлинский, приняв дела на заканчивающем ремонт крейсере, не обнаружил ни незаконного расхода финансов, ни плохого качества ремонта, ни каких-либо иных афер. Все было в пределах нормы. Это значит, что даже с этой точки зрения офицерам не было никакого повода имитировать подготовку к взрыву корабля.

В работе историка С.Ф. Найды «Революционное движение в царском флоте» бездоказательно утверждается, что главным организатором провокаций на «Аскольде» был инженер-механик Петерсен, а его сообщниками — лейтенант Ландсберг и старший офицер Быстроумов. «Это были как раз те офицеры, которые прославились своей жестокостью и которых не любили не только нижние чины, но даже в офицерской среде». В статье «Из истории революционного движения на крейсере «Аскольд» говорится, что непосредственными организаторами провокационного взрыва стали старший офицер Быстроумов, инженер-механик Петерсен и кондуктор Мухин. Увы, никаких доказательств этого приведено не было.

Ряд историков, и в том числе профессор Тарасов, в свое время обращал внимание на тот факт, что взрыв был организован настолько неумело или, наоборот, умело, что никакого взрыва произойти просто-напросто не могло. Помимо этого, префект Тулона вице-адмирал Руйс в беседе с вновь назначенным командиром «Аскольда» капитаном 1-го ранга Кетлинским однозначно заявил следующее: «...Позвольте высказать вам откровенно свое мнение: во всей этой истории вина падает исключительно на

офицеров!» Раньше эту фразу тоже комментировали как косвенное подтверждение причастности офицеров к взрыву. Однако такое утверждение, прямо скажем, натянуто. Кетлинскому вице-адмирал Руйс говорил вовсе не о том, что офицеры сами собирались взорвать собственный корабль, а о том, что к данному происшествию привела низкая организация порядка на корабле, за которую ответственны именно офицеры.

В.Я. Крестьянинов и С.В. Молодцов в книге «Крейсер «Аскольд» пишут: «Суть этих (матросских. — *В.Ш.*) обвинений заключалась в следующем офицеры крейсера умышленно затягивали ремонт, используя стоянку в Тулоне для отдыха и развлечений. После ремонта должного улучшения ни в одном механизме не наблюдалось, «и крейсер был умышленно выведен из строя». Обвинения достаточно странные. Можно подумать, все матросы, как один, рвались в бой и проклинали своих офицеров за трусость. События 1917 года в Моонзунде показали, к сожалению, обратное. Именно офицеры вели за собой колеблющихся матросов в бой своим примером, вдохновляя оробевших и уговаривая сомневающихся. Неужели на «Аскольде» собрали со всего флота худших из них? Наоборот! Крейсер «Аскольд» представлял российский флот, сражаясь вместе с союзниками, и руководство Морского министерства России стремилось укомплектовать его лучшими представителями морского офицерского корпуса.

В 1917 году переведенные на Балтийский флот матросы «Аскольда» в своем коллективном письме с требованием расследования тулонских событий прямо утверждали, что попытка взрыва была инсценирована реакционными офицерами с целью, найти повод для расправы над матросами. В письме приводились и косвенные аргументы. Так, например, незадолго до взрыва в погреб якобы спускался старший офицер корабля с лично преданным ему унтер-офицером, причем именно они оба после взрыва первыми и оказались у погреба. При этом старший офицер даже не объявил пожарной тревоги, чтобы спасти спящую команду. Здесь тоже не все так просто. То, что старший офицер, капитан 2-го ранга Быстроумов осматривал в ремонте артиллерийский погреб с заведующим этим погребом унтер-офицером — это его прямая обязанность. Старший офицер в российском флоте, согласно корабельного устава, вообще был обязан ежедневно обходить все основные помещения корабля. Артиллерийский погреб, разумеется, обязательно в перечень этих помещений входит. То, что старший офицер прибежал в числе первых, так потому, что его первым и разбудили. Вполне естественно, что с ним прибежал и заведующий

носовым артпогребом унтер-офицер. Почему Быстроумов не объявил аварийной тревоги? Тут тоже есть объяснение. Старший офицер, оценив обстановку и лично спустившись в задымленный погреб (откуда его, почти задохнувшегося от дыма, вытащили наверх), принял решение не будоражить и так издерганную команду, разобраться со всем самому, а остальное оставить на утро.

Как считают приверженцы данной версии, несколько подозрительно велось и само расследование (самое первое). Срочно было схвачены восемь человек, имевших хоть какое-то отношение к погребам. Четверых из них вскоре отпустили, а остальных изолировали от команды. Одновременно на корабле были арестованы и списаны в штрафные части более сотни матросов, то есть почти каждый пятый, якобы так или иначе причастных к преступлению. Разумеется, что сотня матросов, готовящая взрыв самих себя, — это полнейший абсурд.

Ко времени попытки взрыва определенная часть команды уже имела достаточно тесные связи с революционерами различного пошиба. Из Парижа в Тулон специально для встречи с аскольдовцами наведывалась известная эсерка Кресовская, не только знакомившая матросов с последними политическими новостями, но и проводившая определенную организационную работу по созданию эсеровской ячейки на крейсере. О встречах матросов с Крестовской командование корабля было кое-что известно от осведомителей. Командир принимал определенные меры для изоляции команды. Однако полностью помешать общению с эсеркой-эмигранткой он так и не смог. Есть мнение, что, помня урок «Потемкина» капитан 1-го ранга Иванов мог решиться на столь крайнюю меру, как инсценировка взрыва своего корабля. Это якобы стало известно морскому министру, потому что вскоре Иванов был заменен на Кетлинского. Однако все эти домыслы не имеют никаких документальных подтверждений.

Помимо конфирмации приговора, Кетлинский поспешил списать с крейсера и тех офицеров, которые, по его мнению, были каким-то образом причастны к событиям, связанным с подготовкой взрыва

По версии историка В. Тарасова, взрыв вообще был устроен некими безымянными «агентами царской охраны»: «Взрыв, как и было рассчитано, вреда кораблю никакого не причинил, зато создал необходимую атмосферу для арестов многих матросов, подозреваемых в связи с революционерами. Были арестованы около 150 матросов...»

Вот не было у охраны больше забот в 1916 году, чем организовывать взрывы на собственных кораблях для того, чтобы отправить полторы сотни матросов из Франции в Россию, когда это можно было легко сделать и без

всякой инсценировки. Но В. Тарасов, бывший матрос-балтиец времен Гражданской войны, зорко охранял версию спровоцированных репрессий на матросов-революционеров. К тому же и свои научные труды он издавал в 30—40-е годы, когда иной версии «тулонского дела» власти просто бы не поняли.

Аскольдовец С. Сидоров считал, что «бунтом офицеры хотели оправдать затянувшейся на 11 месяцев ремонт». При этом, разумеется, никаких доказательств не приводит. Такое утверждение весьма неправдоподобно. Для чего офицерам крейсера было оправдываться в том, в чем они были совершенно не виноваты? Начнем с того, что никаких претензий к командиру по поводу времени ремонта в Морском министерстве не было. Там прекрасно понимали (и это докладывал военноморской атташе), что задержка с ремонтом вызвана исключительно тем, что французы ремонтировали в первую очередь свои корабли, а «Аскольд» ремонтировался по «остаточному принципу». Во-вторых, если кого следовало винить в многомесячном ремонте, так это только атташе и представителей министерства, не согласовавших с французской стороной вопрос ремонта «Аскольда» заранее.

Историк О.Ф. Найда пишет: «В ночь с 20 на 21 августа разразились новые события; был произведен провокационный взрыв в пороховом погребе. В донесении о происшествии командир крейсера писал морскому министру. «Сегодня в 2 часа ночи взорвался 75-миллиметровый патрон в погребе под офицерским помещением Несчастья с людьми и повреждений нет. Имеются ясные признаки злого умысла». 10 сентября последовало новое донесение: «Следствие по делу о взрыве закончено. Выяснено, что во время взрыва офицеры, кроме трех, и вся команда были на корабле и спали на своих местах, не исключая и места, где был взрыв...»

Это донесение, как и акт дознания, считает Найда, свидетельствовало, что взрыв был провокационный, причем он был так организован, чтобы не взорвать корабль, имевший полный комплект боезапаса.

До сих пор так и осталось невыясненным, кто был исполнителем этой провокации. В список офицеров-провокаторов были необоснованно включены инженер-механик Петерсон, лейтенант Ландсберг и старший офицер Быстроумов. По мнению Тарасова и Найды, это были как раз те офицеры, которые прославились своей жестокостью и которых не любили не только «нижние чины», но даже в офицерской среде.

Уж не знаю, по каким источникам эти историки знали такие тонкости, кто с кем из офицеров «Аскольда» водит компанию. Для этого надо было как минимум иметь свидетельства двух-трех офицеров крейсера. Кроме

этого, тяжелый характер человека — еще не факт, что он одновременно отъявленный вражеский диверсант.

Относительно затягивания ремонта корабля офицерами для того, чтобы якобы веселиться во французских кафешантанах, никаких доказательств, разумеется, не имеется. Утверждение этого рядом советских историков 30—40-х годов абсолютно голословны. Российские офицеры флота были преданы своему делу и в своем подавляющем большинстве людьми чести и долга. Уж кто-кто, но они на такую подлость по отношению к своим сражающимся товарищам и к своему Отечеству в целом просто бы не пошли. Порукой тому боевая биография командира «Аскольда» капитана 1-го ранга и Георгиевского кавалера Иванова. Не мог такой заслуженный офицер, как капитан 1-го ранга Иванов, во время войны саботировать приказы командования и уклоняться от участия в войне. За всю историю российского флота ни одного такого случая не было вообще никогда!

Огульное обвинение офицеров крейсера в затягивании ремонта могло выдвигаться людьми либо совершенно не знающими обстоятельств ремонта, либо ослепленными классово-вражеской ненавистью. Договорились до того, что объявили ремонт «преступным актом», в результате которого «судно было умышленно выведено из строя». Офицерам поставили в вину, что «многие части, изготовленные заводом, принимались в гораздо худшем виде, чем они были раньше. Например, рамовые подшипники были поставлены с оставшимся металлом. В холодильниках была заменена лишь малая часть трубок и то своими средствами». Как же в действительности обстояло дело? Вообще причин задержки ремонта было много. О некоторых из них говорилось выше. Основной же причиной стали рамовые подшипники главных машин. Специалисты завода не смогли справиться с заливкой подшипников. Перезаливку выполнили на заводе в Марселе, и опять с дефектами. Срок службы трубок в котлах и холодильниках кончился в начале 1916 года. Но французские заводы не принимали заказа на изготовление новых трубок. Поэтому французская наблюдающая комиссия решила провести частичную замену, используя имеющийся на крейсере запас. Интересно, что во Владивостоке осталось большое количество новых трубок для «Аскольда». Но в Петрограде почему-то решили выслать их на Балтику, в порт Петра Великого. По окончании работ холодильники выдержали испытание, и это давало надежду, что трубки прослужат еще некоторое время, до получения новых. Поэтому вскоре, когда холодильники потекли, в этом обвинили офицеров.

В числе других причин задержки ремонта, кроме нехватки рабочей

силы, следует назвать: отсутствие на рынке свободных металлов и материалов, на получение которых требовалось разрешение; загруженность транспорта воинскими перевозками; невозможность сразу определить срок выполнения главной работы — ремонта машин; трудность замены деталей механизмов крейсера, построенного в Германии (другие размеры, технология). Так, при замене линолеума на палубах оказалось, что во Франции его не выпускают нужной ширины. Пришлось бы переставлять медные планки, крепящие линолеум, сверлить новые отверстия в верхней и броневой палубах и заделывать старые. После долгих поисков нашли завод, взявшийся за поставку. Но линолеум стал приходить в негодность еще до выхода крейсера из Тулона, и опять были виноваты офицеры. Интересно, что французы меняли линолеум на палубах три месяца. Впоследствии англичане ту же работу сделали за две недели при меньшем числе рабочих.

Не слишком симпатичным представляется на первый взгляд старший инженер-механик крейсера Петерсен. В.Я. Крестьянинов и С.В. Молодцов в книге «Крейсер «Аскольд» писали: «С момента ухода «Аскольда» из Владивостока механизмы ни разу не подвели крейсер. В значительной мере это стало возможным благодаря стараниям старшего инженера-механика крейсера Петерсена. Да и полная разборка и ремонт главных и вспомогательных механизмов в Тулоне вряд ли были бы возможны без его участия. Аккуратный и пунктуальный Петерсен, когда командир поручил провести ему следствие по делу о приобретении и хранении нелегальной литературы и оружия, энергично занялся розыском. Естественно, что его отношения с командой, бывшие до этого нормальными, резко ухудшились. Приехавший на крейсер Кетлинский обратил внимание на ненормальную роль Петерсена, ставшего «каким-то штатным расследователем крамолы». Петерсен сообщил, что ни французская, ни русская полиция ничего не делают, и если прекратить свой розыск, то крейсер будет взорван. На вопрос капитана 1-го ранга Кетлинского: «Что, разве дело не кончилось?» — инженер-механик ответил; «Это не кончится, пока наше правительство ведет свою сумасшедшую политику».

Отметим, что механиком Петерсен был отличным — это бесспорно. То, что он с энтузиазмом взялся за наведение порядка на корабле, тоже не представляет ничего особенного. Разве это ненормально, когда офицер всеми возможными силами старается разобраться в причинах волнений в команде и проявляет при этом завидную инициативу? По крайней мере это намного лучше, если бы офицер, забросив свои дела, коротал время во французских кафешантанах. Кроме этого, как механик, Петерсен лучше всех других офицеров корабля представлял, насколько был уязвим

ремонтировавшийся «Аскольд» с разобранными системами пожаротушения, ремонтирующимися насосами и другими механизмами. Вполне возможно, что именно по этой причине он столь рьяно и взялся за предотвращение возможной трагедии.

Как кадровый офицер ВМФ, прослуживший на флоте более тридцати лет, отмечу, что всегда на каждом корабле имеется свой внештатный дознаватель, который осуществляет расследование различных происшествий. Вполне логично, что эту функцию взял на себя инженер-механик крейсера, ведь, помимо всего, в его подчинении была большая часть команды (машинисты, электрики, кочегары), которых он знал намного лучше других строевых офицеров.

Не совсем понятна произошедшая незадолго перед выходом «Аскольда» из Тулона история с мичманом Гуниным. Как-то, будучи вахтенным начальником, Гунин разрешил отлучиться со своего поста вахтенному матросу Брезкалину. При проверке командиром Кетлинским оказалось, что на своих местах не было ни Брезкалина, ни Гунина. Командир потребовал объяснений от мичмана и тот подал рапорт на Брезкалина. Кетлинский возмутился таким поступком офицера и наказал его арестом на 5 суток. После Февральской революции все были удивлены, когда команда не потребовала списания мичмана Гунина. Гунин громко заявил среди матросов, что, конечно, он оказался виноватым, раз Брезкалин шпион старшего офицера. Честный Брезкалин попал в шпионы, а Гунин — в герои среди матросов. Это, в общем-то, мелкое событие было первым эхом расстрельного дела. Через некоторое время последовали дела и куда более серьезные.

При изучении материалов следствия версия об офицерском заговоре не выдерживает серьезной критики. Во-первых, хочется обратить внимание на то что в соответствии с организацией службы на кораблях русского (и вообще любого военного флота) старший офицер без ведома и санкции командира ничего подобного произвести не мог, да еще в условиях военного времени. Даже в случае благополучного исхода «провокации» ни один уважающий себя командир не счел бы возможным продолжение службы с такими подчиненными, которые могут себе позволить такое самоуправство. Могла ли «провокация» готовиться под руководством и с ведома капитана 1-го ранга С.А. Иванова? Он — командир крейсера, заслужившего в боях и походах прекрасную репутацию, о нем пишут газеты и журналы мира. Взрыв на крейсере — происшествие чрезвычайное, свидетельствует о низкой организации службы, наносит ущерб престижу корабля, офицеров, а в первую очередь командира и

старшего офицера, отвечающих за порядок на корабле. Кроме этого, такое происшествие значительно уронило бы престиж российских моряков в глазах союзников, а к данному вопросу на этот момент относились очень щепетильно. А если бы при организации инсценировки что-то бы пошло не так и на «Аскольде» действительно бы прозвучал взрыв? Мог ли позволить уважающий себя командир (да и остальные офицеры) рисковать боевой единицей в годы войны, когда нашему флоту и так катастрофически не хватало кораблей?

Ради чего командование крейсера могло пойти на риск взрыва в погребе под своими собственными каютами? По версии «провокационного взрыва», это сделано для того, чтобы получить повод для расправы над революционно настроенными матросами. Но гораздо более логичным было бы для этого после сообщений Рябополова и Виндинг-Гарина обратиться по команде и списать подозреваемых неблагонадежных матросов без ущерба для карьеры самого командира. Это можно было сделать без огласки под предлогом предоставления отдыха. Фискальство и провокации еще со времен обучения в Морском корпусе считались нетерпимыми среди офицеров флота.

По мнению нового командира крейсера, некоторых офицеров можно было смело назвать выдающимися как по знаниям, так и по нравственным качествам Старшего офицера крейсера, капитана 2-го ранга Быстроумова — штурмана, артиллерист Кетлинский считал прекрасным морским офицером, человеком с высоким чувством долга, всегда говорящим правду, хотя бы и во вред себе. Требовательный к себе и другим, Быстроумов, однако, имел довольно тяжелый характер, не признавал чужого мнения, никогда никого не хвалил, даже когда человек этого и заслуживал. Служить с ним было тяжело не только матросам, но и офицерам. При этом, приступив к исполнению обязанностей старшего офицера в середине июня 1916 года, Быстроумов прилагал все силы для ускорения ремонта, старался личным примером подавать пример экипажу. Он всегда приходил раньше всех к месту развода на работы и уходил с места работ, когда матросы уже мылись. Обвинять его в затягивании ремонта было просто несправедливо.

Несмотря на то что связь многих матросов с революционерами была доказана, капитан 2-го ранга Быстроумов все же увеличил отпуска на берег, так как считал, что раз офицеры находились в дружеских отношениях с русскими эмигрантами, то нельзя и команду наказывать за такие знакомства. В соответствии с уставом и принятым в 1911—1912 годах на Балтийском флоте порядком он разделил команду по поведению на четыре разряда. Первый разряд пользовался наибольшими льготами: мог ходить

ежедневно после работы на берег. Почти такие же права были и у второго разряда. Третий и четвертый разряды пользовались только отпусками, как ими пользовалась вся команда до введения разрядов. После этого нововведения команда заметно стала лучше работать. Процент матросов, повышенных в разрядах по поведению, был намного больше, чем пониженных.

Кроме этого, известно, что ни капитан 2-го ранга Быстроумов, ни приехавшая к нему жена, не говорили по-французски. Поэтому они тяготились пребыванием в Тулоне и мечтали о Севере, куда госпожа Быстроумова собиралась отправиться вслед за своим мужем. Так что никаких личных мотивов у старшего офицера для того, чтобы задерживаться в Тулоне, так же не имелось.

Что касается обвинения капитана 2-го ранга Быстроумова в организации на крейсере взрыва, то, не говоря уже о моральной стороне дела, сама версия провокационного взрыва кажется смехотворной. Достаточно представить, что взрыв патрона произошел в артиллерийском погребе, начиненном боевыми припасами, чтобы понять абсурдность этого обвинения. При этом, как известно, «организаторы взрыва» находились в своих каютах как раз над артиллерийским погребом. На крейсере находился полный боезапас, и можно было выбрать любой другой нагреб или по крайней мере уйти с корабля. Даже при самом точном расчете могли произойти любые случайности. В самом деле осколки разорвавшегося патрона могли вызвать воспламенение других патронов. В беседах были повреждены 9 патронов, причем один так сильно, что из него торчал порох. Кто мог дать гарантию, что удастся справиться с пожаром в погребе? Ведь кингстон затопления погреба оказался засоренным и вода практически не поступала. После этого случая крейсер поставили в док и прочистили все кингстоны.

Привлеченный в качестве эксперта по делу о взрыве старший минный офицер крейсера лейтенант Маслов пояснил, что вылетевший из патрона снаряд взорваться не мог, так как для его взрыва требовались два удара большой силы. Детонации других снарядов и патронов также произойти не могло: ни тол, ни русский бездымный порох не детонировали сами собой, а требовали специальных детонаторов. А вот в результате пожара, по мнению Маслова, погреб мог вполне взорваться.

Подводя итог третьей версии, напрашивается вывод, что она самая маловероятная и даже где-то абсурдная. В свое время эта версия была «запущена» в исторический оборот лишь с одной целью — облагородить беспорядки на «Аскольде», придать им характер справедливого

возмущения хороших матросов плохими офицерами, повесить революционность матросов и выставить казненных диверсантов невинными жертвами некой офицерской провокации.

Дочь К.Ф. Кетлинского Вера Кетлинская впоследствии писала: «Трагичность ситуации на «Аскольде» была в другом: чем бы ни вызывалась попытка взрыва, это событие наслось на общее возбуждение матросов, выступило на фоне общероссийской предреволюционной обстановки и специфической, созданной неумным и разложившимся командованием корабля атмосферой подозрительности, ненависти, провокаций и сыска, столь накалившейся, что Иванов 6-й немедленно использовал случившееся для новой репрессии — списания с крейсера всех носителей «крамолы» ... Понимал ли новый командир корабля сложность сложившейся ситуации? Успел ли в первые же дни ощутить эту недопустимую атмосферу? Судя по приведенному выше документу, кое-что понимал и кое-что успел ощутить. Человек по натуре мягкий и справедливый, не революционер, но и не реакционер, он был в то же время профессионалом военным и, как командир, был поставлен в условия, когда нужно было принимать меры быстрые и решительные, чтобы взять в твердые руки весь экипаж корабля, офицеров и матросов и в кратчайший срок снова превратить крейсер в боевую единицу флота».

Глава одиннадцатая.

ТАИНСТВЕННЫЕ ВЗРЫВЫ 1916 ГОДА

Большинство наших историков, обращаясь к теме попытки взрыва на «Аскольде», почему-то с завидным упорством не желают рассматривать ситуацию на крейсере в связи с событиями, происходившими вокруг него, а также с событиями, происходившими в это же время на других кораблях российского флота и на кораблях союзных флотов. При этом хорошо известно, что отсутствие диалектического подхода неизбежно приводит исследователя к заведомо неверным выводам. История подрывов на кораблях союзников в годы Первой мировой войны — это отдельная большая тема, которой автор в свое время посвятил две книги: «Тайна «Императрицы Марии» (издательство «Вече», 2010 г.) и «Неизвестные страницы истории российского флота» (издательство «Вече», 2012 г.). Совершенно очевидно, что попытку взрыва «Аскольда» следует рассматривать в одном ряду с таинственным взрывом линейного корабля «Императрица Мария» в Севастополе, взрывом парохода «Барон Дризен» в Архангельске, с таинственными взрывами на итальянском линейном корабле. Все эти взрывы или попытки к ним произошли почему-то исключительно на кораблях и судах только одной из воюющих сторон и, почему-то именно в 1916 году, когда противостояние противников по Первой мировой войне достигло своего наивысшего пика.

Учитывая ограниченный объем данной книги и тему настоящего исследования, мы не будем останавливаться на взрывах всех кораблей стран Антанты. Об этом более подробно в свое время я уже писал в книге «Тайна «Императрицы Марии». Поговорим об ином. Когда в 1916 году в Петрограде было принято решение о создании флотилии Северного Ледовитого океана, то для укомплектования ее начали собирать корабли буквально по всему миру. Разумеется, первым в этом списке значился «Аскольд», который после завершения ремонта в Тулоне должен был следовать на Русский Север. Однако, помимо «Аскольда», было решено пойти на беспрецедентный шаг — выкупить у союзной Японии наши же бывшие корабли, захваченные в ходе Русско-японской войны броненосцы «Полтава» (переименованная в «Чесму»), «Пересвет» и крейсер «Варят». Несмотря на то что все они были уже безнадежно устаревшими, выбирать, как говорится, не приходилось. Отряд выкупленных в марте 1916 года

кораблей возглавил контр-адмирал А.И. Бестужев-Рюмин, который и осуществил их переброску через три океана в Мурманск «Чесма» и «Варяг» смогли покинуть Владивосток в конце июля 1916 года, а «Пересвет» под командованием капитана 1-го ранга К.П. Иванова из-за срыва сроков его ремонта вышел в путь на два месяца позже.

При этом переброска кораблей не обошлась без серьезных потерь. Во время перехода был взорван и погиб броненосный крейсер (бывший эскадренный броненосец) «Пересвет». До сих пор нет однозначного ответа на вопрос, погиб ли крейсер от воздействия плавающей мины или же стал жертвой внутреннего взрыва.

Вкратце обстоятельства гибели «Пересвета» таковы. 6 декабря 1916 года крейсер «Пересвет» прибыл в Порт-Саид, где пополнил запасы угля и воды, а 22 декабря в сопровождении английского эсминца вышел из Порт-Саида в Средиземное море. Его сопровождали английский авизо и французский тральщик. Корабль шел по указанным союзниками безопасным протрассированным фарватерам. Около 6 часов вечера, после очередного поворота за конвоирующим кораблем, в носовой части броненосца произошел взрыв, который повлек за собой детонацию боезапаса носовых орудий. По другой версии, взрыва было сразу два, причем второй в кормовой части корабля. По воспоминаниям очевидцев, «внезапно раздался глухой взрыв и сразу еще один, намного мощнее и громче».

Из воспоминаний командира «Пересвета» капитана 1-го ранга К.П. Иванова-Тринадцатого: «Время подходило к 5.30 вечера, сумерки начинали сгущаться, пошел небольшой дождь, и погода заметно стихла. Была дана боцманская дудка к ужину, вскоре после которой конвоир вновь начал делать зигзаг вправо, меняя курс. Наш поворот удался очень хорошо, но только что, завершив циркуляцию, мы легли ему в кильватер, как я почувствовал два последующих сильных подводных удара в левый борт, около носовой башни; корабль сильно вздрогнул, как бы наскочив на камни, и, прежде чем можно было отдать себе отчет в происходящем, рядом, поднявши по борту столб воды, из развороченной палубы с левого борта около башни вырвался громадный столб пламени взрыва, слившись в один из нескольких последовательных взрывов по направлению к мостику. Было ясно, что за последовавшим наружным двойным взрывом детонировали носовые погреба правого борта, разворотили палубу и сдвинули броневую крышу у носовой башни...»

Из воспоминаний лейтенанта В.Н. Совинского: «Горнисты сыграли «Повестку». Через 15 минут будет спуск флага (заход солнца). Не успел

вахтенный офицер скомандовать «Горнисты вниз», как оглушительный взрыв потряс корабль. Перед глазами встал огненный столб выше мачт. Треск лопающегося железа. Снова взрыв, вернее, два, слившихся вместе, еще сильнее, чем первый. Корабль сразу осел носом и медленно начал вращаться влево. Быстро токают пушки, одна за другой, но их звуки кажутся такими слабыми после рева взрывов. Подводной лодки не видно...»

С корабля по воде сделали несколько выстрелов, но, видя что «Пересвет» быстро оседает носом в воду, командир отдал приказ покинуть корабль. В 17.47 «Пересвет» опрокинулся и затонул в 10 милях на норд-ост 24° от Порт-Саида на глубине около 45 метров. Благодаря четким командам командира корабля, капитана 1-го ранга К.П. Иванова и старшего офицера старшего лейтенанта М.М. Домерщикова из 820 человек команды броненосца удалось спасти 736. По другим данным, подняты из воды были 557 человек, девять из которых вскоре скончались от ран и переохлаждения, всего же погибли 252 человека. Моряков подбирали кораблями конвоя и рыбацкие лодки. 28 марта 1917 года «Пересвет» был официально исключен из списков флота. Сегодня большинство историков считают, что корабль погиб на минном заграждении, выставленном немецкой подводной лодкой U-73. Второй взрыв объяснялся детонацией боезапаса. Однако существует мнение, что «Пересвет» стал жертвой диверсии. Этой версии гибели «Пересвета» посвятил свою книгу «Взрыв корабля» писатель-маринист Н.А. Черкашин, установивший даже личность предполагаемого диверсанта — некоего фон Палена (Паленова), дожившего свой век в Австрии и лично признавшегося писателю в своем преступлении. Утверждает Черкашин и тот факт, что при последующем обследовании затонувшего корабля было выявлено, что края пробоины «Пересвета» оказались загнуты не вовнутрь, как если бы взрыв был внешним, а, наоборот, загнуты во внешнюю сторону, что служит документальным свидетельством последствий внутреннего взрыва. Разумеется, любой писатель имеет право на домысливание, однако в неоднократных наших беседах Николай Андреевич утверждал, что в своей документальной повести он лишь констатировал факты, ничего не приукрашивая от себя.

Н.А. Черкашин пишет: «Что написано у нас о «Пересвете». Написано мало, одни и те же факты перекочевывают из книги в книгу, в том числе и версия подрыва броненосного крейсера на германской мине. Самым первым автором этой версии был не кто иной, как командир «Пересвета» Иванов-Тринадцатый, телеграфировавший в Морской Генеральный штаб на другой день после катастрофы: «Я почувствовал двойной удар мины, а

затем взрыв». Вслед за этим «Пересвет» погиб... Более настойчиво он отстаивал свою версию в дневнике. Иванов-Тринадцатый не допускал и мысли о диверсии, так как в этом случае вина за гибель корабля целиком ложилась бы на него: не обеспечил охрану крейсера в Порт-Саиде. Другое дело — подрыв на германской mine. Тут всю ответственность несут англичане. Это они не протралили как следует фарватер, не организовали должным образом противолодочное прикрытие и т.д. Английское адмиралтейство не захотело брать грех на душу и ответило следственной комиссии, что все немецкие мины на подходах к Порт-Саиду были вытралены еще в октябре—ноябре 1916 года и что никаких подводных лодок в конце декабря — начале января в районе гибели «Пересвета» не обнаружено. Зато кайзеровский флот охотно записал на свой боевой счет гибель «Пересвета» и в книге Р. Гибсона и М. Прендергаста «Германская подводная война 1914—1918 гг.» всплыл даже тактический номер немецкой субмарины — «U-73», — на минах которой мог бы взорваться русский линкор. Из этой книги тактический номер «U-73» перебрался в весьма авторитетную монографию К.П. Пузыревского «Повреждения кораблей от подводных взрывов и борьба за живучесть», выпущенную Судпромгизом в 1939 году, а уж затем, спустя девять лет, утвердился на страницах академической хроники «Боевая летопись русского флота» как бесспорный факт. Но дело-то в том, что факт все же спорный...»

Тот факт, что взрыв «Пересвета» и попытка взрыва на «Аскольде», т.е. на крейсерах, которые должны были стать основой флотилии Северного Ледовитого океана, произошли почти одновременно, наталкивает на логическую мысль — а не были ли оба этих события звеньями одной цепи? Такое предположение становится еще весомей, если мы ознакомимся с письмом командира линейного корабля «Чесма», капитана 1-го ранга В.Н. Черкасова командующему Черноморским флотом адмиралу А.А. Эбергарду 25 июня 1916 года, в котором он описывает ситуацию, в которой оказалась команда «Чесмы» принимавшая линкор во Владивостоке

Из письма капитана 1-го ранга В.Н. Черкасова адмиралу А.А. Эбергарду: «Не обошлось и без крупной неприятности. Неприятель не дремлет и ведет войну всевозможными способами, чему способствует вышеописанная обстановка глубокого тыла. Началось с того, что на корабле матросом найдена была прокламация немецкого происхождения о бесполезности войны и что немцы нам не враги. На другой день писарь штаба принес целую пачку этих прокламаций, но, показав первую матросу, тотчас был представлен по команде. Выброшенная им пачка прокламаций тоже была найдена. На третий день обнаружилось, что несколько матросов

по подговору какого-то главаря (штатского), трех штатских и двух беглых матросов с «Варяга» решили взорвать «Чесму». Тотчас дело было расследовано и виновные в числе четырех (три электрика и один писарь) были отправлены на гауптвахту со всей литературой, а жандармам, по-видимому, удалось напасть на след германского агента. Ранее пришлось мне описать 1 машинного унтер-офицера и 1 телеграфиста такого же направления, причем из переписки была установлена их общая связь. Они обеспечили себе также побег в Америку. Проповедь их в команде отзвука не нашла, благодаря чему и удалось сразу ликвидировать все дело. Выяснилось, между прочим, что все четверо с «Екатерины», а последние два с «Императрицы Марии» и «Памяти Меркурия» (команда «Чесмы» комплектовалась офицерами и матросами с Черноморского флота. — *В.Ш.*). Это обстоятельство указывает на необходимость в пути быть крайне осмотрительными и ожидать всевозможных ловушек. Таким образом, несмотря на только что описанный случай, я все же считаю свою команду превосходной и, как только уйдем из этой дыры, так быстро вернем ей слегка утраченный воинский вид. Связь между офицерами и командой наблюдается полная».

Итак, в своем письме В.Н. Черкасов однозначно утверждает, что во время стоянки «Чесмы» во Владивостоке имел место прецедент подготовки взрыва корабля служившими на нем матросами под руководством некоего постороннего лица, который, по мнению жандармов, являлся германским агентом. Лишь благодаря бдительности команды взрыв линейного корабля был вовремя предотвращен.

Таким образом, говоря лишь о кораблях, предназначенных для формирования флотилии Северного Ледовитого океана, мы имеем уже два реальных случая подготовки взрыва (линейный корабль «Чесма» и крейсер «Аскольд») и гибель крейсера «Пересвет», среди причин которой рассматривается и версия диверсии. Говорить, что все эти три случая — чистая случайность, было бы крайне наивно. Перед нами следы хорошо организованной и масштабной диверсионной акции, целью которой было сорвать формирование российской флотилии на Севере и тем самым сорвать регулярное снабжение военной техникой и боеприпасами русской армии ее союзниками через Архангельск и Мурманск.

Удивительно, но если в случае «Аскольда» матросы делали все, чтобы доказать, что никакой диверсии на крейсере не было, то в случае с «Пересветом» все было наоборот — именно матросы и инициировали начало расследования возможной диверсии на броненосном крейсере. Факт сам по себе поразительный, так как разговор идет о том же 1916 годе, когда

возникло и «тулонские дело».

Главным инициатором возбуждения дела о диверсии на «Пересвете» стал матрос-охотник (доброволец, самопризвавшийся на военно-морскую службу с началом войны) Людевиг. Команда выбрала Людевига своим поручителем, и он обратился с требованием провести расследование о факте диверсии на «Пересвете» напрямую к морскому министру адмиралу Григоровичу. Докладную записку Людевига нашел и первым опубликовал писатель Н.А. Черкашин. В своем письме Людевиг доказывал Григоровичу, что гибель «Пересвета» была не просто «неизбежной на море случайностью». Крейсер уничтожила чья-то злая воля. От имени живых и погибших членов команды Людевиг призывал министра сделать все, чтобы установить истинную причину гибели «Пересвета».

Из докладной записки матроса Людевига; «Шифрованная записка, посторонние на корабле, распушенность экипажа, доступность к погребам, вообще порядки, которых ни один капитан торгового, грузового парохода у себя не допустил бы, делали на «Пересвете» вполне возможным устройство взрыва со злым умыслом. Если предположить, что в задание, полученное, германским агентом, входило не только утопить корабль наш, но и загородить Суэцкий канал, то картина будет ясна. «Адская машинка» в виде часового механизма, имеющая, скажем, внешний вид термографа Ришара или барографа, приборов на военных кораблях обычных, с парой фунтов взрывчатого вещества и ударным приспособлением была внесена на корабль и помещена в одном из носовых погребов или же вне его, у тонкой переборки, отделяющей его от соседнего помещения. Для воспламенения наших 10-дюймовых полузарядов (не патронов), хранившихся в медных цилиндрах, с неплотными крышками, многого не нужно. Загорелось сначала несколько штук, затем пожар увеличился. Характерного взрыва не было, иначе разворотило бы всю носовую часть корабля. Часы поставлены на момент, когда корабль должен быть, по расчету, еще в канале. Если «адский прибор» закладывал кто-либо из экипажа корабля, то искусители могли его убедить, что он наверняка спасется. «Ведь тонуть «Пересет» должен, — могли им говорить, — на глазах у десятков французских, английских, итальянских и других военных и коммерческих судов. Сотни шлюпок и паровых катеров бросятся к месту катастрофы». Соображение о возможной гибели массы людей для подлеца необязательно, да, кроме того, при взрыве в погребе, когда по команде «Все наверх! С якоря сниматься!» в носовом отсеке под палубой почти никто не должен оставаться, число погибших было бы минимальным. Если финал построенной мною гипотезы разбивается и, может, виновник взрыва погиб вместе с кораблем,

тому виною наш выход на час раньше, чем предполагалось».

Н.А. Черкашин так пишет о ходе расследования «Дела «Пересвета»: «Прибыв в начале июля 17-го года в Петроград, матрос-делегат направился в военную секцию Совета рабочих и крестьянских депутатов. У военной секции хлопот был полон рот, прошлогодние дела ее интересовали мало, но все же снабдили настырного матроса адресом канцелярии морского министра и нужными телефонами. Людевиг сам добился приема, правда, принял его не морской министр, а помощник — капитан 1-го ранга Дудоров. Все же матрос-охотник выполнил поручение команды: после его визита была назначена при военно-морском прокуроре Комиссия по расследованию обстоятельств покупки, плавания и гибели крейсера «Пересвет». Возглавил ее член Петроградской думы И.Н. Денисевич. Вошли в нее представители от Морского генерального штаба лейтенанты Мелентьев-второй и Кивеветтер (однокашник Домерщикова), представители Петроградского Совета депутатов Анплеев и Овсянкин, а также два делегата от команды «Пересвета» — матрос-охотник Людевиг и минный машинист Мадрус. Комиссия начала свою работу с допроса бывшего морского министра адмирала Григоровича и его помощника графа Капниста. Вопрос был поставлен в лоб: «Знали ли вы о скверном состоянии судов, купленных у Японии?» Григорович ответил уклончиво: дескать, «Варяг», «Чесму» и «Пересвет» принимала авторитетная комиссия, она пусть и несет всю полноту ответственности. Вызывали на допрос и бывшего начальника Морского генерального штаба адмирала Русина, но он поспешно отбыл в Крым... Тем же летом из Парижа в Порт-Саид выехала еще одна комиссия, которую возглавлял бывший свитский контр-адмирал крутоусый красавец С.С. Погуляев. Комиссия должна была опросить тех матросов, которых оставили дожидаться судоподъемных работ. Миссия Погуляева заключалась еще и в том, чтобы заставить англичан ускорить осмотр водолазами затонувшего «Пересвета». Тогда бы удалось решить главное: наскочил ли крейсер на плавучую мину или его погубила «адская машинка». Однако англичане, сославшись на «трудное положение в Палестине», водолазов так и не выделили. Во французском городе Иере, где находилась большая часть спасенной команды, работала третья следственная комиссия под руководством младшего артиллериста «Пересвета» лейтенанта Смиренского. Наконец, в Архангельске опрашивала возвращавшихся на родину пересветовцев четвертая следственная комиссия... Больше всего меня интересовало, что же показал сам командир «Пересвета», капитан 1-го ранга Иванов-Тринадцатый. Трижды просмотрев весь рулон микрофильма, я так и не обнаружил ни

одной его объяснительной записки. Зато наткнулся на телеграмму, посланную председателем следственной комиссии русскому морскому агенту в Египте, капитану 1-го ранга Макалинскому: «Срочно ускорьте отъезд Иванова-Тринадцатого в Петроград». Телеграмма была отбита в июне, но только в середине августа Иванов-Тринадцатый, сдав остатки команды под начало Макалинского, отправился на родину. Путь он выбрал не самый близкий — вокруг Азии во Владивосток. Он явно не спешил предстать перед столом следственной комиссии. В Москву он прибыл где-то в октябре, остановился у родственников, а затем инкогнито выехал в Петроград. Его разыскивали, его ждали...

В дневнике он объяснил свою неявку так: «По моему прибытию в Россию политические события развернулись так, что попасть в Петроград и явиться по начальству я уже не имел возможности». Но это всего лишь отговорка. Бланк с криво наклеенной телеграфной строчкой утверждает обратное: «По сведениям комиссии каперанг Иванов-Тринадцатый находился в Петрограде 19 января 1918 года». Кто-то его узнал на улице и сообщил в комиссию... Если бы Иванов-Тринадцатый действительно был уверен, что «Пересвет» наскочил на германскую мину, он со спокойной душой (вина на англичанах) держал бы ответ перед следствием. Но он-то хорошо видел с мостика, что никакого водяного столба не было, как не мелькала в волнах и головка перископа. Взрыв был внутренний! К этому же выводу, итожа главу о «Пересвете», приходит и Ларионов (сын участника Цусимского сражения и старейший хранитель Центрального военно-морского музея): «Таким образом, во Франции, в Петрограде и Архангельске в разное время были даны три показания матросов, наводящие на мысль о возможности гибели «Пересвета» от заложенной по указанию немцев в день его ухода из Порт-Саида «адской машинки». Обстоятельства взрывов перед гибелью «Пересвета» до известной степени подтверждают это предположение: сначала взрыв без сильного звука как бы в районе тринадцатого погреба, затем большой взрыв у носовой десятидюймовой башни».

* * *

Вскоре после трагедии «Пересвета» в гавани Таранто взлетел на воздух новейший итальянский дредноут «Леонардо да Винчи». Спустя какие-то полторы недели после гибели «Леонардо да Винчи» в один и тот же день, 11 августа 1916 года в один и тот же час произошли взрывы на

русском пароходе «Маньчжурия» и бельгийском «Фриханделе». Первый стоял в порту Икскуль, второй — у пристани в шведском порту Якобстаде. Оба судна каким-то чудом остались на плаву. Это помогло быстро установить причины взрывов — специальные подрывные машинки.

А 7 октября 1916 года в Северной бухте Севастополя взорвался новейший российский линкор «Императрица *Мария*». А спустя несколько месяцев, в январе 1917 года разорвало на куски японский броненосный крейсер «Цукуба».

Русский морской агент в Японии доложил в Петроград, что наиболее вероятной причиной гибели «Цукубы» он считает диверсионный акт германской разведки. На след германских диверсантов напали и итальянские спецслрбкбы после взрыва «Леонардо да Винчи». Отметим, что и на «Пересвете», и на «Императрице Марии», и на «Леонардо да Винчи», и на «Цукубе» взрывались артпогреба под носовой башней главного калибра. Кстати, и на «Аскольде» предполагалось взорвать именно носовой артиллерийский погреб. Случайное совпадение или хорошо отлаженная система?

Нельзя сказать, что в Петрограде не понимали всей опасности происходящего. Не столь давно была найдена весьма любопытная телеграмма № 2784/12 от 6 марта 1917 года: «Нагенмору от Агенмора в Риме. Источник-4. Кража документов австрийской шпионской организации в Цюрихе была совершена наемными ворами-специалистами, нанятыми итальянской контрразведкой. Найдена целая сеть шпионажа в Италии, где участвовали почти исключительно итальянцы, среди которых много ватиканских. Найдены следы организации взрывов на «Бенедетте Брине» и «Леонардо да Винчи» и готовящиеся взрывы еще на двух. Взрывы были совершены итальянцами при помощи особых приборов с часовым механизмом, работавших с расчетом произвести ряд взрывов в разных частях корабля через короткие промежутки времени, чтобы затруднить тушение пожаров. Указание на хранение документов в Цюрихе было получено еще при первом раскрытии части шпионажа, о котором я телеграфировал 5 января. Беренс».

Возможно, через некоторое время российские контрразведчики и вышли бы на след диверсантов Германии и Австро-Венгрии, но грянула вначале одна революция, а следом за ней другая, и всем сразу стало не до таинственных подрывников.

Увы, реальность нашего бытия такова, что, как правило, мы практически никогда не можем узнать всю правду о тайных делах прошлого, тем более если за этими тайнами стоят специальные службы.

Секретные архивы всех государств, без исключения, свято берегут свои сокровенные тайны. А потому вряд ли мы когда-нибудь узнаем всю правду о взрывах кораблей союзников в годы Первой мировой войны, как и всей правды о том, кто же все-таки на самом деле и зачем пытался взорвать крейсер «Аскольд» или хотя бы симитировать этот взрыв, какие силы в реальности стояли за «тулонским делом».

Глава двенадцатая.

НА КОМАНДИРСКОМ МОСТИКЕ

Как бы то ни было, но пока история с попыткой взрыва корабля, следствием, судом и расстрелом матросов-террористов отступили на второй план. Сейчас же Кетлинскому и всем остальным аскольдовцам надо было решать вопросы по скорейшему завершению затянувшегося ремонта, отработке экипажа и выходу в море для выполнения поставленных командованием боевых задач.

Службу новый командир знал и требовать с подчиненных, судя по всему, тоже умел, а потому за дело он взялся основательно.

Прежде всего командир решил подтянуть дисциплину на корабле, обратив главное внимание на офицеров: запретил ночевать на берегу, пить вино в кают-компании, заставил выходить на все разводы личного состава и участвовать в работе наравне с командой, обязал читать матросам лекции по специальным и общеобразовательным наукам. Офицерам пришлось засесть за книги и готовиться к лекциям. Начались регулярные занятия с командой по специальности, уставам, грамоте, арифметике, боевые учения. Одновременно по просьбе Кетлинского лейтенант английского флота Пуне, специалист по физкультуре, организовал занятия с командой крейсера по образцу английского флота. Доктор Анапов проводил занятия по гигиене и профилактике венерических заболеваний, что после длительного пребывания в Тулоне было весьма актуально.

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «Относительно создания «нормальной жизни» Кетлинский заботился своеобразно, так через несколько дней после расстрела он просит возвратить следователя Найденова на корабль и 20 сентября производит дополнительную отpravку команды в Архангельск. В то же время издается приказ, запрещающий нижним чинам сношаться на берегу с лицами, знающими русский язык, и когда по доносу священника ему стало известно, что унтер-офицеры Лебедько и Феоктистов участвовали в разговоре с русским, он разжаловал их в рядовые «за сношения с русскими на берегу, несмотря на запрещение». Еще приведу пример, как Кетлинский чинил соломонов суд и насаждал повиновение начальству. Артиллерийский кондуктор Василий Огарков, возвратившись на корабль с патрульного дежурства в Ля Сейне, отрапортовал старшему офицеру, что во время е

обхода вечером 5 ноября 1916 г. произошло следующее. Находясь в одном доме, он на улице услышал громкий разговор. Подойдя к окну, Огарков увидел строевого боцмана Ершова, фельдфебеля минной роты Евграфова и кочегарного унтер-офицера Панина, все — солидные сверхсрочники. Панин был заметно пьян. На мое предложение возвратиться на корабль, докладывал кондуктор, Панин разразился бранью и обругал меня. Кетлинский предложил лейтенанту Булашевичу произвести дознание. При этом выяснилось, что Огарков, числясь в обходе, фактически находился у своей девушки Марии Белектрикс, с которой он проживал у Арсенальных ворот порта. Ершов, Панин и Евграфов проходили вечером в день происшествия мимо бара, который содержали сестры Францена и Марсель. Ершов пригласил приятелей зайти в бар и обещал бесплатно угостить, но дверь оказалось закрытой. Начали стучать. Открылось окно на 2-м этаже. Панин сказал: «Посмотри, вот тебе и хозяйка глядит!» — Хороша хозяйка, выйдет и заберет», — ответил Ершов с иронией, заметив в окне кондукторскую голову. В это время послышался из окна голос Огаркова: «Хороши... я не думала, что вы обо мне так думаете!» В ответ пьяный Панин сказал в сторону своих компаньонов: «Недолго им осталось нас забирать да арестовывать, скоро наш верх будет!» После этого диалога товарищи взяли Панина под руки и ушли. При этом при следовании сверхсрочники не остались в долгу у кондуктора Огаркова и напомнили, как он недавно отплясывал в баре, надев на себя юбку своей Мери, а она, оставшись в панталонах, канканировала в кондукторском кителе и форменной фуражке. Все это происходило после тяжелых потрясений на крейсере, когда командир докладывал по начальству, что на корабле им установлены порядок и спокойствие. Кетлинский распорядился старшему офицеру сделать кондуктору Огаркову словесный выговор, Панина арестовать на берегу на 30 суток, а Ершова разжаловать в рядовые».

Капитан 1-го ранга К.Ф. Кетлинский сообщил начальнику Генерального морского штаба о том, что после выхода из дока 14 сентября, отправки 113 человек в Россию и казни 4 матросов на крейсере началась нормальная жизнь при строгом корабельном режиме. Если судить объективно, то Кетлинский в какие-то четыре дня навел на корабле уставной порядок. Далек не каждый офицер способен на такое. Впрочем, усердие Кетлинского в наведении порядка на «Аскольде» так и не было никем оценено по достоинству. Но в этом ли беда? Главное, что матросы снова были готовы к плаванию и бою.

Одновременно командир потребовал пополнить команду специалистами разных специальностей и просил произвести тщательный

отбор унтер-офицерского состава, а также по возможности во избежание возможных диверсий в будущем обеспечить его надежными информаторами. Кое-кого ему прислали уже в Англию, однако до самого прибытия в Мурманск команда крейсера так и осталась неукомплектованной.

Занялся Кетлинский и офицерами корабля. Из воспоминаний все того же инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «Произведя проверку знаний офицерами корабля, он в особом приказе отметил полную неудовлетворенность их познаниями и требовал детального изучения крейсера по отсекам. Он обязал офицеров читать регулярно лекции и курсы матросам по утвержденной им программе, разрешил групповую читку газет офицерами рот и организовал начало просветительного обслуживания. Приобрел «волшебный фонарь», оркестровый инструмент, спортивный инвентарь. В середине ноября прибыли из Архангельска 114 человек, профильтрованное пополнение, и позже часть команды с затонувшего крейсера «Пересвет». Обновление команды, твердость руководства и эрудиция командира, а также культурно-просветительные мероприятия были восприняты старшими матросами как либерализм. Они создали Кетлинскому хорошую характеристику и расположение, что закрепились его отношением к Февральской революции, которая, как уже было сказано, застала крейсер в Англии. Им был допущен ряд встреч с видными русскими эмигрантами: на корабле читал лекции Майский, приглашался князь Кропоткин и социалисты из национального Союза моряков. Этот союз преподнес команде знамя и предполагал отправить на «Аскольде» в Россию делегацию английских рабочих — пацифистов».

Не жалея денег, на корабль закупили все новейшие лекарства. Командир с доктором организовали и лечение зубов у французских стоматологов — на крейсере 133 человека нуждались в срочной помощи дантиста, а на борту отсутствовали необходимые простейшие средства и специалисты.

Занялся новый командир и профилактическими мерами от революционного влияния, вернее, от влияния возможных подрывных элементов, в том числе и от реальных диверсантов.

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «Кетлинский принял меры по вовлечению французской полиции по наблюдению за командой крейсера во время пребывания на берегу. 7 ноября он жалуется военно-морскому агенту в Париже на то, что Петерсен, продолжая наблюдения за революционной пропагандой, установил, что в Тулон недавно приезжал Виндинг, затем Тинников, в 112-

м полку в Тулоне служит солдатом бывший матрос с крейсера «Потемкин» и снова имеет встречи с командой. Кетлинский просил морсанта договориться с секретной полицией об информации и наблюдении. Кетлинский непрерывно следил за деятельностью команды на берегу; он ввел суровый режим, но в то же время предъявил особые требования и к офицерам».

Сам Кетлинский уже вскоре лично докладывал в Петроград морскому министру, адмиралу Григоровичу, так как находящийся в отдельном плавании крейсер замыкался напрямую на министра; «После списания 109 человек и казни 4-х на крейсере началась нормальная жизнь при строгом судовом режиме».

В сентябре 1916 года Григорович потребовал от Кетлинского и морского агента в Париже, капитана 1-го ранга Дмитриева принять все возможные меры к ускорению ремонта. На дальнейшее использование «Аскольда» у адмирала Григоровича были свои, весьма серьезные планы. Дмитриев немедленно обратился с просьбой о помощи к французскому морскому министру, адмиралу Лаказе. Тот отнесся к просьбе союзников с пониманием, и послал телеграмму Тулонскому порту с требованием «самых энергичных работ на «Аскольде». «Количество рабочих было сразу увеличено, причем даже за счет снятия их с работ на французских кораблях. Затянувшийся ремонт главных механизмов использовали для приспособления крейсера к условиям предстоящего плавания в северных водах. На верхней палубе построили деревянный крытый проход от ближайших носовых люков до носовой надстройки, внизу и на верху каждого трапа устроили деревянные будки. В жилых помещениях команды обшили борта кусками старого линолеума».

19 сентября в Тулон пришел крейсер «Варяг» под флагом контр-адмирала Бестужева-Рюмина. Героический корабль после неравного боя в Чемульпо был поднят японцами и после ремонта вошел в состав японского флота под названием «Сойя». В марте 1916 года царское правительство купило, помимо «Полтавы» («Чесмы»), «Пересвета» для усиления флотилии Северного Ледовитого океана и его. «Варяг» был укомплектован личным составом гвардейского экипажа и направлялся в Александровск (Полярный). Следом за «Варягом» идти на север в тот же Александровск предстояло и «Аскольду».

На «Аскольде» во время ремонта уже установили французскую приемную радиостанцию, а в трюме «Варяга» находился запасной передатчик мощностью 2 кВт. С разрешения адмирала его передали на «Аскольд» и силами личного состава установили и ввели в строй. 2 октября

«Варяг» покинул Тулон. Но аскольдовцы продолжали общаться с соотечественниками: французские крейсера «Гишен», «Шаторено» и вспомогательные крейсера дважды уходили в Салоники, перевозя оттуда русские войска.

* * *

Изучив корабль, Кетлинский обратился в Морской главный штаб с предложением рассмотреть вопрос о переделке в корабельных погребах, чтобы удалить боезапас не менее чем на 1,5 метра от борта, для снижения риска его детонации при попадании снарядов и торпед. Такие работы после опытов, проведенных в Петрограде, уже были произведены на кораблях Черноморского и Балтийского флотов. Кроме того, командир крейсера предлагал также убрать с корабля десять старых торпед образца 1898 года (имевших дальность стрельбы менее 10 кабельтовых) и демонтировать четыре оставшихся торпедных аппарата, от которых не было совершенно никакого толка. Тем более что два из них находились в помещении, где температура при работавших механизмах держалась не менее 45° из-за наличия паропроводов и эксплуатировать в при такой жаре и влажности торпеды было просто невозможно. Однако здесь Григорович заупрямился, не желая, видимо, дальнейшей задержки крейсера в Тулоне. На рапорте Кетлинского он оставил размашистый росчерк: «Все оставить до прихода на Мурман».

Помимо этого, Кетлинский просил и о присылке ему ныряющих снарядов для стрельбы по подводным лодкам, но до ухода из Франции крейсер их не получил. Не одобрили в Морском главном штабе и предложения Кетлинского об увеличении штата крейсера в связи с установкой зенитных орудий, которые составили 2 новых плутонга. Для них не хватало восьми комендоров. Артиллерия крейсера делилась на 9 плутонгов (четыре 152- и пять 75-миллиметровых), причем огнем 4-го и 5-го плутонгов 75-миллиметровых орудий управлял в бою один офицер. По штату обязанности плутонговых командиров исполняли три вахтенных начальника, вахтенный офицер, младший минный офицер и ревизор. То есть не хватало трех офицеров и еще одного, для зенитных орудий. Кетлинскому не только отказали, сославшись на нехватку личного состава, но и довели до сведения, что с приходом на север и имеемые у него зенитные орудия предполагается снять, так как там германских аэропланов пока не обнаружено.

10 ноября на крейсере провели испытания машин, стоя на бочках, и так как результаты оказались вполне удовлетворительными, началась подготовка к выходу на ходовые испытания. 18 ноября капитан 1-го ранга Кетлинский первый раз вывел корабль в море. Этот момент всегда волнующ для каждого командира. Как поведет себя крейсер в море, как слушается руля, насколько поворотлив, как восходит на волну... Испытания прошли достаточно успешно, однако парадный ход «Аскольда» составил всего каких-то 15 узлов. Для достижения большего требовался 10-дневный подробный осмотр механизмов. Интересно, что ни на одну пробу машин ни один представитель или специалист завода в море не ходил. Несмотря на все уверения французского министра, союзники все же относились к русскому кораблю не столь внимательно, как обещали.

4 декабря «Аскольд» вернулся с повторного испытания. При достижении скорости 18,5 узла стал сильно парить главный паропровод, и испытания пришлось прервать. 10 декабря на третьем выходе ход довели уже до 21 узла, но при этом стали греться подшипники. Уменьшили ход до 19 узлов, и шли так около часа — машины работали нормально. На этом выходе произвели и практическую стрельбу боевыми зарядами из 152- и 75-миллиметровых орудий по щитам. Результаты вследствие качки, рассогласования циферблатов и длительного перерыва в стрельбах комендоров были плохими. Думается, этот факт особенно опечалил Кетлинского, после чего он уже занялся отработкой своих артиллеристов вплотную.

В связи с требованиями высшего командования о быстрейшем окончании ремонта результатом этого выхода пришлось удовлетвориться. В течение недели провели осмотр машин, приняли полный запас угля, погрузили сдававшиеся в арсенал снаряды. Между авралами продолжались и обычные корабельные работы, учения и занятия. 11 ноября на крейсер через Архангельск и Брест прибыли дополнительные 114 человек команды. В то же время восемь матросов остались «нетчиками» в Бресте, т.е., попросту говоря, дезертировали.

28 ноября Кетлинский сообщил в Петроград, что «при настоящем состоянии крейсер может действовать, но значительный недостаток нижних чинов влияет на уменьшение боевой ценности крейсера». Так, из 620 по штату не хватало еще 88 чел, в том числе, что важно, 11 строевых унтер-офицеров, 7 артиллерийских и 2 кочегарных. Особенно беспокоило командира отсутствие радиотелеграфистов, ведь на переходе морем требовалось постоянно принимать сообщения о движении неприятельских подводных лодок, тле угроза атак германских субмарин была весьма

велика. Кроме этого, при подходах к месту рандеву и союзным портам корабли давали о себе знать уже именно по радиотелеграфу. В ответ на просьбы командира «Аскольда», вместо запрошенных им 38 унтер-офицеров было прислано всего семеро, из которых один сразу же за беспробудное пьянство был лишен Кетлинским звания.

Вообще присланная команда произвела на командира плохое впечатление. За короткое время пребывания на крейсере 13 новоприбывших были подвергнуты усиленному аресту. Несколько матросов уже в дороге пропили казенные вещи. Почти десяток присланных были хронически больными и совершенно не годными к службе. По приходу в первый же отечественный порт их надлежало немедленно списать. Было очевидно, что на «Аскольд» собирали со всего Балтийского флота настоящие отбросы. Было ли это сделано специально или же просто так получилось из-за того, что командиры, получавшие разнарядку, просто, пользовались случаем и избавлялись ненужного балласта?

14 декабря Кетлинский получил через офицера связи лейтенанта Пунье от командования союзников телеграмму, в которой предписывалось срочно командировать на Мальту лейтенантов Пунье и Смирнова. Последний еще во время пребывания в греческих водах зарекомендовал себя перед союзниками как специалист по радиотелеграфии. На Мальте они получили шифровальную машинку и инструкции к новому и «весьма секретному» коду и обучились пользоваться им.

Не совсем понятна произошедшая незадолго перед выходом «Аскольда» из Тулона история с мичманом Гуниным. Как-то, будучи вахтенным начальником, Гунин разрешил отлучиться со своего поста вахтенному матросу Брезкалину. При проверке командиром Кетлинским оказалось, что на своих местах не было ни Брезкалина, ни Гунина. Командир потребовал объяснений от мичмана, и тот подал рапорт на Брезкалина. Кетлинский возмущен таким поступком офицера и наказал его арестом на 5 суток. После Февральской революции все были удивлены, когда команда не потребовала списания мичмана Гунина. Дело в том, что мичман неожиданно для всех заявил матросам, что он оказался виноватым лишь потому, что пытался вывести на «чистую воду» личного осведомителя, старшего офицера крейсера матроса Брезкалина. С точки зрения офицерской этики Гунин совершил откровенную подлость, стремясь нажать некий политический капитал на своем аресте за халатное отношение к службе. Еще более подло он поступил, обвинив в стукачестве ни в чем не виновного матроса Брезкалина, намекнув команде, что тот имеет какое-то отношение к «тулонскому делу». Что самое интересное,

интрига Гунина вполне удалась, и некоторое время он действительно ходил у матросов в героях, тогда как Брезкалин едва не попал под самосуд. Это, в общем-то, мелкое событие было первым эхом расстрельного дела, но, увы, далеко не последним

В первый день Рождества команде на корабле устроили елку с разными развлечениями. В дни увольнений остававшимся на корабле матросам показывали синематограф. Перед уходом их Тулона Кетлинский разрешил матросам пригласить своих знакомых из города. Это было воспринято командой на ура. На следующий же день состоялся офицерский прием. За последние три месяца гости совсем не принимались, но перед уходом Кетлинский счел необходимым устроить прием и «поблагодарить всех, кто оказывал нам помощь и внимание».

Вообще, по общему мнению историков, Кетлинский был достаточно либеральным и демократическим командиром. При этом он, как мог, старался удержать команду от участия в революционных делах. Кетлинский, к примеру, организовал специальные занятия по истории с матросами, с целью доказать невозможность осуществления социальной революции без победного завершения войны и внутреннего переустройства государства. При этом команда относилась к Кетлинскому в целом намного лучше, чем к его предшественнику, Иванову 6-му.

* * *

27 декабря 1916 года «Аскольд» снялся с бочки и, выйдя в море, взял курс на Гибралтар, навсегда оставляя за кормой Тулон, в котором произошло столько драматических и трагических событий.

Переход от Тулона до английского Портсмута прошел без происшествий, хотя нервы всех были напряжены до предела, ведь крейсер шел в зоне интенсивных военных действий.

Обстановка на борту «Аскольда» во время перехода была весьма напряженной. Буквально перед выходом из Тулона пришло сообщение о трагической гибели броненосного крейсера «Пересвет», который, как и «Аскольд», направлялся для пополнения флотилии Северного Ледовитого океана.

Разумеется, что на «Аскольде» нюансов гибели «Пересвета» не знали, а знали лишь то, что он погиб по какой-то неизвестной причине. Учитывая недавние события, связанные с попыткой взрыва корабля, а также то, что маршрут «Аскольд» пролегал в данный момент в районах интенсивных

боевых действий, можно понять напряженное состояние и командира, и команды во время этого непростого перехода.

Однако для «Аскольда», в отличие от «Пересвета» все обошлось благополучно, и до Портсмута он дошел без всяких злоключений.

В Портсмуте, однако, снова пришлось задержаться, произвести переборку механизмов и пополнить запасы провианта. Февраль 1917 года «Аскольд» встретил в Глазго.

Узнав о свержении царя, команда «Аскольда» первым делом потребовала удаления с корабля «виновников» «тулонской трагедии». Чтобы лишний раз не раздражать матросов, после обмена телеграммами с Морским министерством Кетлинский вынужден был списать капитана 2-го ранга Быстроумова, старшего лейтенанта Петерсона, лейтенантов Ландсберга, Корнилова и несколько кондукторов.

Революционные события в России застали офицеров «Аскольда» врасплох. Никто из них не был готов к такому повороту событий. Отречение царя в марте 1917 года К.Ф. Кетлинский принял довольно спокойно и быстро наладил сотрудничество с Временным правительством. «Общее для всех убеждение, вернее, чувство, это глубокая ненависть к старому режиму и дому Романовых», — писал он в рапорте военному и морскому министру Временного правительства А.И. Гучкову за март 1917 года. Честно говоря, уж не знаю, чем это так дом Романовых насолил Кетлинскому. Скорее всего, на бумагу командира «Аскольда» вылилась его злость на Григоровича за ссылку на «Аскольд». К тому же не будем забывать, что Кетлинский всегда считал себя толстовцем и человеком достаточно левых «демократических взглядов», к тому же он был еще и поляком. Честно говоря, на мой взгляд, такое быстрое перебегание из лагеря монархистов в лагерь республиканцев не слишком красит Кетлинского. Впрочем, возможно, что глубоко в душе он всегда был убежденным республиканцем.

Что касается старшего офицера крейсера, капитана 2-го ранга Быстроумова, то, будучи по своим убеждениям монархистом, он весьма тяжело и далеко не сразу воспринял новое мировоззрение. Много размышляя по этому поводу, он как-то в разговоре с Кетлинским, все же признал следующее: «Глупо воевать из-за жупелов. Ведь служим-то мы народу, а не отдельным лицам». Думаю, что примерно такими же были взгляды и остальных офицеров крейсера.

Совсем иначе к известию о революции и отречении царя отнеслись матросы. Уже буквально на следующий день после получения ошеломляющих известий о смене власти из Петрограда аскольдовцы

вместе с английскими рабочими приняли участие в первой массовой демонстрации. Над колоннами моряков появились красные флаги. «Аскольд» стремительно входил в революцию!

Историк Д. Заславский так пишет об этих днях на корабле: «... Матросы слушали лекции и речи, читали подряд газеты разных направлений, не торопились никому верить, ничего не собирались забывать или прощать, искали свою правду и всей душой рвались в Россию — скорей-скорей в Россию, там во всем разберемся!»

Сам Кетлинский наотрез отказался участвовать в каких бы то ни было митингах, одновременно пытаясь охладить революционное настроением команды, но в этом вопросе он явно не преуспел.

Несмотря на противодействие Кетлинского, уже 5 апреля 1917 года на корабле состоялись и выборы членов судового комитета. В состав комитета вошли матросы В.М. Титов, П.Ф. Пакушко и Д.А. Пучков.

Англичане соблюдали нейтралитет в русских внутренних делах, а офицерам противодействовать массовой агитации и обработке многочисленных революционеров всех мастей, крутившихся вокруг крейсера, было практически невозможно. Впрочем, выборы в судовой комитет прошли достаточно успешно для командира, так как председателем судового комитета был избран лейтенант-инженер-механик М.С. Кршимовский.

Несмотря на то, что Кетлинский, в общем-то, выполнил приказ Григоровича — в кратчайший срок ввел корабль в боевой строй и совершил переход в Англию, отношение морского министра к командиру крейсера по-прежнему оставалось негативным. Дело в том, что перед уходом в Англию Кетлинский представил ряд офицеров корабля, включая своего старшего офицера, к наградам за отличную службу. По приходу в Глазго его ждала телеграмма от адмирала Григоровича, в которой он все поданные ему фамилии на награждение отклонил, продемонстрировав этим свое полное пренебрежение. Вообще при подобных случаях оскорбленные командиры порой подавали в отставку. Не знаю, что думал по этому поводу Кетлинский, но так он поступить не мог хотя бы в силу военных обстоятельств и тех боевых задач, которые ему надлежало выполнять. Впрочем, буквально через несколько дней адмирал Григорович покинул пост морского министра.

В Глазго за «обработку» команды сразу же взялись эмигранты — меньшевики и эсеры. Едва только в Англии стало известно о свержении царя, как на «Аскольд» зачастил один из многочисленных революционеров-агитаторов меньшевик Иван Майский (Ян Ляховецкий), будущий

известный советский дипломат. И.М. Майский оставил достаточно любопытное свидетельство обстановки на «Аскольде». Вот что он писал впоследствии в своих мемуарах: «...Было страшное озлобление среди команды против командира крейсера и старших офицеров; атмосфера накалилась... Три дня, проведенные на «Аскольде», остались в моей памяти, как почти непрерывный митинг... Я оказался в положении оракула и должен был отвечать на все и всяческие вопросы... Больше всего экипаж волновало: как быть с офицерами? На собрании, где обсуждался этот вопрос, кипели такие страсти, что можно было опасаться самых крайних мер. Для меня было ясно, что, если бы дело дошло до этого, команда была схвачена английскими властями, а крейсер реквизирован или потоплен британскими военными судами или береговыми батареями. Поэтому я рекомендовал экипажу проявить благоразумие, идти возможно быстро, в Мурманск и сохранить, таким образом, крейсер для русской революции».

Уже на первом общем собрании матросов на крейсере, помимо местных российских эмигрантов, от всех революционных партий пожаловали сразу два члена британского парламента и лейбористские лидеры. Во все дни стоянки в Англии матросов с «Аскольда» весьма плотно опекала и Британская социалистическая партия. Вечерами матросов зазывали в интернациональный клуб Глазго, где наряду с доступными девицами и дешевым пивом распространялась революционная литература, выступали бесчисленные ораторы. Так как аскольдовцы английского не понимали, для дорогих гостей приглашались агитаторы со знанием русского языка. Там же «под пиво и девочек» записывали в любую партию, куда только душа пожелает. Многие матросы тут же позаписывались в эсеры, анархисты и социал-демократы. Матросы С.С. Сидоров и уже хорошо нам известный по «тулонскому делу» П.Г. Князев записались в большевики. Что и говорить, забота о революционизации наших матросов была в Англии поставлена весьма профессионально.

Привлекалась команда «Аскольда» и для участия в демократических демонстрациях в Шотландии. Так, к примеру, 13 мая 1917 года аскольдовцы всей командой гуляли под красным флагом по улицам Глазго. Затем матросы «Аскольда» были на митинге, на котором было объявлено требование об освобождении Г.В. Чичерина и других большевиков, арестованных за антивоенную пропаганду в Англии. Кто такой Чичерин, матросы с «Аскольда» вряд и знали, но голосовали и требовали...

После митинга матросы снова ходили по городу в колоннах демонстрантов. В тот день матросам русского крейсера от британских социалистов было вручено два красных знамени с надписями на русском и

английском языке: «Долой войну» и «Мир без аннексий и контрибуций». Первое знамя — дар рабочих Глазго пролетариату Петрограда. Второе знамя — дар Лидской конференции Петроградскому Совету. Помимо этого, команде крейсера был вручен и подарок от социалистических организаций Глазго — ведерный серебряный самовар. Этот самовар и сегодня хранится в фондах ЦВВМ, правда, без верхней крышки, которую потеряли в смутные революционные годы. А вечером на борт крейсера прибыли представители английских властей, которые через переводчика доходчиво объяснили построенной команде, что Чичерин — это германский шпион и, забрав оба подаренных социалистами знамени, покинули «Аскольд».

В это время на крейсере происходит чрезвычайное происшествие — внезапно погибает один из матросов. Причем причины его внезапной гибели были весьма таинственными. Во время стоянки «Аскольда» в Плимуте там внезапно застрелился гальванер Вороваев (у Крестьянинова он упоминается как Воробьев). О самоубийстве матроса «Аскольда» по политическим причинам упоминает уже знакомый нам бывший аскольдовец С. Сидоров в своей книге «Не хотим быть битыми». С. Сидоров считает Вороваева (Воробьева) провокатором, а самоубийство гальванера объяснял тем, что Вороваев пошел на это из-за подозрений в свой адрес. При этом Сидоров достаточно прозрачно намекает, что самоубийца имел самое непосредственное отношение к событиям в Тулоне. Здесь тоже многое непонятно. Если Вороваев был «шкурой», которая выдала заговорщиков, то для чего ему стреляться из-за возникших подозрений? Так поступить мог только тот, кто был ложно обвинен. Логичнее предположить, что, если Вороваев был предателем, то он вовсе не покончил жизнь самоубийством, а был убит друзьями и единомышленниками заговорщиков. При этом не следует исключить и то, что обвинения в адрес гальванера были необоснованными и, будучи не в силах доказать обратное, Вороваев и решился на трагический шаг.

В.Я. Крестьянинов и С.В. Молодцов в книге «Крейсер «Аскольд» пишут: «После проведенных обысков на корабле воцарилась атмосфера подозрительности и недоверия. Достаточно было быть на хорошем счету у кого-нибудь из офицеров, чтобы попасть в шпионы и провокаторы. Так, Быстроумов очень ценил старшего гальванера С. Воробьева, который был прекрасным специалистом. Старший офицер приказал ему заниматься чисткой оптических приборов в своей каюте. Это дало повод считать Воробьева шпионом. Позднее, когда крейсер стоял в Англии, Воробьев застрелился, оставив письмо команде». В другое время изучением обстоятельств убийства или самоубийства матроса Вороваева (Воробьева),

думается, занялись бы более внимательно, но только не в марте 1917 года.

Впрочем, и Вороваев (Воробьев) не стал последней жертвой тулонской трагедии...

* * *

Крейсер «Аскольд» еще стоял у стенки причала в Глазго, и команда пила пиво в местных портовых пабах, а в Петербурге и Кронштадте и Ревеле в адрес новых революционных органов власти начали поступать как коллективные, так и индивидуальные заявления с требованием пересмотра «тулонского дела» от бывших аскольдовцев.

Наиболее авторитетным надо признать обращение бывших аскольдовцы в количестве 60 человек за подписями матросов Лепилина, Тимофеева и Мальцева из числа списанных с крейсера и оказавшихся во 2-м Балтийском флотском экипаже после постановления Временного правительства о реабилитации осужденных за политические преступления в царское время. Эти аскольдовцы требовали привлечения к ответственности офицеров крейсера за их участие в провокации и злоупотреблениях во время ремонта крейсера.

Но почему вообще бывшие аскольдовцы вдруг подняли вопрос о «тулонском деле», неужели у них не было никаких других забот в это время, неужели они так переживали за расстрелянных диверсантов?

И забот у матросов после Февральской революции хватало, и к расстрелянным диверсантам они никаких особых чувств не питали. Вопрос о «тулонском деле» был поднят совсем по иной причине. И поднимали «тулонское дело» бывшие аскольдовцы вовсе не из-за чувства сострадания к расстрелянным, а исключительно из чувства личной мести Кетлинскому, который вначале списал их с корабля, а потом одним росчерком пера пресек вольготную жизнь в тыловом Архангельске. Кстати, именно по этой причине ни один из участвовавших в казни своих сослуживцев матросов расстрельной команды никогда впоследствии не был далее морально осужден своими товарищами.

Отметим, что списывая матросов в Россию. Кетлинский изначально никаких материалов, их порочащих, в Архангельск не отправил. Мы не можем сказать, было ли это следствием спешки, в которой происходила отправка, или же новый командир не послал бумаги о прегрешениях матросов вполне сознательно. Но факт остается фактом.

По этой причине по прибытию аскольдовцев в Архангельск местное

начальство отнеслось к ним вначале хорошо. Еще бы, у них в распоряжении появились опытные матросы, прошедшие три океана и участвовавшие в Дарданелльской операции! И вскоре на крейсер начали поступать письма с сообщениями, что многих из списанных матросов отпустили на побывку домой. Списанные матросы хвастались тем, о чем остальная команда даже мечтать не могла. Эти письма сразу же вызвали роптание команды. Матросов понять было можно, худшие уже дома с девками гуляют, а они все еще по морям мотаются! Назревал новый конфликт. Чтобы предупредить его, Кетлинский объявил команде, что несколько списанных матросов действительно были отправлены домой на побывку по ошибке, но он немедленно примет соответствующие меры и впредь этого более не повторится. Одновременно Кетлинский отправил в Архангельск бумагу, в которой разъяснил, что списанные с «Аскольда» матросы являются штрафованными и никаких видов поощрения к ним применяться не может. Кроме этого, Кетлинский потребовал наложения на отправленных матросов ограничений и цензуры писем. После этого списанных матросов раскассировали, частично отправив на фронт под Пинск, а частично — на Чудскую флотилию. Когда об этом узнали на «Аскольде», ситуация в низах сразу улучшилась, матросы успокоились. Однако именно своей принципиальностью относительно списанных аскольдовцев Кетлинский сразу же нажил себе много врагов, которые, сидя в пинских болотах, теперь только и мечтали, как свести с ним счеты.

Однако, начиная снова раскручивать «тулонское дело» даже после происшедшей революции, матросы «Аскольда» оказались в достаточно щекотливом положении. Так как суд вынес обвинительный приговор четверым матросам за конкретное преступление — попытку подрыва боевого корабля с одновременным уничтожением его команды по заданию германской разведки, то требовать, чтобы расстрелянные диверсанты были реабилитированы, аскольдовцы просто так не могли. Их никогда не поддержали бы ни матросские массы, ни Временное правительство. Мировая война продолжалась, немцы были по-прежнему врагами и их пособники, соответственно, тоже.

Выход из создавшейся ситуации был один — заявить, что никакого подкупа немцами четверых расстрелянных не было, а диверсия была сымитирована самими офицерами корабля с целью списания наиболее сознательной и революционной части команды в Россию. Помимо этого, декларация подлости контрреволюционеров офицеров наглядно демонстрировала и революционность самих списанных матросов. Еще бы, пока в 1916 году весь Балтийский флот выполнял приказы царя, они на

«Аскольде» уже вовсю бузили, и были что ни на есть первыми революционными моряками. Объявление о своей революционности с 1916 года прибавляло и авторитет, и уважение окружающих, как следствие этого бывшие аскольдовцы легко избирались в различные комитеты и комиссии, где уже можно было не заниматься обычной службой, а заседать и начальствовать. Вот, собственно, и вся подоплека послереволюционного возвращения к «тулонскому делу». Возможно, кому-то она покажется примитивно прозаической, но, к сожалению, из таких прозаических мелочей состоит и вся наша жизнь.

13 июня 1917 года «Аскольд» взял курс на Мурманск. На проводы революционного русского крейсера, покидающего Глазго, собралось немало народа. Дамы махали революционным русским матросам платками, джентльмены с ликованием бросали в воздух шляпы и кепки. Переход до Мурманска прошел без всяких происшествий, и уже 18 июня «Аскольд» бросил якорь в Кольском заливе.

Глава тринадцатая.

ГЛАВНАМУР

Итак, совершив тяжелый переход из Англии в Кольский залив, «Аскольд» бросил якорь на рейде Мурманска.

Из воспоминаний о Мурманске 1917 года: «Мурманск — в то время маленький барачный поселок — производил странное впечатление: с одной стороны — невылазная грязь постепенно распускавшейся трясины, мрачные бараки и с другой стороны — внезапный наплыв хорошо одетых русских аристократов и буржуа, спешивших эмигрировать, и многочисленных иностранцев. Спальные вагоны международного сообщения целыми составами заполняли запасные пути. Повсюду на вагонах висели флаги иностранных миссий под национальной охраной часовых, ждали очереди эвакуации...»

Вскоре после Февральской революции в Мурманске резко выросло число претендующих на власть организаций. Если военная власть все еще принадлежала Главнамуру, то революционная — Центромуру и ревкому, а гражданская — Совету депутатов. Все эти руководящие инстанции соперничали и конфликтовали между собой.

Любопытно, что с приходом «Аскольда» в Мурманск с корабля тотчас таинственно исчезли главные свидетели «тулонского дела» — матрос-большевик Княжев и «лично преданный командиру» унтер-офицер Труш. Относительно унтер-офицера Труша все предельно понятно, ему было, чего бояться. Во-первых, его вполне реально могли убить, так как команда его ненавидела. Поэтому, предвидя для себя столь печальный итог, он вполне мог и сбежать. Впрочем, успел ли он сбежать или ночью был выброшен за борт, мы, вероятно, уже никогда не узнаем

Что же касается матроса Княжева, который, судя по воспоминаниям Кетлинского, был, чуть ли не организатором подрыва, то его исчезновение оставляет много вопросов. Если Княжева убили, то кто и за что? За то ли, что готовил взрыв, или за то, что не взял вину на себя, а «подставил» менее виноватых подельников? И, самое главное, кто мог его убить? Значит, на корабле оставались еще матросы, имевшие непосредственное отношение к «тулонскому делу» или хотя бы бывшие в курсе связанных с ним событий? Если Княжева все же не убили и матрос сбежал, то почему он это сделал? Ведь если Княжев действительно участвовал в заговоре, то теперь он

являлся едва ли не главным борцом с «проклятым царизмом» на крейсере? Получается, что сам он не считал попытку подрыва крейсера «революционным» делом? Тогда получается, что Княжев прекрасно знал о том, кто в действительности стоит за тулонской диверсией. Данное предположение говорит в пользу версии о германских агентах. Но наши предположения, увы, так и остаются лишь нашими предположениями...

Согласно официальной версии, декларированной историками 40—50-х годов, по возвращении на Родину команда «Аскольда» сразу же заняла твердую большевистскую позицию и возглавила революционную борьбу в Мурманском крае. На самом деле все было, разумеется, не так просто. Большевистскую организацию крейсера возглавил унтер-офицер В.Ф. Полухин, в будущем один из двадцати шести бакинских комиссаров. Но тон на корабле тогда на самом деле задавали вовсе не большевики, а их конкуренты — анархисты и эсеры.

Известный историк флота М.А. Елизаров пишет: «18 июня 1917 года «Аскольд» вернулся в Россию, в Мурманск, и на него стали прибывать матросы, ранее списанные с корабля за причастность к тулонским событиям Резко встал вопрос определения виновных в казни. К.Ф. Кетлинскому удалось тогда полностью оправдаться. Представляется, что главную роль в этом сыграла не степень фактической причастности К.Ф. Кетлинского к приговору (в то время ее было вполне достаточно для обвинений в «контрреволюции»), а умение Кетлинского показать команде свои заслуги в отводе обвинений о причастности к казни большинства членов экипажа. Он получил поддержку команды крейсера, в том числе ставшего председателем Центрального комитета Мурманской флотилии (Центромура) аскольдовца анархиста С.А. Самохина».

Уже цитируемый нами ранее выпускник Морского инженерного училища Валериан Бжезинский (ставший впоследствии одним из руководителей морских сил СССР) в описываемое время находился в Мурманске на «Аскольде», будучи с августа по ноябрь 1917 года членом Центромура — Центрального комитета флотилии, в состав которого входили самые авторитетные матросы. В своих воспоминаниях Бжезинский пишет о своем коллеге по Центромуру аскольдовце-анархисте матросе Самохине, с которым пришлось делить власть ему и Кетлинскому, так: «Самохин был известен как революционер еще в царское время, он был малограмотен, как большинство матросов, которые, в основном, набирались из деревень, главным образом по росту и внешнему виду. Самохин часто говорил: «Я все понимаю и разбираюсь в политике хорошо, а писаря подберу себе, вот мне бы только арифметике обучиться, и мог бы

управлять любым делом революции».

Как свидетельствуют отечественные историки (причем даже те, кто отрицательно относятся к личности контр-адмирала), Кетлинский «ни одного вопроса не решал без Центрального комитета Мурманской флотилии (Центромура). Когда совещался с союзниками у себя в кабинете, то приглашал либо комиссара, либо Самохина, никогда не принимал решений самостоятельно...»

Таким образом, мы можем говорить о том, что Кетлинский по крайней мере с анархистами на «Аскольде» уживался вполне.

Согласно воспоминаниям Бжезинского, у Кетлинского сложились с Самохиным достаточно неплохие и доверительные личные отношения. При этом контр-адмирал постоянно настоятельно рекомендовал своему бывшему матросу планомерно заняться грамотой, т.к. не все же время он будет разрушать старый строй и уничтожать остатки царизма, надо же будет когда-то заняться и созидательной работой, а для этого потребуются хорошая грамотность и знания. Однако председатель Центромура не слишком прислушивался к доводам Кетлинского, считая его несовременным человеком, говоря: «Нет, сейчас не то время, надо читать не историю с географией, а о партии и рабоче-крестьянской власти, да вот арифметику кто-либо рассказал-». Перед арифметикой у анархиста Самохина было, видимо, какое-то особое благоволение. Согласитесь, что желание выучить арифметику — это не самая плохая мечта для анархиста, уж куда безопасней, чем учить химию и подрывное дело!

9 июля 1917 года помощником по технической части главнокомандующего Архангельска и Беломорского водного района был назначен старый сослуживец Кетлинского по Порт-Артуру и Севастополю Василий Нилович Черкасов. Думаю, что этому назначению своего старого товарища Кетлинский был, безусловно, рад, так как это облегчало его не всегда простые отношения с архангельскими властями. Приняв в апреле 1916 года во Владивостоке под свою команду старый линейный корабль «Чесма», Василий Черкасов, совершив плавание через три океана, привел его на Русский Север, где сдал должность в марте 1917 года и убыл в Петроград. Там он принял должность начальника Главного управления кораблестроения. Одновременно он стал и представителем Морского ведомства в Особом совещании по обороне государства. Обе должности являлись уже адмиральскими. Но на них Черкасов долго не засиделся и уже вскоре убыл в Архангельск. Как и Кетлинский В.И. Черкасов весьма лояльно воспринял новую власть. Этот факт говорит о том, что Кетлинского с Черкасовым объединяли не только общие взгляды на применение

корабельной артиллерии и развитие военно-морского искусства, но и общность политических взглядов.

Так как «Аскольд» был на тот момент самым мощным кораблем формируемой флотилии, да к тому же в Мурманске не было больше офицеров с таким боевым стажем и опытом, как у Кетлинского, авторитет командира «Аскольда» был куда более весомым, чем авторитет обычного командира корабля. Это позволяло Кетлинскому решать многие вопросы в отношении «Аскольда» да и в интересах создававшейся флотилии в целом.

* * *

11 сентября 1917 года новым морским министром Временного правительства контр-адмиралом Д.Н. Вердеревским было введено в действие Временное положение о главном начальнике Мурманского укрепленного района и Мурманского отряда судов. В те годы в моду вошли сокращения должностей, которые порой были весьма странными. Объяснялось это существовавшей тогда практикой передачи сообщений по телеграфу. Чтобы не тратить время и ленту на длинные должности начальников, их стали сокращать, так появились всевозможные комфлоты, комфлоты, комкоры, начоперупры и т.д. Именно так должность главного начальника Мурманского укрепленного района и Мурманского отряда судов стала именоваться по телеграфному — лаконично и экзотично — главному.

Сразу же встал вопрос а кого назначать на должность главному? Среди балтийских офицеров, могущих по уровню своей подготовке и опыту службы ехать командовать на Север в столь беспокойное время, желающих не нашлось. И тогда в министерстве вспомнили о Кетлинском, который в это время находился в первом с начала войны двухмесячном отпуске. По всем параметрам он, как никто другой, подходил для столь ответственной и самостоятельной должности: огромный боевой опыт и опыт организации боевых действий в масштабах целого флота, а также опыт командования кораблем 1-го ранга. Все это давало полное основание назначать его на данную должность. Думается, если бы у руля министерства был бы давний недоброжелатель Кетлинского адмирал Григорович, то такое назначение вряд ли состоялось. Но Григоровича уже давно в министерстве не было... Вердеревский запросил Кетлинского о согласии того занять должность главному. Тот, разумеется, ответил положительно. Не до скончания же века сидеть ему на «Аскольде», с

которым к тому же у него было связано куда больше плохих воспоминаний, чем хороших. Да и масштаб новой должности не шел ни в какое сравнение с должностью командира крейсера. Мурманский укрепленный район включал территорию мурманского побережья до границы с Норвегией и полосу отчуждения Мурманской железной дороги от Мурманска до Званки (ныне станция Волховстрой).

В соответствии с положением главному в лице Кетлинского, передавались весьма широкие права «коменданта крепости, находящейся на осадном положении». К тому же столь высокое назначение открывало перед Кетлинским дальнейшие, еще более значимые перспективы, а отсутствием честолюбия и здорового карьеризма он, как мы знаем, не страдал. Полномочия от Временного правительства были действительно огромными. Отныне вчерашний командир старенького крейсера по мановению ока становился хозяином всего Мурманского края, одновременно командуя и всеми местными военными и морскими силами, а так же осуществляя дипломатическую связь с союзниками на Русском Севере. Масштаб новой должности Кетлинского был впечатляющ, но и ответственность не меньшая.

Чтобы придать бодрости Кетлинскому, одновременно с приказом о назначении на должность Главном начальника Мурманского укрепленного района и Мурманского отряда судов ему было присвоено звание контр-адмирала. Это придало не только энтузиазма самому главному, но и прибавило ему «веса» в глазах подчиненных и местных властей.

По воспоминаниям современников, впоследствии в разговорах с офицерами «Аскольда» Кетлинский связывал свое назначение с представлением англичан Временному правительству о неподготовленности Мурманского пути и их требованиями устранить несогласованность действий представителей различных ведомств в Мурманске. Для решения этих непростых вопросов был нужен грамотный и авторитетный флотский начальник, который и был найден в лице командира крейсера «Аскольд».

Из воспоминаний Бжезинского: «В начале июля 1917 года Кетлинский попросил девятидневный отпуск и вместе с женой и дочерьми поехал в Крым. Только несколько доверенных лиц знали его адрес Семеиз, дача Арнольди. Эти доверенные лица постоянно держали командира в курсе происходящего на крейсере. В это время многие из офицеров «Аскольда» после отпуска уже не возвращались на непрерывно митингующий крейсер, а оформляли перевод в другие моря или вообще увольнение по каким-нибудь надуманным болезням Кетлинский также не был особенно склонен

продолжать службу на выходящем из подчинения корабле, тем более что, уезжая в отпуск, он уже имел предложение из Архангельска перейти на работу в штаб флотилии Северного Ледовитого океана».

Сразу же по прибытии в Мурманск и возвращении Кетлинского из двухмесячного отпуска, 12 сентября 1917 года Временное правительство присвоило Кетлинскому звание контр-адмирала с весьма значимой формулировкой «за отличие по службе». Одновременно Кетлинский был назначен командовать Мурманским укрепленным районом и Мурманским отрядом судов — главномуруром

Для решения непростых вопросов, стоящих перед главномуруром, Кетлинскому были присвоены права командира крепости, старшего флагмана и главного командира портов, а также выделены штаты для организации штаба. При этом сам Кетлинский подчинялся непосредственно командующему флотилией Северного Ледовитого океана.

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «Кетлинский прибыл в Мурманск с сотрудниками штаба в специальном поезде. Он был в новой форме, учрежденной Временным правительством, т.е. без погон, но с нарукавными нашивками, а также другими отличиями и приступил к исполнению обязанностей 8 октября. Я в этот период работал в Центромуре и могу констатировать проявление желания адмирала работать в контакте с демократическими организациями. Он неоднократно говорил мне, что жалеет о том, что ему не удалось так скоро, как хотелось бы, наладить работу штаба с тем, чтобы самому освободиться для более полного участия в работе Центромура, Совдепа и организовать работу Совещания. Он ждал назначения опытного начальника штаба. Все, знавшие его ранее, заметили большой сдвиг в сторону понимания новых форм взаимоотношения командования с корабельными организациями. Все помнили его заявление в начале революции о том, что ему не нужен судовой комитет на «Аскольде», теперь он этого не говорил и обычно, вызывая к себе командира корабля, приглашал и председателя судкома. Кетлинский в указанный период полностью разделял платформу Временного правительства и получил директиву Главного морского штаба не чуждаться Центромура, а, участвуя и направляя его работу, обеспечить влияние и проведение линии правительства. Все это он постепенно рассказывал мне, стараясь увлечь принципами режима в английском флоте. Все события исторических дней октября Кетлинский встречал словами: «Мы здесь на краю и ничего толком не знаем, подождем, чья возьмет, а покамест будем выполнять директивы руководства сегодняшнего дня». Резкого отпора и даже возражений этим размышлением Кетлинский не

встречал. Я понял, что большинство в Центромуре и Совдепе придерживаются той же точки зрения».

* * *

Так как вакантной оказалась только что учрежденная должность начальника штаба гланамура на нее Кетлинский взял своего старого знакомого по Севастополю, начальника оперативной части, старшего лейтенанта Веселаго. Кетлинский хорошо знал его по совместной работе в штабе Черноморского флота и, встретившись в Петрограде, пригласил на указанную должность.

Из воспоминаний Г. Веселаго: «Встретив меня в Петрограде, где я находился в отпуске, контр-адмирал Кетлинский предложил мне занять должность начальника оперативной части его штаба, временно, пока не будет назначен начальник штаба, исполнять обязанности последнего. 23 сентября контр-адмирал Кетлинский и его штаб специальным поездом выехали из Петрограда».

Личность старшего лейтенанта Веселаго была весьма значима в годы Гражданской войны на Русском Севере. Как и его непосредственный начальник, Казимир Кетлинский, Веселаго был по уши облит грязью нашими историками. Впрочем, если жизнь Кетлинского сложилась трагически, то судьба все же пощадила Веселаго, даровав ему долгие годы, хотя и вдалеке от родины, на чужбине.

Итак, в октябре 1917 года по ходатайству Кетлинского старший лейтенант Веселаго был назначен на должность начальника оперативной части в штабе Главного начальника Мурманского укрепрайона и Мурманского отряда судов. При этом с первого же дня из-за нехватки грамотных и опытных специалистов ему пришлось фактически взвалить на свои плечи и обязанности начальника штаба укрепрайона и отряда судов. По сути дела, вчерашний командир эсминца в одночасье стал вторым человеком на территории, сопоставимой с размерами серьезного европейского государства.

И Георгий Веселаго, и его предки были людьми, в России достаточно известными. Морская династия Веселаго оставила заметный след в отечественном флоте. Офицером был его дед, а отец, Михаил Герасимович, дослужился до чина полного адмирала. До сих пор историки отечественного флота благоволят имя двоюродного брата М. Веселаго — знаменитого собирателя российской военно-морской истории Ф.Ф.

Веселаго, трудами которого созданы уникальные капитальные многотомные сочинения «Материалы для истории российского флота» и «Общий морской список», к которым в обязательном порядке и сегодня обращаются все исследователи прошлого нашего флота.

Морской корпус Георгий Веселаго окончил в 1911 году и после производства в мичмана попал служить на линейный корабль «Цесаревич» в должности вахтенного офицера. Уже через год он становится вахтенным начальником на том же броненосце. Такая перемена говорит о многом Дело в том, что если должность вахтенного офицера — это обычная первичная должность для молодого мичмана, который, стоя на вахте, лишь помогает вахтенному начальнику в управлении вахтой и выполняет его распоряжения, то должность вахтенного начальника — это уже вполне самостоятельная должность, относящаяся к лейтенантской категории, что соответствовала чину штабс-капитана в армии. Для того чтобы уже через год после окончания Морского корпуса стать вахтенным начальником на линейном корабле (их было тогда всего лишь два на весь Балтийский флот), такое назначение надо было заслужить безукоризненной службой и высоким профессионализмом. Разумеется, в столь раннем выдвижении молодого мичмана мог играть и фактор отца-адмирала, однако решение о переводе вахтенного офицера в ранг вахтенных начальников принимал командир корабля после сдачи зачетов на самостоятельное командование огромным броненосцем. И никакой бы командир никогда не доверил несение самостоятельной вахты пусть весьма влиятельному, но некомпетентному и бестолковому офицеру. А это значит, что и моряком и специалистом Веселаго был достойным, еще через год на том же «Цесаревиче» Веселаго уже совмещает свою старую должность с должностью младшего штурмана корабля. И вновь можно сделать однозначный вывод о высоком профессионализме Веселаго, компетенцию которого сочли вполне приемлемой для вождения крупного боевого корабля по не простой в навигационном отношении Балтике.

В самом же преддверии Первой мировой войны он переводится на достраивающийся дредноут «Петропавловск» на должность вахтенного начальника и командира башни главного калибра. Огромный дредноут — это уже совсем иные масштабы. С началом войны Веселаго вместе с другими офицерами «Петропавловска» делает все возможное, чтобы в короткий срок ввести новейший линейный корабль в боевой строй. Однако боевая ценность новейших дредноутов заставляла командование почти все время держать их вдали от реальных боевых действий, и Веселаго всеми силами стремится перевестись на корабли, участвующие в боевых

действиях. Поэтому в начале 1915 года он переводится (причем с серьезным понижением!) на минную дивизию вахтенным начальником старого миноносца «Искусный». Впрочем, на эсминце он пробыл лишь месяц.

Именно в это время Ставка Верховного главнокомандующего принимает решение о начале подготовки грандиозной десантной операции на Босфоре. Для этой цели в Одессе начинается формирование особой Транспортной флотилии, во главе которой был поставлен бывший порт-артурец контр-адмирал А.А. Хоменко.

Для укомплектования штаба создающейся флотилии требовались грамотные офицеры. Особо важной являлась же должность старшего флаг-офицера по оперативной части, который должен был решать сложнейшие вопросы по подготовке оперативных планов будущей грандиозной десантной операции. Найти офицера на такую должность было непросто. И здесь помощь контр-адмиралу Хоменко оказал его старый знакомец по тому же Порт-Артуру капитан 1-го ранга Кетлинской, который уже давно держал на примете молодого перспективного офицера с хорошим оперативным мышлением. Именно Кетлинский и порекомендовал Хоменко запросить с Балтики кандидатуру лейтенанта Веселаго. Так вахтенный начальник эсминца «Искусный» оказался в Одессе. В новой должности Веселаго был лишь четыре месяца. Но на войне, как на войне. Дел было действительно невпроворот, так как транспортная флотилия еще только начала формироваться и все приходилось начинать с чистого листа. И здесь организаторские и деловые качества Веселаго снова оказываются на должной высоте, и несколько месяцев спустя Кетлинский уже (к большому неудовольствию того же Хоменко) забирает Веселаго к себе в Севастополь на должность старшего офицера по оперативной части. Задача Веселаго — разработка планов и подготовка Босфорской десантной операции Черноморского флота. При этом лейтенант старается не засиживаться в штабе, а при каждой возможности стремится вырваться в море. Это стремление Веселаго мотивирует необходимостью личного осмотра и изучения мест высадки будущего десанта. При этом, участвуя в операциях флота у Босфора, он не остается сторонним наблюдателем, а самым активным образом участвует в боевой работе. И здесь его деятельность оказывается на редкость плодотворна. И вскоре за руководство постановкой с тральщика минных заграждений у Босфора и Варны Веселаго награждается георгиевским оружием, а за отчаянную разведку Босфора на моторном катере его представляют к Георгиевскому кресту 4-й степени.

Однако Кетлинский, несмотря на все просьбы Веселаго о переводе его

на корабли, ответил отказом, понимая нужность его как специалиста в штабе флота. Лишаться столь ценного помощника он не желал. Лишь после смены командования Черноморским флотом, заручившись поддержкой командира минной бригады контр-адмирала князя Трубецкого, Веселаго все же удается вырваться на боевые корабли. В январе 1917 года он становится командиром эскадренного миноносца «Жаркий», и вскоре о его боевых походах уже начинают слагать легенды. При этом у вражеских берегов Веселаго действует столь отчаянно и дерзко, что сразу же после начала Февральской революции не слишком стремящаяся воевать команда решительно потребовала убрать от них «не в меру смелого командира, который пугает их своей решимостью». Наверное, это был единственный случай в истории нашего флота, когда командира убрали с корабля именно за высокий профессионализм и смелость. Но какие времена, такие и нравы. А потому командуемый флотом вице-адмирал Колчак от греха подальше убирает Веселаго с корабля, а так как, помимо смельчака Веселаго, никто более не брался справиться с анархизирующей командой миноносца, то и сам «Жаркий» вскоре был выведен в резерв.

Именно в этот момент Веселаго и получает телеграмму из далекого Мурманска от своего бывшего «патрона» Кетлинского с предложением служить у него. Никаких перспектив для службы на Черном море Веселаго больше не видел, возвращаться на бурлящую революцией Балтику у него никакого желания тоже не было, а потому он сразу же принимает предложение Кетлинского.

Думаю, то, что увидел Веселаго, прибыв в Мурманск, его вряд ли обрадовало. Старые корабли с донельзя изношенными механизмами, анархизирующие команды, нехватка не только офицеров, но и сколько-нибудь компетентных специалистов, дикость, отдаленность и заброшенность северного края, который еще только-только начинал обживаться, и все это на фоне ведения достаточно интенсивных боевых действий. Помимо всего этого, перед руководством укрепрайона стояла и самая главная задача — обеспечить доставку военных грузов из государств Антанты в Мурманск и их дальнейшую отправку по железной дороге в Россию. Мурманск оставался единственной связующей транспортной артерией между союзниками, и значение и порта и только что построенной на костях железной дороги было чрезвычайно велико. Ну, а помимо всего прочего, лейтенанту предстояло стать еще и дипломатом в весьма непростых взаимоотношениях с местными союзническими миссиями. Поэтому работы у только что назначенного начальника оперативной части в штабе Главного начальника мурманского укрепрайона и мурманского

отряда судов хватало с избытком

Засучив рукава, Веселаго принимается за дело и вскоре не по занимаемой должности, а реальными делами зарабатывает себе огромный авторитет в Мурманском крае, становясь весьма влиятельной самостоятельной политической фигурой. При определенных разногласиях с Кетлинским в целом внешне он всегда и во всем поддерживает своего начальника. Разногласия между двумя руководителями касались прежде всего их политической ориентации. При явном либерализме Кетлинского тот хотя бы внешне был весьма лоялен к советской власти, которую (как мы уже знаем) сразу же признал как вполне законную и был готов во имя победы в тяжелейшей войне, во имя пресечения разброда и анархии исполнять ее директивы. Веселаго же был настроен более антибольшевистски, хотя до поры до времени вынужден был не афишировать свои политические взгляды. Он слишком уважал Кетлинского, чтобы открыто выступать против проводимой им мягкой политической линии в отношении большевиков.

* * *

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «Как Кетлинскому, так и Веселаго и в голову не приходила мысль о том, что по приходе четырех эсминцев Мурманская флотилия, как по составу боевых единиц — вымпелов, так и по количественному, была достаточной для выполнения задач по защите Кольского залива и коммуникаций. Можно было бы с октября месяца 1917 года свободно прекратить действие соглашения с англичанами и попросить их удалиться. Вообще состав союзных сил был в начале Октябрьской революции весьма незначителен, который, по существу, являлся представителем во главе со старым линейным кораблем «Глори» и контр-адмиралом Кемпом. Поступление импортных грузов резко сократилось, поэтому довод о необходимости защиты этих транспортов силами союзников в значительной части отпадал. Сам Кетлинский в своем официальном докладе в Главный морской штаб о положении дел на 1 ноября 1917 года рисует неприглядную картину, без планов на улучшение. Когда я слушал этот доклад в Центромуре, то мне было как-то неловко за адмирала, в докладе красной нитью проходила мысль, что вот, мол, до меня здесь все было плохо и даже преступно, а меня прислали расхлебывать эту кашу. Оставалось впечатление безнадежности, т.к. адмирал не давал

предложений, как он думает поставить дело на должную высоту и как скоро можно будет обойтись без союзных сил в наших водах. Он говорил о недостатках в Мурманстройке, правление которого «до сих пор помещается в Петрограде и не имеет даже телефонной связи с ответственными участками строительства».

В октябре 1917 года, кроме линкора «Чесма», мы имели боеспособный крейсер «Аскольд», четыре эскадренных миноносца и несколько хороших сторожевых кораблей, которые именовались посыльными судами: «Ярославна», «Гореслава» и др. Кроме того, у нас имелись несколько десятков тральщиков и других вооруженных судов. В Англии находились на ремонте еще один крейсер, «Варяг», и два эсминца. Все же наше командирование считало эти силы недостаточными или, вернее, организованными для обеспечения безопасности без помощи союзников. Кетлинский и Веселаго, как начальник штаба Гланамура, не поняли значения такого мероприятия, как отказ от услуг иностранных морских сил.

Относительно боеспособности кораблей флотилии Северного Ледовитого океана к осени 1917 года с Бжезинским можно не согласиться.

В советское время, описывая Мурманск в 1917 году, историки непременно писали об особой, авангардной роли в происходивших там событиях матросов «Аскольда». Слов нет, аскольдовцы имели тогда на Мурмане огромный авторитет и влияние. Но были ли они настоящим авангардом социалистической революции? Увы, действительность была совершенно иной. Бациллы анархии и вседозволенности, занесенные на корабли Мурманского отряда прибывшей балтийской «братвой», быстро сделали свое дело. Пока шли нескончаемые митинги и заседали столь же нескончаемые комиссии, еще вчера вполне боеспособный крейсер с опытной командой в одно мгновение превратился в грязную посудину с бесконечно митингующей, полупьяной и ничего не желающей делать командой. Выпускник Морского инженерного училища Валериан Бжезинский, ставший впоследствии одним из руководителей морских сил СССР, в описываемое время находился в Мурманске.

По словам Бжезинского, тогдашний «Аскольд» да и остальные корабли Мурманского отряда — это уже не флот, а сброд, хищная, малообразованная, охочая до плотских развлечений толпа, чернь, от которой нет защиты.

Что касается линкора «Чесма» (бывшая «Полтава») то данный корабль был уже изрядно устаревший в годы Русско-японской войны, ко времени же Первой мировой он в реальности никакой боевой ценности уже не представлял. В силу этого обвинение Бжезинского в адрес Кетлинского, что

тот якобы из каких-то личных коварных соображений старался привлечь корабли союзников к выполнению боевых задач на Русском Севере, действительности не соответствуют. Согласитесь, что не зеленому мичману-механику было тягаться в видении оперативной обстановки на столь непросто театре военных действий как Баренцево и Белое море, в сравнении с таким опытным моряком и оперативным работником как Кетлинский.

В.Л. Бжезинский вообще в своих мемуарах откровенно недолгоблизает К.Ф. Кетлинского. Почему, остается тайной. Как мне видится, неприязнь мичмана-механика и контр-адмирала, скорее всего, была взаимной. Истоки ее лежат на поверхности. У Кетлинского, в принципе, не мог вызывать положительных эмоций только что закончивший морское инженерное училище мичман, который, манкируя своими служебными обязанностями на корабле, все время проводит в каких-то комитетах, да еще и пытается с помощью этих комитетов что-то приказывать гланамуру. Скорее всего, между Кетлинским и Бжезинским были и стычки, о которых мемуарист предусмотрительно умалчивает. Отметим при этом и столь немаловажный факт, что и Кетлинский, и Бжезинский были этническими поляками. Казалось бы, голос крови в тот момент, когда Польша уже фактически отделялась от России, должен был объединить их обоих. Но ничего подобного не произошло. Почему? Думается, только потому, что оба ставили служение России выше своей национальной принадлежности. При этом оба понимали это служение по-разному. Первый видел его в раздувании революционного пламени, второй — в укреплении порядка и дисциплины, в преодолении неизбежных революционных осложнений и доведения до логически победного конца тяжелейшей войны.

В чем еще обвиняет В.Л. Бжезинский главному? А в том, что тот денно и ночью держал руку на пульсе своего огромного и сложнейшего хозяйства, решая военные, экономические и политические проблемы, а, не бросив все это к чертовой матери, не скрывался от решения всех этих нескончаемых вопросов в море на корабле.

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «Прочитав впоследствии характеристику Кетлинского, данную морским министром Григоровичем в его мемуарах, я согласился с его основным выводом, что Кетлинский не любил моря и боялся его. С начала войны с Германией в 1914 году он занимал должность флаг-капитана штаба Черноморского флота. Кетлинский, таким образом, был руководящим лицом по планированию операций флота, и вот, по заявлению Григоровича, в течение двух лет службы он всем способами отсиживался

на берегу, даже в то время, когда штаб уходил в море. Да, мурманский адмирал не любил выходить в море и, будучи начальником отряда судов по обороне Кольского залива, ни разу не вышел на защиту его. А ведь любой командующий, естественно, должен был проверить боевую подготовку флотилии хотя бы простейшим учением. Трудно предположить, чтобы он не знал о губительном влиянии бездействия на боевую подготовку личного состава флотилии. Охрана побережья и конвоирование транспортов должны были осуществляться с максимальным использованием наших морских сил. Адмирал этого не делал и даже в такой плоскости, насколько мне известно, вопроса и не возбуждал. Правда, не хватало угля, падала воинская дисциплина, но команды кораблей, выполнявших операции, сохранялись лучше... Почему Кетлинский не сделал ни одного выхода в море? Это непонятно, непростительно и имело тягчайшие последствия».

Вообще-то Бжезинский в своих мемуарах так и не объяснил конкретно, в чем были тягчайшие последствия того, что Кетлинский не выходил в тот период в море ни на одном из кораблей. Но была ли в тот военная необходимость? Крупномасштабных боевых действий наши военно-морские силы в то время на Севере тогда не вели. Все ограничивалось лишь постановками минных заграждений и несением дозорной службы, причем эту боевую работу делали мелкие корабли — миноносцы и тральщики. Что касается «Чесмы» и «Аскольда», то они безвылазно стояли на якорях в Кольском заливе и на них непрерывно митинговали. Ну, а о том, сколько сложнейших и неотложных дел приходилось Кетлинскому решать в то время на берегу, мы уже говорили выше. Увы, если бы гланамур занимался только служебными вопросами, возможно, он и выкроил бы время выйти в море, чтобы проветрится неделю-другую в боевой обстановке, но за его спиной уже снова маячили призраки Тулона.

* * *

Дело в том, что к этому времени подали голос списанные еще в 1916 году с «Аскольда» матросы. Несмотря на все происходившие в стране грандиозные события, они, ни на минуту не забывали о тулонской трагедии и о гибели четверых сослуживцев, которые, в связи с последними революционными событиями сразу обрели ореол жертв офицерского произвола.

Сразу же после Февральской революции аскольдовцы отправили

коллективное письмо Временному правительству, в котором требовали тщательного расследования тулонских событий и поиска истинных виновников смерти четырех матросов. Скорее всего, история с трагическими событиями в Тулоне не получила бы широкой огласки, если бы не одно «но». Этим «но» оказалась отсылка более сотни недисциплинированных матросов с «Аскольда» на Балтийский флот в 1916 году. Имея в глазах остальной матросской братвы ореол участников почти кругосветного плавания, ветеранов битвы при Дарданеллах, а также «вождей» выступлений на крейсере «Аскольд», списанные аскольдовцы были в серьезном авторитете. Немудрено, что в первые же дни Февральской революции все они оказались во главе антигосударственных и антиофицерских выступлений. Именно бывшие аскольдовцы и подняли вопрос о разбирательстве обстоятельств «неправедного суда» над их дружками. Прежде всего они требовали кары виновным в этом деле офицерам. Думается, поднимали бывшие аскольдовцы этот вопрос не только потому, что им было так сильно жалко расстрелянных, а потому, что «тулонское дело», происшедшее в далеком августе 1916 года, давало им возможность причислить себя к революционером с дореволюционным стажем, т.е. первыми, выступившими на борьбу с царизмом. А потому об этом следовало все время напоминать окружающим. Это давало серьезные политические дивиденды, возможность избираться в различные комитеты и делать хорошую «революционную карьеру».

Так как с матросами в ту пору шутки были плохи, не желая лишних осложнений, Керенский немедленно создал специальную следственную комиссию по делу «Аскольда».

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «Кетлинский, предоставив предварительно возможность всем обвиняемым остаться за границей, присоединился к требованию старых аскольдовцев о расследовании тулонского дела. В результате обращения в Главный морской штаб 12 июня 1917 года была создана особая следственная комиссия под председательством товарища прокурора Лесниченко И.Т. в составе инженер-механика, капитана 1-го ранга Воробьева и корпуса корабельных инженеров капитана Поздюнина Комиссия назначалась для расследования злоупотреблений на крейсере «Аскольд». Она начала работу в Петрограде, а в конце июня вела следствие в Мурманске».

При этом изначально собранные этой комиссией материалы имели направленность обвинить в организации взрыва офицерство, прежде всего Быстроумова и Петерсена с кондуктором Мухиным. При этом матросы не

отрицали возможности диверсии со стороны подкупленных немцами офицеров. В «доказательство» приводились иностранные фамилии, например, Ланд Петерсен, а также германофильство других.

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «Многие матросы хорошо анализировали обвинительное заключение, составленное Найденовым, которое основывалось на предположении, что связь со злоумышленниками на берегу поддерживал комендор Андреев, а само наличие подкупа основывалось на словах пьяного матроса Ляпкова о том, что ему кто-то предлагал 25 000 рублей или франков. Однако суд этих лиц не признал виновными, также были оправданы Бессонов, Терлеев и Сафонов. Наши «юристы» очень толково доказывали, что суд, оправдав этих лиц, доказал невиновность остальных, т.к. четверо, вырванные из схемы Найденова, сводили к нулю всю паутину обвинения. Наиболее убедительными были доводы близких друзей расстрелянных, которые многие годы совместно работали и жили с ними. Так, например, против Бешенцева были показания заведующего судовой лавкой Калиновского, показывающего, что Бешенцев за некоторое время до взрыва купил у него фитиль для зажигалки длиной более 2 метров и якобы за истекшее время он не мог использовать его в полном размере. Это было тяжкое обвинение, ибо такой шнур мог быть применен для поджога патрона. Заявление Бешенцева о том, что часть шнура он передал команде, отправленной с первым этапом в Архангельск, не было признано судом, т.к. кондуктор, сопровождавший партию в пределах французской территории, заявил, что он не видел, чтобы кто-либо им пользовался. Возвратившиеся после революции из ссылки матросы, не зная показаний на суде, рассказывали, о подарке Бешенцева, опровергая тем самым единственный изобличающий материал против Бешенцева. Многие из приведенных выше данных носят несерьезный характер, как, например, изречения пьяного Бирюкова, который не помнил, что говорил. Однако этот материал был единственным, который оказался достаточным, чтобы расстрелять человека. Оставалось еще одно «веское» показание, послужившее обоснованием приговора суда в отношении Захарова и Шестакова. Это показание Ливийского — штрафника, прислуживающего кондукторам, которого незадолго до взрыва Захаров изобличил в воровстве и выдал его команде. Последняя расправилась с ним своим судом, после которого Ливийский лежал в лазарете. Его показание, подкрепленное матросом Редикюльцевым, позволило следствию установить, что дневальные Захаров и Шестаков во время взрыва отсиживались в наиболее безопасном месте, уйдя со своих постов. Формулировки показаний Ливийского и

Редикюльцева сохранились и ни в коем случае не являются изобличающими. Слова Ливийского приводились ранее, а Редикюльцев заявил, что около 3 часов ночи он был в гальюне и видел там матросов с повязками дневальных, причем свидетель отказался подтвердить, что это были обвиняемые. На крейсере насчитывалось около 30 матросов с повязками, отсюда ясна ценность такого показания, которое все же было принято судом как изобличающее Захаров числился хозяином погреба, но фактически ему поручали только подметать его и содержать в чистоте. Действительным хозяином был кондуктор Мухин. Поддельный ключ от двери погреба фигурировал на суде в качестве вещественного доказательства, но его обнаружил Мухин, который, по мнению многих из команды, был автором взрыва и мог вынуть его из кармана, т.к. он первый и один попал в выгородку после пожара, при этом комендор Грузденко добавляет, что старший офицер Быстроумов обратил внимание Мухина, спускавшегося в люк, что в погребе на ящике лежат три ударные трубки. Вот таковы, в основном, показания, данные матросами в их заявлениях после революции. Только Карпов, машинист, один из репрессированных, более развитый, чем большинство команды, по убеждению близкий к эсерам, описал, что машинист Жилкин, который во время взрыва находился на посту часовым у денежного ящика, рассказал ему. После взрыва к нему подошел инженер-механик Петерсен и спросил: «Ты кого видел, кто здесь проходил на корму?» Жилкин ответил, что видел час тому назад его, Быстроумова и Мухина, тогда Петерсен сказал: «Молчи и никому этого не говори, а то будешь убит!» Жилкина после взрыва несколько раз вызывали к Петерсену и под угрозой револьвера требовали: «Молчи, не болтай, будешь убит!» Жилкин находился под начальством Петерсена, боялся его и проявил слабость, сказав на суде, что слышал слабый звук вроде револьверного выстрела, и ничего к этому не добавил. Однако этот же Жилкин не сознался и после революции, что Карпов объяснял боязнь, т.к. команда могла совершить самосуд над ним; если бы он сказал все, что знал, то мог бы спасти жизнь приговоренных к смерти. Карпов все это изложил в своем заявлении уже после отъезда Жилкина с крейсера по болезни. Таким образом, можно сказать, что доводы команды логически оправдывали обвиненных судом Особой комиссией четырех аскольдовцев, но виновность офицерами вещественно не доказывается».

В ответ на это Кетлинский и ряд офицеров заявляли, что организаторами взрыва, наоборот, являются матросы, которые были подкуплены германскими агентами. При этом командир «Аскольда» ссылался на примеры подобных диверсий во французском флоте, а также

на взрыв в Севастополе линкора «Императрица Мария», произошедшего в октябре того же, 1916 года.

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «В этой комиссии, известной под названием «Комиссии Лесниченко», были собраны все письменные заявления команды и документальные данные как Тулонского суда, так и ремонта крейсера, а также сняты допросы со многих заинтересованных причастных лиц, включая самого Кетлинского. В июле 1917 года в церковной палубе крейсера было организовано общее собрание команды, на котором происходил разбор дела, но существу суд над офицерами, где было много трагикомического. Кетлинский выступал в парадной форме капитана 1-го ранга, в мундире, при погонах и золотом оружии, которым он был награжден в Черном море. Он стоял сбоку стола президиума и имел внушительный вид. Говорил Кетлинский обдуманно и уверенно, он образно представил впечатление о корабле во время его назначения командиром и нарисовал задачи, которые ставил перед собой, и, призывая в свидетели команду, подчеркнул свои достижения и заслуги в отношении улучшения быта команды и культурного развития. Привел пример своей требовательности и даже придирчивости к офицерам, повышение боеспособности корабля, готового для защиты завоеваний революции от врага нашей родины — германцев. Несколько раз он с ораторским искусством обращался к собранию с вопросом; «Разве это не так? Вы сами были свидетелями». Из общего количества более 500 человек экипажа старых аскольдовцев насчитывалось не более половины, и, главное, что из этого остатка большинство относилось пассивно к тулонскому событию по различным причинам. Если полагаться на память, по моему мнению, группа «непримиримых», которая требовала отщепенства за погибших и пострадавших насчитывала несколько десятков человек, из них некоторые имели претензии персонально к Кетлинскому.

Уже в самом начале собрания «непримиримые» подавали голоса с места, требуя ответа, за что расстреляли невинных людей. Однако эти выкрики сдерживались шиканьем большинства, расположенного положительно к словам Кетлинского. В отношении тулонского инцидента последний стал в положение человека, уверенного в виновности осужденных, и с точки зрения самозащиты, конечно, поступил верно. Он сослался на то, что приехал и принял корабль, когда следствие было закончено и формировался состав судна. О телеграмме Григоровича и предложении префекта Тулона Кетлинский умолчал, наоборот, он сослался на директиву, полученную при назначении командиром крейсера, из

которой следовало, что если бы он не утвердил приговор, то это сделало бы, начальство. «Мне предстояло подтвердить приговор. Я над ним продумал всю ночь. Будучи всю жизнь против смертной казни, я не без мучительных колебаний принял это решение. Но дело было слишком ясно: люди, которые решились взорвать крейсер, на котором мирно спали 500 человек их же товарищей, не могли действовать по политическим убеждениям; это — звери, которые взялись за свой гнусный поступок за деньги. Я знаю, например, что в Германии подговорили одного нашего революционера, пленного, организовать взрыв дредноута «Императрица Мария». Он согласился, получил деньги и адрес помощников в России, приехал в Севастополь и там выдал германские замыслы. Одновременно с «Аскольдом» была попытка взорвать французский крейсер «Кассини» также взрывом погреба. При словах, что осужденные — это звери, убийцы, «непримиримые» подняли такой шум, что председатель прервал оратора и с трудом установил порядок. Кричали: «Что это, Бешенцев — зверь? Царский приспешник? — и вполголоса добавляли: — Болт бы тебе в глотку!» Однако это были одиночные выкрики, и шум поднялся больше из-за того, что громадное большинство поддерживало командира и унимало «непримиримых». Отвечая на вопрос «А кто из них сознался?», Кетлинский подтвердил, что никто не сознался, если не считать заявления отца Петра о том, что на исповеди Шестаков отвечал одними словами: «Грешен батюшка!» На вопрос об очной ставке Кетлинский рассказал, что после суда осужденные попросили встречи с матросом Княжевым. «Я дал разрешение, — заявил командир, — и присутствовал при этом совместно с судебным священником Антоновым. Осужденные говорили Княжеву: «Княжев, сознайся, что это ты сделал!» Княжев ответил, что он тут ни при чем». По мнению Кетлинского, они больше говорили глазами, чем словами. Что значил этот разговор, он не понял. «Уверяю вас, — закончил Кетлинский, — что утверждение приговора было чистой формальностью. Судьба осужденных была решена судом, действовавшим, конечно, под некоторым влиянием Найденова. Списание 109 человек в Архангельск было решено до меня, и разбираться персонально о причинах высылки каждого из них я не мог. Вспомните, как много было работы по ускорению ремонта и, главное, организации службы по новому. Мне надо было как можно скорее очистить корабль от «прошлого» и успокоить личный состав».

При голосовании «виновен или нет» громадное большинство признало Кетлинского невиновным. Так закончилось разбирательство дела о Кетлинском У меня осталось впечатление, что в стычках большей части

команды нового состава с группой «непримиримых» из старого состава было много личного. Неприми́римо выступал машинист Карпов, пространно нарисовав историю взрыва и сваливая всю вину на офицерство, Карпов часто называл себя старым аскольдовцем, противопоставляя себя новым пополнениям, и последние за это его недолюбливали.

Перешли к «чистке» остального состава офицерства. Основные виновники репрессий — Петерсен, Быстроумов, Корнилов, Ландсберг и Шульгин — остались за границей, а такие, как Гунин, Булашевич, Кршимовский, Майумский, Штайер и др., прошли благополучно. Особая симпатия команды выпала на долю врача, и антипатия — к «батюшке», который еще утром пытался удрать с корабля в одежде матроса, но был задержан вахтенным... Унтер-офицер Григорьев напомнил Антонову, как при возвращении с казни последний обратился к нему с упреком «Слабоват ты, когда пришлось расстреливать, оказался, как баба, упал в обморок!» Другие напомнили, что перед самой казнью Антонов вторично предложил осужденным исповедоваться, уговаривая: «Сознайтесь, легче будет на душе!» В общем, священнику Антонову было предъявлено много счетов, и ему бы несдобровать, если бы не обеденный перерыв. Судовой комитет предложил списать Антонова с корабля и выдать ему удостоверение о том, что он, поп-расстрига, не достоин быть руководителем паствы, даже учителем — ему нельзя разрешить воспитывать детей, а только землю пахать: «Пусть за сохой ходит!»

На этом же собрании было принято предложение обратиться в Генеральный морской штаб с требованием командировать делегацию в Тулон и перевезти останки расстрелянных матросов в Россию, а также много говорилось о некачественности ремонта и особенно о разгулах кондукторов и фельдфебелей во Франции.

В целом комиссия Лесниченко пользовалась теми же материалами, которые объяснял взрыв происками немецких шпионов, однако в показаниях бывшего старшего офицера Быстроумова и некоторых других офицеров прибавились намеки на то, что к взрыву были причастны пораженцы — ленинцы... Впрочем, не стоит забывать, что комиссия Лесниченко проводила следствие в период господства Керенского и ожесточенной борьбы Временного правительства с большевиками летом 1917 года.

В рамках работы комиссии был допрошен и возвращенный из-за границы капитан 2-го ранга Быстроумов, который сообщил комиссии, что в Лондоне в апреле 1917 года русские социалисты, приезжавшие на крейсер, открыто заявляли, что взрыв на Аскольде в 1916 году — это результат их

пропаганды. При этом Быстроумов утверждал, что еще во Франции он высказывал предположение о том, что пораженцы-большевики, выбрали из среды матросов нескольких, склонных к анархизму и с их помощью произвели попытку взорвать крейсер.

Следственная комиссия так и не вынесла никакого решения. Причиной такого финала ее работы стало то, что члены комиссии не нашли никакого обвинительного материала против Кетлинского и других офицеров крейсера, а во-вторых, этому помешал октябрьский переворот, в результате которого к власти в Петрограде пришли большевики, а потому комиссия, назначенная распоряжением Керенского сразу же самоликвидировалась.

Не удовлетворившись деятельностью комиссии, Лесниченко в августе 1917 года из Кронштадта в Мурманск прибыла новая группа бывших аскольдовцев. Очередное расследование возглавил уже бывший унтер-офицер «Аскольда» анархист С.Л. Самохин. Любопытно, что в советское время его задним числом «переписали» в большевики. Новая комиссия провела уже свое собственное «революционное матросское расследование», имея целью организовать «революционный суд» над Кетлинским. Однако быстро провести суд над командиром крейсера у матросов не получилось. Вначале Кетлинский отсутствовал в Мурманске, т.к. находился в отпуске, а затем, сразу же после назначения главнамуrom был вызван в Петроград, в Главный морской штаб для получения инструкций по исполнению своей новой должности, а также для доклада по вопросу о событиях в Тулоне. Тайна неудавшегося взрыва «Аскольда» продолжала волновать не только команду «Аскольда», но и новое руководство Морского министерства. А потому морской министр Вердеревский желал получить информацию о тулонских событиях из первых рук. Впрочем, вполне возможно, что и Самохин, учитывая неплохие его личные отношения с Кетлинским и прекрасно зная всю подноготную «тулонского дела», не слишком и торопился с созывом очередного суда над бывшим командиром. Тем временем Россия уже замерла в преддверии очередной революции.

Глава четырнадцатая. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ — ЗА ИЛИ ПРОТИВ?

В конце октября в Петрограде в результате очередной, на этот раз уже социалистической революции в Петрограде, к власти в стране пришли большевики. В провинции и на окраинах России на это реагировали по-разному.

Из воспоминаний В.Л. Бжезинского: «В начале Октябрьской революции мне пришлось работать с адмиралом (имеется в виду Кетлинский. — В.Ш.) в Совещании, о чем я уже сообщал, там он боролся за развитие новых начал, но был весьма осторожен в политических выводах, он не знал или еще не решил, кто победит. Известно, что адмирал, получив в последних числах октября директиву Керенского, загнанного в Гатчину, арестовывать большевистских комиссаров, дал соответствующее распоряжение по всему Мурманскому краю. На флоте и в городе это распоряжение не вызвало ни вспышки активности приверженцев Временного правительства Керенского или каких-либо репрессий, ни должного отпора со стороны сторонников советской власти. Совет, Центромур и все судовые комитеты подшили телеграмму Кетлинского—Аверочкина (так в документе, правильно Аверченко. — В.Ш.) к делу, заняв, по существу, выжидательную позицию. По-видимому, то же произошло и по линии железной дороги. В Мурманске в то время, как и в 1918 г., не было партийной организации большевиков, а отдельные товарищи, разделявшие партийную программу, не почувствовали реальной опасности в этой директиве, до них, так сказать, не дошло ее политическое значение... Кетлинский в частной беседе объяснил свой поступок военной дисциплиной — выполнением распоряжения командирования. «Я ведь военный работник, а не политический деятель, который может вести политику за или против правительства — я всегда «за». Если говорить о моем личном убеждении, то оно заключается в сохранении во что бы то ни стало боеспособности флота для России, которую надо защищать от немцев до победного конца».

Последовавшее вскоре известие о большевистском перевороте в Петрограде в Мурманске восприняли в целом спокойно, так как к правительству Керенского отношение было негативное. Однако на всякий

случай до прояснения ситуации в столице Кетлинский временно передал всю служебную документацию на хранение на английский броненосец «Глория».

Вопрос отношения Кетлинского с советской властью — один из самых темных в его биографии. Если верить исключительно фактам, то уже в дни октябрьского переворота Кетлинский сразу же без всяких оговорок объявляет о своем подчинении власти Второго Всероссийского съезда Советов и начинает налаживать взаимодействие с местными демократическими организациями, которые, в свою очередь, также сразу признали его авторитет и предложили свое сотрудничество.

Из воспоминаний члена Мурманского ревкома Совета рабочих и солдатских депутатов комиссара Т.Д. Аверченко:

«Уже 26 октября главному, контр-адмирал Кетлинский послал телеграммы всем Советам, комитетам и всем лицам администрации Мурманского района:

а) объявление о том, что он со всеми ему подчиненными лицами, учреждениями подчиняется той власти, которая установлена Всероссийским Съездом Советов рабочих и солдатских депутатов;

б) приказание всем исполнять свои служебные обязанности впредь до распоряжения нового правительства.

29 октября судовой комитет крейсера «Аскольд» заявил, что судовой комитет и команда стоят на стороне власти Советов, и что такое свое решение будет поддерживаться всеми имеющимися средствами».

Приведенные выше документы говорят совершенно четко и определенно, что установление власти Советов мурманские массовые организации не только одобрили и приветствовали, но и были готовы защищать, и что их поддерживает народ — рабочие и матросы.

27 октября при Мурманском Совете был создан Ревком, председатель — большевик А. Сковородин, секретарь — Федоров, но через несколько дней Ревком был создан на основе представительства от всех групп населения Мурманска: от военных моряков на кораблях выбирали в Ревком 3 представителей. 1 ноября 1917 года состоялись выборы Ревкома. От моряков был избран аскольдовец В.Ф. Полухина (заочно, он был в это время в Петрограде). Ревком полностью контролировал работу штаба гланамура, и контр-адмирал К. Кетлинский во всем сотрудничал с Ревкомом».

Думаю, что в столь быстром признании власти нового правительства сыграло и происхождение Кетлинского. Как бы то ни было, но он все равно оставался поляком, а значит, не был настолько привязан к институту

русской монархии, как его коллеги великороссы.

Мурманский историк П.В. Федоров пишет «В этой должности (должности главначура. — *В.Ш.*) К.Ф. Кетлинский встретил известие о свержении Временного правительства. Возникший после признания центральной советской власти компромисс главначура с местными демократическими организациями представляет собой довольно редкую для России того периода модель организации местной власти. Даже существует мнение, что в своем политическом развитии Мурманский Север пошел по так называемому «третьему пути», представлявшему собой мирную, бескровную альтернативу раздававшимся в России экстремистским призывам как справа, так и слева. Компромисс нашел оформление в совместном воззвании К.Ф. Кетлинского с Мурманским ревкомом от 4 ноября 1917 года, в котором выдвигались требования «немедленного прекращения братоубийственной борьбы за власть и образование сильной центральной всенародной власти», а также скорейшего заключения «демократического мира при обязательном условии тесного единения с союзниками».

Что и говорить, позиция Кетлинского была в той, далеко непростой обстановке весьма взвешенной и достаточно реалистичной. Впрочем, сразу же после революционных октябрьских событий Кетлинский на всякий случай передал всю служебную документацию на прибывший в Мурманск английский линейный корабль «Глория».

Первый председатель Мурманского центрочура В.Л. Бжезинский писал, что Кетлинский, хотя и признал «под давлением народных настроений» советскую власть, «тем не менее проводил «свою» политику», «не препятствовал контрреволюционному шабашу эсеров и меньшевиков, которые проникли в Мурманский совет». Прямо противоположно оценивал Кетлинского преемник Бжезинского на должности председателя Центрочура матрос Самохин, считавший, что «все общественные организации смотрели на него (Кетлинского. — *В.Ш.*) не как на адмирала, а как на единственного нашего общего сотрудника для блага России». Вот и попробуй разберись, как на самом деле относился к советской власти Кетлинский. Но обратимся к его реальным поступкам и делам. 23 ноября 1917 года в своем докладе «Состояние Мурманского укрепленного района и отряда судов в ноябре 1917 года» он официально сформулировал свои подходы к управлению Мурманским краем, полагая прежде всего необходимым сближение военного и гражданского аппарата власти и ее полную централизацию. Кетлинский считал: «Организация управления Мурманским краем... должна быть основана на единстве и полной мочи

местной власти, что и достигнуто в настоящее время положением о Главном начальнике Мурмана. Эта организация, колониального типа, должна быть сохранена и после заключения мира до тех пор, пока край не колонизируется и не разовьется настолько, что сможет перейти к общегосударственному типу управления. В настоящее время для достижения ближайших задач я намечаю организацию полноценных управлений: 1) перегрузок, 2) военной охраны границы, дороги и грузов, 3) отряда судов и базирования его, 4) по гражданским делам, 5) отдела снабжения и продовольствия, 6) постройки города, 7) по санитарным вопросам и 8) по вопросам изучения естественных богатств и их использования... Выполнение этого плана требует привлечения хороших культурных работников, что достижимо только при создании подходящей обстановки существования и работы — условий денежных, жилищных, культурно-бытовых... Поэтому я всячески стараюсь привлечь в работе управления краем тех людей, которые намереваются обосноваться на Мурмане. Особенно мне представляется желательными люди семейные, которые осядут здесь на долгое время, может быть, на всю жизнь».

Супруга самого К.Ф. Кетлинского также активно включилась в общественную и просветительскую работу в городе.

* * *

Необходимо отметить, что Кетлинский мыслил действительно масштабно и жил не одним днем, а старался смотреть и в будущее. К примеру, его весьма интересовало экономическое будущее Кольского полуострова. Так по поручению Кетлинского, инженер Цинзерлинг произвел обследование пригодной для земледелия земли в районе Кольского залива, от реки Печенги до норвежских пределов, а кроме этого, по реке Туломе до Нотоозера. Помимо этого Кетлинский надеялся в недалеком будущем начать строительство в Мурманском крае различных промышленных предприятий, так как заселение края шло в то время весьма интенсивно. Главным достоинством Мурманска же он по праву считал его незамерзающий порт.

По докладам председателя Центромюра Самохина, контр-адмирал Кетлинский был убежденным противником господства частного капитала в экономике края. В основополагающей отрасли края — рыболовстве, он считал необходимым создавать товарищеские артели с привлечением государственного кредита. Говоря другими словами, в плане развития

экономики Кетлинский находился на твердых социалистических позициях. Это серьезный аргумент в пользу того, что контр-адмирал не был «непримиримым, но замаскировавшимся противником советской власти». Хотя определенное и недоверие, и непонимание к ней он, вне всяких сомнений испытывал.

Однако до серьезных мирных преобразования края было еще далеко. Пока надо было прежде всего решать вопросы политического устройства.

Впрочем, и здесь Кетлинский повел себя весьма не типично для большинства представителей генералитета того времени. Сразу же безоговорочно признав Второй Всероссийский съезд Советов и избранное им правительство, он в своем приказе от 30 октября 1917 года обнародует телеграммы Керенского и генерала Духонина с призывом не подчиняться советской власти. Однако это обнародование было сопровождено его указаниями на то, что вся полнота власти на Кольском полуострове принадлежит исключительно Ревкому и главнамуру, которые действуют в полном согласии и тесном контакте, и недопустимости вносить «дезорганизацию в ход нормальной работы или вызывать народные волнения». Если Кетлинский был против новой власти, то почему же он тогда фактически открыто встал на ее защиту, по сути дела, сжигая своими указаниями о сохранении верности советской власти за собой все мосты?

Да и призывы Керенского и Духонина контр-адмирал приказал опубликовать, скорее, с целью предупреждения возможных нежелательных инцидентов, чем для их пропаганды.

Одновременно Кетлинский выступил сторонником уставного порядка и строгой дисциплины, что было встречено привыкшей за последние месяцы к анархии матросской массой весьма неоднозначно. Как писал известный мурманский краевед И.Ф. Ушаков: «Кетлинский решительно боролся с расхлябанностью, дезорганизацией управления, пьянством и другими недугами — наследием Февральской революции и нравственного падения значительной части пришлого населения. Многим Кетлинский не нравился. Многие видели в нем скрытого врага нового строя, двурушника или просто считали его классово ненадежным деятелем».

Здесь все логично. Да, Кетлинский признал новую советскую власть, понимая, что сейчас России необходимо хоть какая-то, но все-таки власть, а не безвластие. Именно поэтому он негативно относился к такой заразе, как матросский анархизм, распространившийся тогда по всем флотам и кораблям. Борьба за дисциплину, разумеется, популярности среди анархистствующей «братвы» не прибавляла, а вот ненависть и озлобленность наоборот.

Сразу же после первых известий о большевистском перевороте в Петрограде Кетлинский посылает туда своего ближайшего помощника, старшего лейтенанта Г. Веселаго. Тот должен был доставить руководству морского ведомства его доклад «Состояние Мурманской железной дороги к октябрю 1917 г.», в котором был дан полный анализ политической и экономической ситуации в Мурманском крае, а также высказаны предложения на перспективу. В докладе Кетлинский, в частности, писал: «В обстановке великой европейской войны мурманский путь, состоящий из морской части (от норвежских нейтральных вод до Мурманска) и железной дороги (от Мурманска до узловой станции Званка), был единственный, кроме длинного и перегруженного сибирского, круглый год связывавший Россию с союзными странами. Чрезвычайная важность его в зимнее время, когда замерзает Белое море и прерывается поэтому архангельский путь, весьма значительна и в летнюю пору». Кроме этого Веселаго должен был разобраться в политической ситуации в столице и информировать главному о ней.

Из воспоминаний Г. Веселаго: «Прибыв 29 ноября в Петроград, я предпринял ряд поступков в различных отделах Морского и Военного министерств по всем тем вопросам, которые изложены были в докладе контр-адмирала Кетлинского, привезенном мною и цитированном отчасти выше. Однако в это время положение было уже так плохо, что самые обычные дела требовали чрезвычайных усилий. «Кое-как работают только Морское и Военное министерства, — доносил я адмиралу Кетлинскому в телеграмме от 2 декабря, — остальные учреждения бездействуют. Некоторые, например, управление Кандаурова (Главное управление по сооружению железных дорог), заняты Красной гвардией. Настроение тревожное: на уличных митингах распространяются самые нелепые слухи. Телефон, трамваи фактически не работают. Предусмотреть, в каком направлении развернутся события, особенно в связи с переговорами в Бресте, еще невозможно. Говорю все это только, чтобы было понятно, какова обстановка, в которой приходится действовать». Телеграфировать все это (имеется в виду неразбериха и хаос в столице. — *В.Ш.*) контр-адмиралу Кетлинскому не было возможности из-за большевистской цензуры. Приходилось ограничиваться намеками. 22 декабря я телеграфировал, что «оказываюсь вынужденным решать вопросы, всю важность которых я так тщетно стремлюсь объяснить поневоле только общими выражениями». Вследствие того, что таким образом адмирал не мог по моим телеграммам ясно увидеть истинную природу встававших передо мною вопросов, о которых, не побывав в Петрограде, тогда

невозможно было на Мурмане догадаться даже приблизительно, я не мог получить своевременно точных его указаний. Однако адмирал телеграфировал мне все же разрешение действовать, сообразуясь с обстановкой, по моему усмотрению. Письмо же мое от 3 января, в котором говорилось об уже сделанных мною шагах, адмирал получил лишь тогда, когда я со дня на день должен был выехать в Мурманск.

Как видно из этого письма, шаги, предпринятые мною на свой страх, были двоякого рода: 1) самостоятельные сношения с английским посольством, в частности, с г. Линдлеем, через тогдашнего морского агента, впоследствии убитого большевиками, капитана 1-го ранга Кроми и английского старшего лейтенанта Пунье и 2) переговоры с членами северной секции Совета мелиоративных съездов, через которых я предполагал возможным наладить связь между контр-адмиралом Кетлинским и группой сибирских деятелей; последние, как я тогда узнал, в это время нелегально подготавливали организацию областного правительства. Сношения с англичанами обнаружили, что в этот момент они были склонны совершенно покинуть Россию, сохранив с нею лишь формальную связь; по-видимому, даже обсуждался вопрос об уходе из Архангельска и Мурманска их кораблей, находившихся там. В эту минуту, когда у всех «формально власть имущих» уже опускались руки, я признал своим долгом посылить содействовать делу будущего воссоединения и возрождения России в пределах того клочка земли и в том узком круге государственных, однако, интересов, с которым оказался связанным.

Учитывая, что «образование центральной государственной власти мало вероятно в ближайшее время», что страна, вероятно, будет жить краевым управлением (телеграфный разговор по прямому проводу Петроград—Александровск между мною и С.П. Матюшенко, исполняющим дела начальника военно-сухопутной части штаба, 31 декабря), я полагал не только возможным для Севера России создание такого совместно с Сибирью, но считал содействие осуществлению этого необходимым; тем более что в это время уже возникли «предложения об изъятии Мурмана из ведения Морского министерства, уничтожении нынешней организации управления краем» (тот же телеграфный разговор). Если бы это предположение осуществилось и не было бы вскоре организовано какое-либо областное управление, о чем в это время уже говорили среди северян и сибиряков, Мурман оказался бы «без головы», и это в то время, когда немцы, а за ними и финны не скрывали уже своих давнишних захватных намерений. «Это-то, т.е. «сношения с англичанами» и «общественными деятелями Севера» в связи с «необходимостью принять

меры по обеспечению будущности Мурманского края ввиду явных притязаний немцев и того, что о нем здесь никто не думает», — как говорил я по прямому проводу вечером 31 декабря, — это-то и было тогдашней моей главной работой». Все, что я делал в этом направлении, я делал с ведома начальника Морского генерального штаба капитана 1-го ранга Беренса и его помощника, капитана 1-го ранга Гончарова, прямых начальников моего адмирала».

Как видно из воспоминаний Г. Веселаго и приведенных им документов, он действительно был озабочен тем, чтобы развернуть в Мурманском крае антибольшевистскую борьбу. Для этого Веселаго предпринимал и определенные шаги. Однако, совершенно очевидно, и сам Веселаго это подчеркивает, что в этом вопросе он действовал исключительно на свой страх и риск, не ставя в известность о своей деятельности Кетлинского и не имея от него на это никаких полномочий. Обходит молчанием в своих воспоминаниях Г. Веселаго и позицию самого Кетлинского по данному вопросу. А потому говорить о неких тайных замыслах главнамура по отторжению Мурманского края от центральной власти и о конфронтации с ней не имеет никакого смысла. У нас на этот счет нет ни документов, ни даже заслуживающих доверия свидетельств современников.

Союз бывшего царского офицера и советских организаций на Мурмане до сих пор вызывает недоумение среди сторонников классовой трактовки истории, не терпящей компромиссов противоборствующих классов. Один из них, к примеру, ленинградский профессор НА Корнатовский, назвал ситуацию, сложившуюся на Мурмане, «несмываемой печатью мурманской специфичности». В действиях главнамура стали искать подвох, «скрытый маневр»: мол, Кетлинский только на словах признал советскую власть, чтобы затем исподволь готовить силы для борьбы против нее. Одним из главных «аргументов» такой позиции в многочисленных научных трудах, посвященных истории установления советской власти на Мурмане, объявлялась негативная роль Кетлинского в «тулонском деле». Хотя никакой взаимосвязи между действиями Кетлинского в Тулоне и в Мурманске после октября 1917 года не усматриваю.

* * *

Казалось бы, что уж теперь никому не будет дела до не столь уж значительных и уже достаточно отдаленных по времени событий в Тулоне.

Но бывшие аскольдовцы ничего не забыли и снова, пользуясь своим авторитетом среди матросской массы, подняли вопрос о заслуженном возмездии виновникам казни их четырех дружков.

Уже 29 ноября 1917 года вопрос о виновности Кетлинского перед «делом революции» был поставлен на объединенном заседании Совета и Центромюра, но и здесь почему-то дело дальше общего обсуждения не пошло. При этом представители команды крейсера неожиданно выступили в защиту своего бывшего командира. Возможно, из-за каких-то разногласий среди собравшихся, «тулонское дело» заслонили другие, куда более насущные вопросы. Но и на этом дело о попытке взрыва на крейсере «Аскольд» себя не исчерпало. И большинством голосов он был оставлен в должности.

20 декабря Кетлинский был вынужден снова давать объяснения на общем собрании команды «Аскольда», превращенном в настоящее судилище над бывшим командиром. К большому сожалению, никаких материалов и протоколов этого суда не сохранилось. Впрочем, вполне возможно, что никаких материалов и не было, т.к. никто ничего не протоколировал, а сам суд вылился в полудопрос-полумитинг. При этом Кетлинский признал свою вину, но только в том, что не заменил диверсантам расстрел каторгой. Известно лишь то, что команда корабля всесторонне обсудила все обвинения в адрес Кетлинского и, в конечном счете, оправдала его. Это весьма показательно, ведь группа Самохина проделала весь неблизкий путь от Кронштадта до Мурманска именно для того, чтобы покарать всех участников расследования и суда и, в первую очередь, утвердившего смертельный приговор командира, а вовсе не для того, чтобы его оправдывать. Поэтому факт оправдания Кетлинского бывшими аскольдовцами дорогого стоит. Прежде всего это говорит о том, что командир имел реальный авторитет на крейсере и пользовался уважением матросов. Во-вторых, это говорит о том, что он умело защищался и привел такие доводы, которые убедили даже изначально враждебно настроенных к нему самохинцев. Впрочем, сам факт оправдания Кетлинского вовсе не говорит о том, что все матросы «Аскольда» были на его стороне. По-видимому, судьба командира корабля решалась так, как вообще в то время решались многие дела; общим открытым голосованием. В результате этого большинство команды проголосовало за его оправдание, выразив тем самым свое доверие Кетлинскому, как командиру и как человеку. Однако недовольные таким поворотом дела на корабле, разумеется, остались. Пока они вынуждены признать силу большинства, но это вовсе не значило, что они смирились.

По свидетельству очевидцев, на этом разбирательстве Кетлинский, якобы заплакав, заявил во всеуслышание: «Сейчас в России совершился переворот в пользу власти Советов. Я лично с сегодняшнего дня целиком отдаю себя на дело революции, и все мои знания, которые имею...». Такого матросам от адмиралов слышать еще не приходилось. Слова контр-адмирала произвели на матросов большое впечатление, и они полностью оправдали Кетлинского, освободили его из-под ареста, восстановив в должности главному мур.

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «Проходило время, результаты следствия комиссии Лесниченко не были известны команде крейсера «Аскольд». Комиссия окончила свое существование, не удовлетворив требование старых аскольдовцев о привлечении к ответственности офицеров крейсера за тулонские события. Отпускники стали возвращаться на корабль и требовали от Самохина — председателя Центромур — суда над Кетлинским. Интересна в этом отношении линия поведения Самохина. При возвращении на корабль из флотилии Чудского озера, куда он попал после списания с «Аскольда» в 1916 года, Самохин был одним из активных защитников пострадавших в Тулоне и сосредоточил огонь по Кетлинскому, хотя он с ним не служил и его не знал. Самохин был кочегарным унтер-офицером, а ведал на корабле котельным хозяйством. В практических вопросах по службе я часто советовался с ним, и мы нашли общий язык инженера и практика, а самое главное, контакт офицера — командира роты с недавним нижним чином — «духом». В конце 1917 года в Центромуре Самохин часто соприкасался с Кетлинским, и я видел, что он привыкает к адмиралу. В тесном кругу «непримиримых» у него проскальзывало сомнение: «А кого пришлют взамен? Кетлинский хотя и грешен, но все же толковый адмирал!» Самохин был выбран председателем Центромур в середине ноября и сразу же начал вести борьбу с Кетлинским, добиваясь контроля за его деятельностью. Адмирал не поддавался и держал на почтительном расстоянии от себя командруемых Центромуром контролеров и комиссии. Наконец, в последних числах ноября было организовано собрание исполнительных комитетов Центромур и городского Совета, на котором Самохин поставил вопрос об учреждении комиссаров на руководящих постах и о гланамуре.

Были высказаны основные положения о правах и обязанностях комиссаров, согласно которым, приказы гланамура считались действительными только при наличии подписи комиссара.

Таким путем Самохин добился возможности контролировать

Кетлинского... Совет и Центромур поддержали престиж Кетлинского, но назначили к нему двух комиссаров: военного и гражданского. Однако после заседания осталось впечатление, что, кроме вражды со стороны непримиримых аскольдовцев накапливаются новые противники адмирала...»

* * *

Тем временем и оставшиеся в Кронштадте аскольдовцы, не вошедшие в группу Самохина, стали требовать нового разбирательства с Кетлинским, т.к. итог работы самохинцев их никак не устраивал, «тулонское дело» все больше и больше напоминало театр абсурда, представления в котором никогда не закончатся. Понимал ли сам Кетлинский, что все бесконечные комиссии и расследования имеют целью добиться, чтобы, помимо пролитой матросской крови, была пролита еще кровь офицерская...

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «Непримиримые» не дождавшись решения комиссии Лесниченко, вооружили судовой комитет «Аскольда», и последний обратился в Морскую коллегию при Совете Народных Комиссаров с заявлением о том, что команда крейсера на общем собрании 20 декабря постановила возобновить дело списанных в Англии с крейсера офицеров: Петерсена, Быстроумова, Ландсберга, Корнилова и кондукторов флота Мухина, Мартынова, Изотова, Борисова и Трушу. Все они обвинялись командой в различных преступлениях. Далее следовала ссылка на безрезультатность комиссии Лесниченко и описание событий в Тулоне в 1916 года. Прилагалось заявление машиниста Карпова, в котором против Кетлинского вновь возводились тяжелые обвинения в расстреле четырех матросов, необоснованно обвиненных в покушении на взрыв корабля. Заявление было подписано председателем судкома, тем же Карповым Судовой комитет изложил мытарства команды крейсера по пути искания законного возмездия за репрессии и преступления офицеров крейсера, Я не знаю, на основании ли этого заявления, а имелись сведения, что и по другим данным, народный комиссар Дыбенко в начале января 1918 года послал телеграмму в Мурманск с приказанием арестовать гламура Кетлинского. Последний был арестован Центромуром, и 9 января адмирал сдал дела избранному Центромуром старшему лейтенанту Лободе. Самохин, строго выполняя предписание народного комиссара, издал специальную инструкцию для караульного начальника, Кетлинский

содержался в одном из помещений штаба. Часовой находился в той же комнате. При смене караула производилась проверка безоружности адмирала. Доступ к нему имели Лобода и лица с разрешения комиссара Носкова. Самохин не знал истинных причин распоряжения наркома, но, естественно, связывал их с прошлой деятельностью Кетлинского. Последний всего пару дней назад провел торжественный новогодний прием командного состава флотилии с английскими офицерами у себя и широкую встречу команд в Морском клубе. По-видимому, арест для него был неожиданным, т.к. он командировал в Петроград начальника своего штаба Веселаго и товарища председателя Центромура Ляуданского с большой программой вопросов, весьма существенных для флотилии.

8 января, т.е. в день получения телеграммы наркома Дыбенко об аресте Кетлинского, Самохин вечером на заседании Центромура возбудил вопрос об освобождении его от обязанностей председателя. Я не был склонен связывать эти события и верил в искренность Самохина, когда он жаловался на трудности, которые он встречал в своей работе, и отсутствие поддержки в матросской массе, в которой он не находил революционного единства...

Характерно, что ни арест и освобождение Кетлинского, ни затянувшийся правительством кризис с перевыборами Самохина заметно не отразились на делах Центромура...»

Историк М.А. Елизаров пишет: «На рубеже 1917—1918 гг. матросский актив в Петрограде в результате своей авангардной роли в Октябрьском восстании оказался на вершине политических событий. Он нуждался в историческом подкреплении своей политической роли. Жертвы в период тулонских событий были подходящим поводом. О них на III Всероссийском съезде Советов, проходившем в январе 1918 г., вспомнили выступавший с приветствием от имени английского пролетариата некий социалист Петров и восторженно встреченный делегатами съезда герой разгона Учредительного собрания (происшедшего накануне — 5 января), известный кронштадтский анархист А.Г. Железняков. Съезд, включая В.И. Ленина и Я.М. Свердлова, почтил память казненных аскольдовцев вставанием».

Не вызывает сомнений, что нагнетание истерии вокруг «тулонского дела», как и шантаж с его помощью главному Кетлинского, был цинично использован сверхреволюционными балтийцами для более быстрой революционизации еще отсталых в этом деле коллег-северян.

Любопытно, что анархист Железняков в своей речи на съезде главным виновником происшедшего в Тулоне назвал тогдашнего командира

крейсера Иванова 6-го.

Увы, несмотря на то что Железняков объявил главным виновником тулонской трагедии Иванова, в реальности новое расследование должно было определить в первую очередь виновность Кетлинского. Что касается контр-адмирала Иванова, то он, понимая, что после революции бывшие подчиненные припомнят ему все сполна, предпочел за лучшее не испытывать судьбу, а эмигрировал. Зато Кетлинский был, что называется, под рукой. Для революционных матросов же был важен сам факт — ими командовал адмирал, утвердивший четыре смертных приговора матросам!

Тем временем со стоящего в Мурманске «Аскольда» III съезду Советов была направлена резолюция: «Мы, аскольдовцы приветствуем декреты о земле и мире и декреты народных комиссаров, приветствуем Третий Всероссийский съезд Советов и считаем его правомочным решать судьбы русского народа. Мы ждем вашей плодотворной работы на благо истерзанной Родины». Этой телеграммой аскольдовцы снова напоминали о себе как о весьма влиятельной силе на всем русском Севере и о том, что они с нетерпением ждут результатов нового расследования.

12 января Центромур, так же как и Совет, получил телеграмму Дыбенко: «Верховная коллегия постановила Кетлинскому исполнять обязанности гланамура. Вам поручается надзор за ним во время следствия по пересмотру суда, бывшего на «Аскольда» в сентябре 1916 г. Следственная комиссия выезжает днями». В этот же день, 12 января на заседании Центромура ставится вопрос заместителем Самохина: «Должен ли Кетлинский оставаться на посту гланамура?» Собрание единогласно ответило на этот вопрос положительно. Тогда Самохин предложил внести в протокол решение о том, чтобы следственная комиссия, о которой говорится в телеграмме Дыбенко, рассматривала дело непосредственно на крейсере «Аскольд» с участием судовой команды, которая может дать наиболее точные показания о прошлых преступлениях офицеров. В отношении деятельности гланамура в настоящее время Центральный комитет выражает ему доверие.

Инженер-механик крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского впоследствии вспоминал: «Этим предложением Самохин выразил свое двойственное отношение к Кетлинскому: он считал, что в прошлой деятельности адмирала необходимо разобраться на суде с участием команды, а что касается работы гланамура в настоящее время, то он не видел в нем врага советской власти. Он был свидетелем эволюционного перерождения офицера царского флота в патриота Советской России. Быстрому освобождению из-под ареста Кетлинский обязан своему начальнику штаба

Веселаго и не в меньшей степени товарищу председателю Центромур Ляуданскому, которые в этот период находились в командировке в Петрограде. Узнав об аресте адмирала, они развили деятельность по выяснению вопроса Веселаго во всех инстанциях предупреждал о серьезных осложнениях с союзниками, которые может вызвать арест гланамура и привести к эксцессам на кораблях флотилии. Состоялся разговор по прямому поводу Ляуданского и Веселаго с Самохиным Судя по вопросам, которые задавали Самохину 10 января, дело о Кетлинском ставилось на Верховной коллегии, для чего требовались сведения о положении в Мурманске, создавшемся в связи с арестом гланамура. В Коллегии особенно интересовались позицией, занятой командами, в частности, на «Аскольде». Как реагировали на арест Совдеп, Центромур и англичане? Самохин ответил, что Кетлинский в безопасности, находится в Мурманске. В городе и на кораблях спокойно. Англичане ни в чем не проявили своего отношения к событиям. Самохин просил сообщить причины ареста адмирала. Впоследствии Ляуданский передавал, что он и Веселаго имели возможность доложить дело члену Морской коллегии, заместителю наркома Раскольникову, который согласился с ними, что для ареста адмирала нет оснований. Однако Дыбенко отказался отменить свое решение без санкции коллеги. Впредь до рассмотрения вопроса в этой руководящей организации флота Раскольников послал телеграмму в Мурманск Совдепу и Центромуру с требованием охранять Кетлинского и никуда его из Мурманска не вывозить. После решения Верховной коллегии Дыбенко отменил свой приказ».

На этот шаг Дыбенко пошел, вняв телеграммам председателя Центромура М.А. Ляуданского и начальника штаба главнамур Г.М. Веселаго. Однако независимо от решения наркома по морским делам революционный судовой комитет «Аскольда» почти сразу же подал прошение о расстреле Кетлинского, без всякого расследования и суда. Любопытно, что к реальному «виновнику» «тулонских событий» — предшественнику Кетлинского Иванову 6-му никто из матросов «Аскольда» никогда никаких претензий не предъявлял.

Что касается Кетлинского, то он, несмотря на домашний арест, продолжал работать. Уже 19 января он сделал сообщение в Центромуре о положении с углем и мероприятиях по расстановке кораблей на зиму. На следующем заседании Кетлинский поддержал мысль о создании газеты «Голос Мурманска» и внес предложение о выделении для ее организации комиссии, которой он обещал свою помощь.

Итак, в результате ходатайств представителей местных мурманских

властей и начальника Морского генерального штаба Е.А. Беренса Верховная морская коллегия постановила освободить его. Арест был отменен, и контр-адмирал продолжил исполнение своих обязанностей главного начальника Мурманского укрепрайона. Правда, та же Верховная морская коллегия, учредив новую следственную комиссию по пересмотру «тулонского дела», предписала в течение всего периода ее работы установление «надзора за Кетлинским».

Историк флота М.А. Елизаров пишет. «Это (освобождение Кетлинского. — *В.Ш.*) никак не могло понравиться анархически настроенным матросам, знавшим примеры освобождения властью генералов Л.Г. Корнилова, П.Н. Краснова и др., которые начали вооруженную борьбу с Советской республикой. Подобно настроенные матросы, недовольные решением центральных властей о переводе содержащихся под арестом в Петропавловской крепости заболевших лидеров кадетской партии А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина в Мариинскую больницу, совершили над ними самосуд на другой день после разгона Учредительного собрания. Это потрясло всю интеллигенцию России. Радикально настроенные матросы на периферии стремились «догнать в углублении революции» Питер. К тому же в первой половине февраля планировалась массовая демобилизация матросов с Мурмана. Была потребность в материале для рассказов о «революционных подвигах» землякам».

Таким образом, с каждым днем тучи над Кетлинским сгущались. Понимал он это или не понимал? Думаю, что, будучи человеком, далеко не глупым, он все прекрасно понимал. Увы, радикально изменить складывающуюся ситуацию было не в его силах. Оставалось только исполнять свой долг и надеяться на лучшее.

Военно-политическая ситуация на Мурмане была в то время непростая. Помимо своих внутренних революционных проблем, Кетлинскому приходилось сулить своеобразным буфером перед новой властью (которая во многом для него самого была непонятна) и союзниками, прежде всего перед англичанами, чья эскадра стояла на рейде Мурманска.

Заметим, что вечный оппонент Кетлинского, вице-адмирал Колчак к этому времени, уже бросил вверенный ему Черноморский флот, побывал в Англии, США и Японии, принял английское подданство и направлялся служить англичанам на Месопотамский фронт.

Следственная комиссия, о которой говорилось в телеграмме Дыбенко, приехать на Север все не торопилась. О ней вообще никто ничего не знал,

причем даже о том, кто, собственно, в эту комиссию входит. Время же на месте не стояло. Началась массовая демобилизация матросов старших возрастов, призванных на флот в предвоенные 1910—1913 годы, а ведь именно эта категория старослужащих составляла основу «партии непримиримых», жаждавших мщения за тулонские события. С одной стороны такое положение было выгодно Кетлинскому, так как через один-два месяца на корабле почти не осталось бы активных участников и свидетелей «тулонского дела». Однако именно в этом крылась и смертельная опасность. Дело в том, что «непримиримые», уже в силу своей декларируемой революционности не могли себе позволить, чтобы последнее слово в принципиальном для них деле осталось не за ними. Если вначале они ждали приезда комиссии, то поняв потом, что могут ее и не дожидаться, начали терять терпение.

А уже через несколько дней в Мурманск отправилась уже очередная следственная комиссия, назначенная по настоянию балтийских аскольдовцев Дыбенко. Впрочем, прибыв в Мурманск, следственная комиссия Дыбенко, почти сразу же убыла обратно. Дело в том, что 28 января в Мурманске произошло событие, сделавшее приезд следователей уже совершенно ненужным. Именно в это время наступила трагичная и в какой-то степени даже прогнозируемая развязка.

В.Л. Бжезинский пишет в своих воспоминаниях: «Старые аскольдовцы разъезжались по домам, ряды «непримиримых» редели. «У кого теперь искать справедливости? — говорили они. — Ждать некогда!» Все законные пути исчерпаны, остался террор, который был по душе таким лицам, как Карпов (один из наиболее анархистствующих матросов «Аскольда». — В.Ш.), и другим, разделявшим с ним эсеровские приемы. К такому выводу приводит логика. Этот путь отбора дает некоторое основание угадать фамилию мстителя, но ведь, в конце концов, не все ли равно, был ли это Иванов или Карпов? Не знаю, скрывал ли Самохин правду, но он говорил мне, что не знает, кто стрелял в Кетлинского, и даже не может высказать предположение. В этом разговоре участвовали и другие старые аскольдовцы, которые, как говорят, ломали себе головы, кто же этот мог быть? Самохина удивляло отсутствие последовательности. Аскольдовцы долго добивались суда. Дыбенко назначил следственную комиссию и, вот, накануне ее приезда — самосуд».

Глава пятнадцатая.

УБИЙСТВО ФЛАГМАНА

Буквально спустя два дня после своего возвращения из Петрограда, 28 января 1918 года контр-адмирал Кетлинский был тяжело ранен недалеко от своего дома выстрелами в спину из револьвера и после тяжелых мучений скончался на руках своей жены и близкого друга, инженера Станислава Соколовского.

Историк П.В. Федоров пишет: «28 января 1918 года в 3 часа дня К.Ф. Кетлинский шел из Военно-морской базы (видимо, все же из штаба Мурманского укрепленного района. — *В.Ш.*) в правление Центромюра. В этот момент двое неизвестных, одетых в матросскую форму, произвели несколько выстрелов в него, одним из которых он был ранен в спину навывлет. Пуля задела артерии, и через 20 минут после ранения Кетлинский скончался от внутреннего кровоизлияния на квартире начальника Базы, куда он сам дошел. Умиравший адмирал успел сказать, что в него стреляли аскольдовские матросы, поскольку «они были одеты в желтые халаты». Однако члены Центромюра подозревали в убийстве главначмура его сослуживцев — офицеров.

А вот как описывает последний день в жизни Кетлинского инженер-механик крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинский: «Наступило роковое для Кетлинского 28 января. На предыдущем заседании Центромюра он не присутствовал, т.к. оно было по существу внеочередным, касающимся, в частности, сообщения Ляуданского о его хлопотах в Петрограде по отмене распоряжения Дыбенко об аресте гланамюра. Кетлинский получил сообщение от мурманского представителя Главного интендантского управления Никольского-Любимова о том, что американский пароход «Дора» с большим количеством интендантского груза и продовольствием возвращается британским командированием обратно в то время, когда он находился на расстоянии всего 160 миль от Мурманска.

Представитель интендантского управления производил в это время значительные операции по транзитной переброске импортных грузов, адресованных в Петроградскую и Московскую таможни. В январе в порту были разгружены пароход «Вологда» и два иностранных транспорта.

Никольский-Любимов формировал отправку грузов эшелонами и к концу месяца собирал седьмой поезд в составе 16 вагонов с подошвенной

кожей, армейскими ботинками и конскими подковами. Официальным лицом, ведающим грузами от союзников, был так называемый Британский офицер по транспортировке. Фактически это была организация, в которой большую роль играли американские представители, т.к. грузы шли преимущественно из Америки. Во многих случаях англичане были только услужливыми исполнителями требований американцев. По указанию этих представителей в последнее время производились какие-то сортировки в трюмах прибывающих транспортов, и часть груза отправлялась обратно.

На «Доре», по-видимому, такой груз преобладал. В качестве формального объяснения своего поступка англо-американцы ссылались на то, что они встревожены слухами о конфискации товаров частных владельцев и хищениям и на железнодорожной линии. Кетлинский энергично принялся за выяснение вопроса и обратился за содействием к английскому адмиралу Кемпу. Гланамур был в претензии на то, что Британский офицер по транспортировке не поставил его в известность о намерении возратить пароход «Дора» и предложил выдать англо-американцам гарантийное письмо о том, что грузы будут конвоироваться до места назначения и не будут подвергаться конфискации. Кемп, сославшись на то, что конфискации производят местные власти, что таким путем Центромур изъял значительное количество обуви и подошвенной кожи, потребовал гарантии не только гланамура, но и Центромура. Судя по объяснениям, которые давал впоследствии Самохин, Кетлинский считал, что английский адмирал в этом отношении находился в зависимости от американских поставщиков, которые имеют непосредственную связь с Британским адмиралтейством, и поэтому «Дору» лучше всего вернуть в Мурманск не только радиограммой, но и посылкой нашего миноносца. Таким образом, имелось в виду, с неофициального согласия английского командирования, принудительное возвращение американского парохода.

28 января адмирал Кетлинский договорился с председателем Центромура Самохиным о срочном созыве заседания и оформлении гарантий. Это срочностью объясняется то обстоятельство, что заседание Центромура в этот день было созвано раньше обычного времени. Председательствовал Самохин. Был заслушан доклад гланамура о поступлении грузов из-за границы.

Кетлинский информировал членов Центромура о том, что, по объяснению англичан, пароход «Дора» возвращен ввиду того, что Британское адмиралтейство встревожено слухами о расхищении грузов в Мурманске и на железной дороге. Кетлинский заявил, что адмирал Кемп дал согласие направить «Дору» в Мурманск, если ему будет выдана общая

гарантия русских организаций о том, что грузы будут доставлены по назначению.

После доклада единогласно было принято постановление о том, что Центромур дает полную гарантию английскому адмиралу Кемпу в сохранности груза и доставке его на таможни. Подписали Самохин и секретарь Ракчеев. Член Мурманского горсовета Титов, временно замещавший председателя, послал в Верховную морскую коллегия телеграмму с информацией, в которой он, в частности, сообщил, что Кетлинский решил послать за пароходом «Дора» один из наших миноносцев. Однако через 10 минут после принятия Центромуром постановления о гарантии Кетлинский был убит, посылка миноносца не состоялась и «Дора» не возвращена

Действительно, гланамур, получив необходимый документ, около 3 часов дня вышел из Центромура и направился в штаб для оформления письма адмиралу Кемпу и срочной отправки миноносца. Вблизи здания управления Кольской базы Кетлинский подвергся нападению, в него было произведено двумя неизвестными лицами несколько выстрелов, одним из которых он был ранен в спину навылет. Пуля задела артерию и через 20 минут после ранения Кетлинский скончался от внутреннего кровоизлияния на квартире начальника базы, куда он дошел сам. Убийцам удалось скрыться. Кетлинский успел сказать, что он знает, кто стрелял: «Их было двое в...» Присутствующие дальше не разобрали — адмирал скончался.

Мурманский Совет в особом воззвании выразил осуждение поступку, призвал население к спокойствию и назначил по делу следствие, которое оказалось безрезультатным. Таким образом, план союзных уполномоченных о недопущении «Доры» в советский Мурманск осуществился. Какими путями они решили парировать намерения гланамура о посылке миноносца — официально не известно, а повторять многочисленные предположения считаю неуместным «Не пойман — не вор!»

Заседание Центромура 29 января, на следующий день после гибели Кетлинского, поражает своей обычностью и разнообразием текущих вопросов...

Вопрос о похоронах «военного моряка Кетлинского» обсуждался среди многих пунктов повестки на заседании Центромура 30 января. Решили поручить Самохин) организовать похороны с почестями, с красным знаменем, как лицу, заслужившем) доверие демократических организаций. За это предложение, внесенное Самохиным, было подано 14 голосов против 9 и воздержались 4. Самохину поручалось привлечь на похороны

матросов, желающих участвовать, и составить почетный взвод с винтовками для салюта тремя холостыми залпами. Эта салют оказался беспорядочной трескотней, которая, как передавали, вызвала приступ горечи у жены и двух дочерей адмирала. Я не был на похоронах по не зависящим от меня обстоятельствам, но слышал отзывы от них. У меня сохранилось впечатление относительно сухой официальности, с которой был проведен в последний путь Казимир Филиппович Кетлинский».

Внезапная кончина Кетлинского неожиданно рельефно высветила ею

* * *

положительный образ. В обращении Мурманского Совдепа к населению Мурманска говорилось: «Мурманский Совет рабочих и солдатских депутатов осуждает... убийство Кетлинского, который своей деятельностью заслужил доверие всех демократических организаций. Совдепом будут приняты самые энергичные меры по розыску убийц и наказанию их. Кто бы ни были убийцы эти, они понесут должное наказание».

Разумеется, никто никаких мер не принял и никто никого искать даже не пытался. Честно говоря, мне не понятно, почему Кетлинский, увидев некие желтые халаты, опознал по ним матросов с «Аскольда». Возможно, желтые накидки (халаты) выдавали именно матросам «Аскольда» для одевания поверх шинелей в холодное время. А январь в Мурманске, как мы понимаем, далеко не самый теплый месяц Других объяснений термину «желтые халаты» у меня просто нет.

В связи со смертью Кетлинского Центромур принял решение о проведении похорон главнамура с соблюдением всех революционных почестях, с организацией почетного караула из матросов, вооруженных винтовками. Ну, а это, как раз по-нашему! Вначале уничтожить человека, а потом организовать ему торжественные похороны. Впрочем, и здесь особенно не напрягались» и контр-адмирал был похоронен рядом со своим домом и штабом.

Мурманский поэт Дмитрий Коржов посвятил памяти Кетлинского следующие строки:

Русский флот погребен, под откосом.
Вражьи слуги победу трубят,
Если собственные матросы

Словно в тире, стреляют в тебя.

...

«Чудище и стозевно, и обло...»

Суетливы шаги за спиной.

Револьверик недужно и подло

Плюнет в душу свинцовой слюной.

И земля, накренившись устало,

Как корабль, поплывет из-под ног,

И притянет к себе, словно тралом,

На февральское, смертное дно.

В отечественной исторической литературе убийцами К.Ф. Кетлинского обычно называются некие «неизвестные в матросской одежде». Поэтому вполне вероятно, что данный случай стоит в одном ряду самосудов над офицерами в связи с революционными событиями 1917 года.

Вспомним, что на Балтийском флоте волна самосудов имела место в февральско-мартовские дни 1917 года, а на Черноморском в декабре 1917 года и в феврале 1918 года. В отличие от Балтийского и Черноморского флотов большевизация военно-морских баз Севера прошла без массовых самосудов над офицерами. Здесь не было крупных очагов контрреволюции, да и взаимоотношения между офицерами и матросами на самом краю империи были более близкими, чем в других местах. Кроме этого главнамур К.Ф. Кетлинский официально признал власть большевиков уже на следующий день после Октябрьского восстания 26 октября 1917 года. Казалось бы, что все на Севере должно было бы быть хорошо. Именно поэтому убийство Кетлинского явилось неожиданным для многих. Однако убийство имело все же какие-то причины и, по мнению ряда историков, было связано с причастностью Кетлинского к смертной казни четырех матросов, обвиненных в попытке взрыва крейсера «Аскольд» во время ремонта его в Тулоне в 1916 году. Демонстративная попытка взрыва была результатом грубой провокации, в которой существовала заинтересованность ряда лиц, как со стороны нижних чинов, так и командования. По Мурманску долго ходили слухи, что на мертвом теле контр-адмирала якобы нашли подкинутую записку: «Один за четырех. Тулон—Мурманск». Но это совершенно ничего не доказывает. Во-первых, записки могло не быть вообще, и написанное было лишь фантазией обывателей. Во-вторых, записку могли специально подкинуть, чтобы сбить со следа тех, кто будет расследовать убийство, которое, кстати, никто,

толком, и так и не расследовал.

В письме корреспондента «Таймс» от 4 апреля об убийстве Кетлинского аскольдовцами пишется как о несомненном факте: «Рядом с «Glory» стоит русский крейсер «Аскольд», команда которого убила Кетлинского (г-жа Кетлинская все еще живет в Мурманске); на следующей неделе «Аскольд» отправляется для ремонта в Англию». Известия Петроградского Совета. № 127, 10 июня 1919 года.

По воспоминаниям В.Л. Бжезинского, один из неформальных вожаков команды «Аскольда» гальванер П. Пакушко не раз открыто заявлял, что в Кетлинского стрелял старший унтер-офицер «Аскольда» комендор И. Андреев. Однако, по словам того же Бжезинского, сам Пакушко в январе 1918 года в Мурманске не находился, и в организации покушения никакого участия принимать не мог. При этом другой авторитетный аскольдовец комендор Князев бездоказательно уверял того же Бжезинского, что убийство Кетлинского не обошлось без участия самого Пакушко.

Согласно воспоминаниям бывших аскольдовцев И.М. Андреева, П.Ф. Пакушко, И.М. Седнева и Г.П. Голованова в контр-адмирала Кетлинского стреляли матросы Б.И. Бондаренко, М.И. Картамышов и Г.И. Ковин, желая «отомстить за расстрел свих товарищей в Тулоне». Однако прямых доказательств этому нет. К тому же, как это часто бывает, после каждого громкого «подвига» всегда появляются желающие приписать себе эти «подвиги». В данном случае настораживает уже то, что Кетлинский утверждал — стрелявших в него было двое, а здесь уже сразу три «героя».

В различных воспоминаниях и исследованиях об убийстве Кетлинского можно встретить и немало других фамилий матросов, якобы, причастных к убийству контр-адмирала. Если после совершенного преступления убийцы Кетлинского предпочли спрятаться, то уже позднее, в годы Гражданской войны, когда убийство соотечественников стало обычным явлением, многие из бывших аскольдовцев стали задним числом причислять себя к тем, кто в январе 1918 года в Мурманске «восстановил революционную справедливость».

Да и были ли убийцы именно матросами с «Аскольда»? В Мурманске в то время центром анархизма и антиофицерских настроений являлась Кольская флотская рота, укомплектованная штрафными матросами-кронштадтцами, списанными за различные нарушения дисциплины на Север. В ней верховодили ярые анархисты, остро конфликтовавшие с Центромуром и не желавшие выполнять приказы главмура. Кронштадтские анархисты вели активную обработку матросов корабельных команд, поддерживавших Центромур в том, все офицеры —

«драконы» и всех их следует уничтожать. Вполне возможно, что именно из числа этих анархистов-кронштадцев и были те «двое неизвестных, одетых в матросскую форму», которые осуществили убийство близ помещений штаба Мурманского укрепрайона (рядом со штабом, кстати, располагалась и флотская рота), так что подстеречь выходящего из штаба укрепрайона Кетлинского им было легче всех.

Непосредственным поводом к убийству могло стать проходившее именно в этот день совместное собрание матросов двух главных кораблей на Мурмане крейсера «Аскольд» и старого линейного корабля «Чесма». В резолюции собрания говорилось о солидарности с Балтийским флотом в деле «уничтожения всех рангов капиталистов» и выражалась решимость стоять на этой платформе «вплоть до полного подавления не подчиняющихся». На том собрании так же верховодили анархисты Кольской флотской роты.

Убийцы могли считать себя исполнителями коллективной воли матросов на Мурмане подобно тому, как они считали себя «мстителями революции», убив 4 марта 1917 года командующего Балтийским флотом вице-адмирала Непенина. Анализ обстоятельств этого убийства говорит о том, что оно было осуществлено тоже «неизвестными в матросской форме», на настроение которых повлиял проходивший именно в день убийства митинг Гельсингфорского гарнизона, высказавшийся резко против комфлота

* * *

Впрочем, версия того, что Кетлинского убили матросы, не является единственной. Дело в том, что известно и то, что враги у Кетлинского были и среди офицеров, осуждавших его за открытый переход на сторону большевизма

Так незадолго до смерти у Кетлинского обострились отношения с его начальником штаба Мурманского укрепленного района георгиевским кавалером старшим лейтенантом Веселаго, который открыто занимал контрреволюционную позицию и был возмущен примиренческой позицией своего начальника, которого считал изменником. Впоследствии Веселаго примет самое активное участие в белом движении на севере России. Так что причины (и причины объективные) у Веселаго и его единомышленников были. Впрочем, Веселаго был в своей карьере многим обязан лично Кетлинскому и его личное участие в организации убийства

Кетлинского я считаю маловероятным

Кроме этого в тот момент в Мурмане присутствовала и союзническая миссия. Англичане были категорически против власти большевиков, так как те желали заключения сепаратного мира с Германией. Начальник Мурманского укрепленного района, откровенно поддерживающий большевиков, союзников однозначно не устраивал. Так как ставки в игре были предельно высоки, ведь морская дорога до Мурманска, как и железная дорога из Мурманска питала русский фронт боеприпасами.

21 февраля 1918 года американский посол Френсис телеграфировал из Петрограда в Вашингтон: «...Я серьезно настаиваю на необходимости взять Владивосток под наш контроль, а Мурманск и Архангельск передать под контроль Великобритании и Франции... Для союзников теперь пришло время действовать...» Так что англичане так же вполне реально могли организовать устранение неудобного им «красного адмирала».

Не надо забывать и то, что Мурманск был тогда буквально «нашпигован» и резидентами германской разведки. Впрочем, если Кетлинский поддерживал большевиков, а те уже начали переговоры о сепаратном мире в Бресте, то организация убийства германскими агентами выглядит не слишком вероятной.

Инженер-механик «Аскольда» Бжезинский пишет в своих воспоминаниях: «В кают-компании офицеров «Аскольда» и в его кубриках, все еще заполненных командой, недолго господствовала тема об убийстве бывшего командира крейсера. Все варианты этого события вращались вокруг догадок, изложенных выше, а рассказы о предстоящем переходе флота на добровольческие начала затмевали все остальное. И только случайный разговор в подвыпившей компании у начальника отдела Центромюра Лобода навел на мысль о том, что убийц молено искать в ином направлении. Веселаго, постоянный связной с английским командованием, весь январь находился в командировке, и переписку относительно «Доры», а также о посылке судов в Англию за углем оформлял старший лейтенант Лобода по указанию гланамура. Лобода имел приятельские отношения с работниками британского офицера по транспортировке грузов и вел с ними знакомство домами. Так вот, этот Лобода, проявивший себя впоследствии как пособник интервенции, говорил о том, что ему пришлось в американско-английской среде транспортников слышать враждебные нападки на Кетлинского. Поведение этих чиновников, конечно, отражало мнение более высоких решающих кругов союзников. Столкновения относительно задержки в поставке угля доходили до личных угроз. Фильтрация грузов, задержка наших пароходов и, наконец, случай с «Дорой» накалили

атмосферу, которая несколько охлаждалась вмешательством военного руководителя Кемпа. Упорство Кетлинского, с которым он требовал разгрузки «Доры» в Мурманске, твердое решение послать за ней эсминец, довело конфликт до кризиса. Кемп, ограничившийся требованием гарантийного письма, о котором сообщалось ранее, встретил серьезную оппозицию американских транспортеров. Этим объясняется его молчаливое согласие на вмешательство вооруженного корабля, что грозило военным конфликтом. Лобода давал слово, что его приятели из аппарата британского офицера заявили с запальчивостью, что их боссы не допустят возвращения «Доры» в Мурманск, чего бы это им ни стоило. Мы все считали, что отношения между адмиралами Кетлинским и Кемпа джентльменские, но кто мог бы поручиться за какие-то иные силы, пребывающие в неофициальных кругах, но имеющие решающее значение в проведении «особой» политики?»

* * *

И все же, насколько Кетлинский действительно был «красным»? Военно-морской историк М.А. Елизаров пишет: «Со смертью Кетлинского резко встал вопрос кем считать его? Убитым провокаторами «жертвой революции», или наоборот — устраненным препятствием на пути ее «углубления»?

Одна крайность породила другую. Кетлинского, как мы уже говорили, похоронили с революционными почестями. Очевидно, тем самым умеренные матросские руководители стремились как-то загладить вину «братвы». Могли не возражать против почестей и многие «леваки», получавшие повод для «мести контрреволюции», в котором они нуждались. Тем более, что даже убитых матросами-анархистами «министров-капиталистов» Шингарева и Кокошкина торжественно хоронили под похоронный «Марш в память жертв революции», сочиненный впечатлительным И-летним Митей Шостаковичем именно по этому поводу.

Историк революционного движения на флоте в 1917 году М.А. Елизаров пишет. «Очевидно, что данный случай стоит в одном ряду самосудов над офицерами в связи с революционными событиями 1917 года и их близостью к старой власти. На Балтийском флоте волна самосудов имела место в февральско-мартовские дни 1917 года, на Черноморском — в декабре 1917 года и в феврале 1918 года. Но в отличие от Балтийского и Черноморского флотов большевизация военно-морских баз Севера прошла

без массовых самосудов над офицерами. Здесь не было крупных очагов контрреволюции. В этом как раз была немалая заслуга главномура К.Ф. Кетлинского, признавшего власть большевиков уже на следующий день после Октябрьского восстания — 26 октября 1917 г., и самосуд над ним выглядел неожиданным. Однако он имел свои причины...»

У автора нет документальных свидетельств о том, как воспринял известие об убийстве Кетлинского служивший в то время в Архангельске его старый боевой товарищ и сослуживец, капитан 1-го ранга Василий Черкасов. Думаю, что весьма болезненно.

Что касается самого Василия Ниловича, то он так и остался верен данному им слову советской власти, не участвуя ни в белом движении, ни в контрреволюционных заговорах. Впоследствии Василий Нилович Черкасов честно служил уже в Рабоче-Крестьянском красном флоте до 15 июля 1918 г., затем был помощником начальника оперативного отделения Оперативно-мобилизационного отдела МГШ. В 1920—1923 годах В.Н. Черкасов руководил морскими путями сообщений на Белом море и в Северном Ледовитом океане. Новая власть не слишком жаловала «военспеца». В августе 1920 года он был арестован Архангельской губчека из-за конфликта с комиссаром (о сути конфликта нам неизвестно), но вскоре был освобожден. Впрочем, в 1922 году В.Н. Черкасова, как элемент, несомненно, «контрреволюционный» элемент был уволен в бессрочный отпуск с лишением звания командира РККФ. Весной 1923 года он стал помощником начальника Центрального управления морским транспортом, год спустя — экономистом, а в 1925 году начальником планового отдела Центрального бюро по морскому судостроению в Ленинграде. После 1929 года судьба В.Н. Черкасова автору не известна.

Учитывая, что буквально спустя два месяца после смерти Кетлинского Верховным правителем России, по версии Антанты и дело гвардейцев. Был объявлен давний личный враг и соперник Кетлинского вице-адмирал Колчак, то можно со значительной долей уверенности предположить, что к белым Кетлинскому хода не было. Колчак никогда бы не пожелал видеть на самостоятельной командной должности Кетлинского и последнего, признай он Колчака, ждала бы немедленная отставка. Даже по этой сугубо личной причине, Кетлинский в дальнейшем вряд ли примкнул бы к белому движению. Что стало бы с ним, будь он в живых? Возможно, как и ряд других высших офицеров российского флота (Альтфатер, Зарубаев и другие), он остался бы верен советской власти, служа ей верой и правдой. Но это продолжалось бы лишь до тех пор, пока во время очередной чекистской чистки его бы не приговорили к смертной казни за былые

прегрешения, в том числе за то же «тулонское дело». Впрочем, возможно он мог бы успеть выехать в Польшу и стать первым польским командующим флотом. Впрочем, насколько Кетлинский разделял польские национальные интересы нам неизвестно.

Инженер-механик Бжезинский в своих мемуарах пишет. «...Время не только не открыло завесу этой тайны, но даже и не приоткрыло ее. В данном трагическом случае положение то же, что и с исканиями организаторов покушения на взрыв крейсера «Аскольд». Оба этих события имеют связь между собой, и оба покрыты мраком неизвестности. Если отбросить явление случайности, т.е. хулиганство или шальную пулю, возможные по тому времени, то убийство могло быть совершено мстителями. Это не был приговор «непримиримых», ею нельзя было бы долго держать в секрете. Это были индивидуалисты, конечно, входившие в состав «непримиримых», но действовавшие на свой страх и риск. Не надо забывать, что «непримиримые» привлекали к ответственности многих офицеров, а расплатился один Кетлинский. Можно проследить за тем, с каким упорством «непримиримые» проводили свою линию привлечения к ответственности виновных за репрессии и некачественный ремонт в Тулоне. Писали неоднократно жалобы во многие инстанции. Не добившись успеха при обсуждении вопроса на общем собрании команды, разочаровавшись в комиссии Лесниченко, они обратились в коллегия Народного комиссариата по морским делам, в результате чего Кетлинский был арестован, но здесь опять дело сорвалось — его освободили». Это, по мнению, В.Л. Бжезинского, и стало поводом к убийству.

В целом же, подводя итог разговора о личности Кетлинского, следует сказать, что, на самом деле, ступив на палубу «Аскольда» он был уже фактически обречен. В том, что Кетлинский должен обязательно погибнуть, у меня никаких сомнений нет. Весь вопрос стоял лишь в том кто и когда его должен будет убить.

* * *

Дальнейшие события, последовавшие на Мурмане в связи с заключением Брестского договора и сближением местных властей, в отличие от центра, с Антантой, показали явную «контрреволюционность» ближайших помощников Кетлинского (старшего лейтенанта Веселаго и других) и их связи с союзниками, которые были налажены еще при жизни главномура. Соответственно, остро встал вопрос политического выбора. По

этой причине на Мурмане сильно ускорилось размежевание политических сил. По Мурманску стали циркулировать слухи о возможных убийствах других должностных лиц и, соответственно, началось их бегство из города.

После трагической смерти Кетлинского Веселаго фактически сосредотачивает всю власть над краем в своих руках. В феврале 1918 года он становится заведующим делами мурманской народной коллегии, то есть местно законодательного учреждения, а с мая 1918 года и управляющим делами Мурманского совета, сосредоточив в своих руках все нити как законодательной, так и исполнительной власти. Чтобы хоть как-то заполнить свободные вакансии младших офицеров Веселаго идет на смелый беспрецедентный шаг — он посылает в революционный Петроград одного из своих подчиненных — мичмана Карташова, с заданием пригласить желающих гардемарин и кадет Морского корпуса прибыть в Мурманск на службу в качестве младших офицеров. На его призыв откликнулись около семидесяти человек, в основном кадеты и гардемарины Морского корпуса.

По свидетельству очевидца: «Прибывшие гардемарины и кадеты были зачислены «сторожами» на миноносцы. Начали терпеть и холод, и голод. В Мурманске тогда было до двух тысяч рабочих, живших в деревянных бараках; отдельно стояла церковь с домом для священника, «Коллегия» старшего лейтенанта Веселаго — Штаб Мурманской флотилии; и Совдеп бездействующий. Центромур, где сосредоточилось «Морское матросское начальство», продолжал управлять несуществовавшим личным составом флота Петербург, сам терпевший голод, отказывал в продовольствии Мурманску. Союзники нажимали на Центромур, обещая продовольствие, если он порвет с «Центром». В мае Центромур объявил в Петербург, что порывает с ним всякую связь (идеология дешевле голода). Мурманск объявился белым, и образовался Национальный фронт (английские экспедиционные войска) где-то около Кандалакши...»

А в июле 1918 года произошло событие, окончательно убедившее Веселаго, что в Мурманске ему предопределена судьба контр-адмирала Кетлинского. В один из дней в раскрытые окна комнаты, где проживал старший лейтенант, одна за другой влетели две гранаты. Убийцы все, казалось, все просчитали, так как покушение осуществили во время послеобеденного «адмиральского часа» и, почитавшие старые морские традиции, Веселаго в это время отдыхал на кровати. Шансов уцелеть в этой ситуации у него практически не было. Взрывная волна снесла с петель дверь в спальню — обрушилась прямо на стол примыкавшей к ней приемной. В центре комнаты, в месте, куда упал смертоносный снаряд,

образовалась черная дыра в несколько вершков. Взрыв и пожар изуродовали ботинки и другую одежду в платяном шкафу, который сначала опрокинулся, а потом загорелся. Огонь, хоть и удалось потушить, сжег оленью шкуру у кровати. Самого Веселаго спасла чистая случайность — одна из гранат, упавшая прямо к нему в кровать, по счастливому стечению обстоятельств, просто не взорвалась. Горничная нашла ее позже в кровати предполагаемой жертвы: запальная трубка лишь прожгла одеяло. В итоге пострадавший отделался легкими ранениями. У Ольги Леонидовны — вдовы контр-адмирала Кетлинского, которая жила на другой стороне того же дома, аж склянки какие-то на ночном столике зазвенели. Такой силы был взрыв...

В советское время было принято считать, что это была инсценировка самого Веселаго. Однако у Веселаго хватало и реальных врагов, хотя бы тех же анархистов из Кольской флотской роты. Все это наряду с широко известным в советской истории «предательством агента Троцкого», председателя Мурманского Совета Юрьева, дало поводы англичанам развертывать интервенцию на Севере.

Последней каплей терпения Веселаго в лояльном отношении к красному Петрограду стали известия о заключенном Брестском мире и его реальные трагические последствия для России. К этому моменту реальная военная сила в Мурмане оказалась в руках союзников, сосредоточивших в водах Мурманского залива значительную эскадру. Их сепаратный мир большевиков с Германией, разумеется, никак не устраивал, а потому Веселаго приходилось изворачиваться ужом, чтобы решать нескончаемые вопросы, стремясь одновременно угодить и Петрограду, и Лондону.

В идеале британцы с момента свержения Николая Второго более всего желали разделить бывшую Российскую империю на несколько частей. «Нам нужна слабая Россия», — говорили они. О том же мечтали и их союзники в Соединенных Штатах. «Россия слишком велика и однородна, — писал советник президента Вудро Вильсона полковник Хауз, — ее надо свести к Среднерусской возвышенности... Перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы начертает судьбу российских народов». Именно американским ставленником был, по некоторым данным, последний председатель Временного правительства Александр Керенский. «Керенский уверял своих покровителей в США, что он согласен на расчленение России, — отмечал современник тех событий, русский писатель Марк Алданов — и ни у кого не было сомнений, что под самым демократическим соусом страну расчленят так, что от нее останется одна пятая территории...» Вспомним, что в октябре 1917 года из охваченного

революцией Петрограда Керенский бежал на машине посольства Соединенных Штатов.

Через каких-то два месяца после убийства Кетлинского, в марте 1918 года, англичане захватят Архангельск и Мурманскую железную дорогу, сформировав так называемый Мурманский легион. Так началась интервенция на русском Севере...

К этому времени в красном Петрограде к деятельности Веселаго так же начали подозрительно присматриваться. Вскоре стало очевидно, что если он не примет какого-то однозначного решения, то вскоре, в лучшем случае, будет арестован, а в худшем — повторит судьбу своего бывшего начальника. Смелости и решительности Веселаго, как мы уже знаем, было не занимать, а потому, едва он понял, что тучи сгущаются, начал действовать.

Именно Веселаго способствовал разрыву Мурманского совета с Совнаркомом РСФСР в конце июня 1918 года, в результате которого край из «красного» в одночасье стал «белым». При этом лично для старшего лейтенанта все обстояло далеко не просто. Новая, им же провозглашенная власть к бывшему сотрудничеству Веселаго со Смольным отнеслась с подозрением. А потому вскоре Веселаго отдали под следствие, как «агента советской власти». Казалось, судьба Кетлинского, с бесконечными следствиями и судами, закончившаяся зверской расправой с ним, уготована и его ближайшему помощнику. Наверное, это понял и сам Веселаго, который не стал дожидаться непредсказуемого финала. С помощью местной американской миссии, где у него имелось немало знакомых, в феврале 1919 года Веселаго покидает Мурманск, как оказалось, навсегда.

В августе 1919 года английские торпедные катера ворвутся в Кронштадтскую гавань, где уничтожат и повредят несколько крупных кораблей. В результате Балтийский флот, который оставался еще единственной силой, способной противостоять Великобритании в северных морях, практически утратил боеспособность.

Не вызывает сомнений, что при этом главной задачей и для англичан, и для американцев было не допустить восстановления Российской империи.

Англичане даже собирались провести международную конференцию на Принцевых островах, на которой правительство Колчака и большевики должны были разделить Россию пополам. И хотя большевики отнеслись к этому замыслу с интересом, Колчак проявил принципиальность и отказался участвовать в сделке. Как бы то ни было, когда в 1919 году в Версале наши бывшие союзники по Антанте кроили новую карту мира, об интересах России никто из них и не помышлял. Более того, было решено сразу же

признавать все государства, которые уже образовались или еще когда-либо образуются на территории бывшей Российской империи.

Что же касается самого К.Ф. Кетлинского, то с его смертью его имя не кануло в Лету. Нет, ему вовсе не будут ставить памятники, как мученику интервенции и белогвардейщины, он так никогда и не станет и героем советской власти, которую признал одним из первых в России. Пройдет совсем немного времени после смерти контр-адмирала, и вокруг его имени начнется весьма нешуточная политическая борьба.

Глава шестнадцатая.

ВЕЧЕР. ОКНА. ЛЮДИ...

Шли годы, проходили десятилетия. Об адмирале Кетлинском забыли. Если о нем кто-то еще помнил, то разве что историки революции. Однако однажды он снова напомнил о себе. Незадолго до войны в Мурманске на улице лейтенанта Шмидта началось строительство гостиницы межрейсового отдыха моряков (ныне там размещается управление Мурманского тралового флота). Прораб Ошерович позднее вспоминал; «... В большом деревянном ящике стоял еще один, цинковый. Это был гроб, сверху которого была хорошо прилаженная стеклянная крышка. Там лежал высокий мужчина в военно-морском мундире, в лакированных ботинках. То ли цинковый гроб, упрятанный в большой вместительный сруб, то ли песчаный грунт и вечная мерзлота помогли, но покойник выглядел вполне прилично. И светлая бородка была видна, и иконка Богоматери Ченстоховской, и католическая молитва на бумажке хорошо сохранилась... Сотрудники НКВД приказали убрать всех рабочих и помалкивать о случившемся. Потом приехал «черный ворон» и увез тело адмирала Кетлинского. Где его вновь похоронили, я не знаю...»

Что касается вдовы адмирала Ольги Леонидовны Кетлинской, то она не уехала за границу, хотя это ей неоднократно предлагали сделать, а осталась в Мурманске. Там активно занималась благотворительностью, устраивала концерты, открыла первую публичную библиотеку, которую начал создавать еще ее муж. А дочери убитого адмирала Вера и Тамара стали одними из первых комсомолок Мурманска.

Но судьба семьи убитого адмирала не была легкой. Отношение окружения в Мурманске не раз менялось к ней на прямо противоположное. Вдова в конце Гражданской войны (в 1920—1921 годах) была посажена большевиками в тюрьму. Затем ее выпустят. Умрет Ольга Леонидовна в 1942 году от голода в блокадном Ленинграде.

В 1934 году, когда могила Кетлинского уже затерялась, на нее случайно наткнулся экскаватор, рывший котлован для строительства дома.

Впоследствии Вера Кетлинская вспоминала о том периоде своей жизни: «Жили мы... в бараке, занимали там две комнаты с маленькой кухней. В кухне мы прожили среди всего нашего скарба месяца два, пока уцелевшие от арестов аскольдовские матросы обшивали стены досками,

засыпали за доски шлак, складывали добротные печи... Когда утепление нашего жилья было закончено, мы с мамой поселились в одной комнате, а в другой, примыкающей к сеням, открылась библиотека. О библиотеке хлопотал еще папа, часть книг успели привезти из Питера, они лежали у нас дома в связках и с нами переехали в барак. Кое-что мама собрала «с рук» в Мурманске, затем поехала в Архангельск — хлопотать о пенсии и заодно раздобыть литературу, пенсию так и не дали, а книг мама привезла несколько ящиков, мы втроем разбирали их, расставляли по полкам, писали карточки. Чтобы получить помощь, мама действовала от имени «литературно-художественного кружка», но, честное слово, кроме нас троих, не было никого, кто тут приложил бы руку. Первая мурманская библиотека была общедоступной и бесплатной, но и мама — ее библиотекарь — ничего не получала, она продолжала бегать по урокам, а мы дежурили в библиотеке — я и Гуля, только теперь Гуля протестовала против своего детского имени, требовала звать ее Тamarой, к чему мы с трудом привыкали».

Жизнь как у Веры, так и у второй дочери адмирала, Тамары Кетлинских сложилась весьма не просто. В биографии обеих значилось, что они дворянки и дочери «царского адмирала». По этой причине всю жизнь им, как некогда их отцу, приходилось доказывать свою преданность советской власти. Если Тамара Казимировна Кетлинская (Трифонова) впоследствии стала литературным критиком и преподавателем в одном из ленинградских вузов, то Вера Казимировна Кетлинская получила широкую известность как писательница, воспевавшая подвиги комсомольцев. Ее перу принадлежит необыкновенно популярный в 30-е годы роман «Мужество», посвященного комсомольской стройке на Дальнем Востоке.

На долю Веры Казимировны Кетлинской выпала непростая жизнь. Она писала о стройках социализма, сочиняла производственные романы, руководила ленинградской писательской организацией в годы войны и блокады, воспитывала детей. Ее первый муж ушел к другой, второй, известный писатель-маринист А.И. Зонин был репрессирован и вернулся из лагерей с разрушенным здоровьем. Кетлинская всю жизнь оставалась верна идеалам социализма, пережила блокаду Ленинграда и в 1948 году получила Сталинскую премию за роман «В осаде», посвященный подвигу ленинградцев в годы Великой Отечественной. В августе 1946 года на заседании в Смольном, том самом, что было посвящено журналам «Звезда» и «Ленинград», Кетлинская держалась храбро, выступила, едва ли не единственная, со вполне трезвым словом, заступившись за поэтессу Ольгу Берггольц. При этом один из самых свирепых ораторов кричал тогдашнему

секретарю Александру Дементьеву: «Ты хочешь въехать в коммунизм верхом на адмиральской дочери!»

Почти в 40-летнем возрасте Кетлинская родила сына. При этом, будучи убежденной коммунисткой, она вела большую общественную работу. Кетлинская пишет произведения о строителях коммунистического общества романы «Дни нашей жизни», «Иначе жить не стоит» и многие другие. Умерла В.К. Кетлинская 23 апреля 1976 года, лишь двух недель не дожив до своего 70-летия.

* * *

А как же сложились судьбы других аскольдовцев? Разумеется, большая часть из них навсегда затерялась в водовороте революций, Гражданской войны, эмиграции и серии чисток 20—30 годов. Но некоторые все же оставили информацию о себе.

Любопытно, что фактическое отстранение от должности предшественника Кетлинского в должности командира крейсера «Аскольд» С.А. Иванова 6-го в связи с тулонским инцидентом не отразилось на его карьере. Вскоре Иванову 6-му был присвоен контр-адмиральский чин. Однако больше сколько-нибудь серьезных должностей он не занимал. Бывший командир «Аскольда» был отправлен во Владивосток в распоряжение командующего Сибирской флотилией. Во Владивостоке С.А. Иванов был назначен руководить находившимися там на морской практике гардемаринами. В некоторых исторических трудах, посвященных судьбам адмиралов российского флота в послереволюционное время, утверждается, что С.А. Иванов после революции эмигрировал в Италию и умер в конце декабря 1918 года в Риме. На самом деле С.А. Иванов с апреля 1918 года служил начальником Морского училища, размещенного во французском казарменном городке, в устье реки Сайгон. В феврале 1919 был зачислен в резерв чинов морских сил Дальнего Востока. Тяжело заболев в середине 1919 года, он выехал на лечение в Японию. Однако было уже поздно, и в начале июля того же года С.А. Иванов 6-й умирает в Японии.

Старший офицер крейсера, капитан 2-го ранга Леонид Васильевич Быстроумов, вскоре после прихода «Аскольда» на Север списывается с крейсера. Впоследствии сражается в рядах Северо-Западной армии генерала Юденича. Командует батальоном танков. После разоружения армии эстонцами уезжает в Аргентину. В январе 1960 года умирает в Буэнос-Айресе.

Капитан 2-го ранга Борис Михайлович Пашков, бывший председателем суда над заговорщиками, в годы Гражданской войны сражается в армии Деникина, мстя за своего младшего брата, Василия (командира эсминца «Гаджибей»), расстрелянного матросами на Малаховом кургане в декабре 1917 года. В марте 1919 года капитана 1-го ранга Пашкова переводят на Каспий. Там он командует вспомогательным крейсером «Азия», отрядом кораблей Белой Каспийской флотилии, руководит штабом флотилии. После ликвидации флотилии Пашков сражается в армии адмирала Колчака. При эвакуации из Владивостока в 1922 году командует дивизионом кораблей и судном «Батарей», совершает на нем переход Владивосток — Гензан — Шанхай — Олонгами (Филиппины). На кораблях флотилии Пашков остается до ее расформирования, после чего эмигрирует в Китай и оседает в Шанхае. В 1949 году, после провозглашения коммунистического Китая, он перебирается в США. В январе 1953 года умирает в Сан-Франциско.

Инженер-механик «Аскольда», старший лейтенант Эрнест Эрнестович Петерсен также принимает участие в Гражданской войне на стороне Белой армии. После эвакуации из Крыма перебирается в Эфиопию, где работает инженером В 1928 году умирает там во время эпидемии.

Лейтенант Сергей Константинович Корнилов, также, как и почти все офицеры «Аскольда», принимал активное участие в Гражданской войне в составе Белой армии. Впоследствии он эмигрировал в Париж, где являлся членом кают-компании и Морского собрания. В 1935 году умер в Париже.

Что касается ближайшего помощника Кетлинского, старшего лейтенанта Георгия Михайловича Веселаго, то впоследствии он был штаб-офицером для поручений при начальнике находящегося во Франции управления военнопленных. Когда же управление свернуло свою деятельность, он оказался востребован другим своим бывшим начальником — тогдашним Верховным правителем России адмиралом Колчаком. Тот, вовремя вспомнив бывшего толкового и инициативного подчиненного, предложил Веселаго стать его личным военным представителем при правительствах и командованиях стран Антанты. Должность весьма и весьма значима и ответственна, да и по плечу далеко не каждому генералу и адмиралу. В августе 1919 года Веселаго вступает в должность и, как всегда, развивает бурную деятельность. Однако дни самого Колчака уже сочтены. С падением и арестом Верховного правителя ликвидируется и должность его личного представителя в Европе. Веселаго оказывается не у дел. Так как во Франции его ничего не держит, на попутном транспорте он перебирается во Владивосток. Там, уже подустав от бесконечных

политических интриг, он устраивается в местное Александровское мореходное училище дальнего плавания обычным преподавателем навигации и морского дела, проявив при этом и неплохие педагогические способности. Но и во Владивостоке надолго остаться ему не удалось. Политическая ситуация в Приморье быстро менялась, и не в лучшую для Веселаго сторону. Оставался, разумеется, вариант пробраться во врангелевский Крым. Но Веселаго не стал этого делать. И вовсе не из-за трусости, а потому, что не был уверен, что и там ему не вспомнят мурманское сотрудничество с Советами, да и в белом деле он к этому времени, тоже, похоже, разочаровался. В январе 1920 года Веселаго окончательно прощается с Родиной и эмигрирует в отличие от подавляющего большинства российских эмигрантов не в Китай и Францию, а в неблизкую Мексику, где ему была обещана неплохая работа. Освоившись в Мексике, он несколько лет спустя перебирается оттуда в США, избрав для жительства Филадельфию. И здесь Веселаго остается самим собой. Не имея специального инженерного образования, он быстро становится ведущим инженером одной из крупных фирм, а затем и управляющим одного из ее региональных отделений, проявив незаурядный талант менеджера. При всем этом в душе Веселаго по-прежнему оставался русским морским офицером, а потому состоял членом Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Последние годы своей жизни Георгий Михайлович Веселаго провел в городке Менло-Парк в Калифорнии, где и умер в глубокой старости в 1971 году.

Долгую, хотя и не простую жизнь прожил бывший мичман-механик с «Аскольда» Валерьян Людомирович Бжезинский. Как председатель Центромора, в 1918 году он был арестован англичанами, но бежал в Петроград. Затем служил старшим инженер-механиком штаба Волжско-Каспийской флотилии в Астрахани, старшим морским начальником Астраханского военного порта. Был награжден орденом Боевого Красного Знамени. В 1919 году вступил в ряды большевистской партии. Избирался членом Президиума Астраханского Губисполкома, депутатом в 1921 году X съезда РКП (б) и в 1922 году XI съезда РКП (б).

В 1922 году был назначен первым начальником и комиссаром воссозданного в Петрограде Морского инженерного училища. Затем служил на разных должностях в центральном аппарате Морских сил РККА. Был советником у командующего 1-й национальной революционной армии Китая Чан Кайши. Работал заведующим сектором судостроения ВСНХ. С 1933-го по 1937 год являлся начальником ЦКБ-17, где проектировал линейные корабли, крейсера и эсминцы, был главным конструктором

экспериментального эсминца проекта 45 «Опытный». В 1937 году был арестован, приговорен к расстрелу, однако расстрел был заменен на 10 лет лагерей. Работал в «шарашке» (секретном ОКБ НКВД), где проектировал и производил расчеты прочности корпуса ныряющего торпедного катера собственного изобретения. Был освобожден в 1947 году. В 1949 году был вновь арестован и приговорен к поселению в Красноярском крае, в городе Енисейске.

В 1952 году Бжезинский был освобожден и направлен на Черноморский флот, внедрять свои изобретения. Впоследствии работал на Херсонском судостроительном заводе старшим строителем танкеров. В 1955 году был полностью реабилитирован и вернулся в Ленинград, работал главным конструктором в Центральном научно-исследовательском институте имени академика А.Н. Крылова. Был сотрудником Центрального военно-морского музея. С 1969 года на пенсии. Умер Бжезинский в 1985 году в Ленинграде.

Унтер-офицер крейсера анархист С.А. Самохин, пользовавшийся большим авторитетом на корабле, принимал самое активное участие в революционных событиях на Севере. Разочаровавшись в анархизме, он перешел к большевикам. О дальнейшей его судьбе автору ничего не известно.

Член мурманского Совета и ЦК флотилии Северного Ледовитого океана матрос В.Ф. Полухин впоследствии оказался на Каспийском море, там он вошел в состав правительства двадцати шести бакинских комиссаров и был впоследствии вместе с другими комиссарами арестован и расстрелян англичанами в песках за Красноводском.

Бывший матрос И.М. Ляпков, как мы уже знаем, доживал свой век в Пятигорске и был жив по крайней мере еще в конце 40-х годов.

История взрыва крейсера «Аскольд» до сих пор волнует умы историков. Время от времени в публикациях они вновь и вновь возвращаются к событиям в Тулоне 19 августа 1916 года. Однако что-то новое сказать о тех давних событиях уже крайне сложно, слишком мало конкретных фактов и слишком много времени с тех лет минуло. Увы, но на протяжении всего пройденного с тех событий века тулонские события рассматривались исключительно через призму государственной политики. Сразу же после неудачной попытки взрыва и до событий революций 1917 года преобладала версия диверсии с помощью завербованных матросов. В советское время утверждалось, что неудавшийся взрыв был провокацией офицеров корабля.

В настоящее время в ходу обе эти версии. Не исключается и третья —

подрывная работа революционеров-пораженцев. Как было все на самом деле, мы не знаем и, может быть, уже никогда не узнаем. Что касается автора, то, на его взгляд, предпочтительней все же является версия попытки подрыва корабля германской агентурой при помощи революционно-анархистствующей группы матросов. Насколько правильно были определены участники заговора, сейчас сказать трудно, однако очень вероятно, что личности подрывателей были определены все же правильно (может быть, только за исключением матроса Княжина, который почему-то избежал наказания) и получили по заслугам.

До сегодняшнего дня обстоятельства неудавшегося взрыва на «Аскольде» в 1916 году — это одна из бесчисленных тайн отечественной истории, имевшая весьма серьезные последствия для судьбы России. Думается, что к этой тайне еще не раз будут возвращаться как историки отечественного флота, так и историки революционных событий и Гражданской войны в России.

Что же касается самого К.Ф. Кетлинского, то с его смертью, его имя не кануло в Лету. Пройдет совсем немного времени после смерти контр-адмирала, и вокруг его имени начнется весьма нешуточная борьба.

* * *

Что касается дальнейшей судьбы крейсера «Аскольд», то она сложилась так же весьма трагично.

14 июля 1918 года англичане захватили уже практически небоеспособный к этому времени крейсер. Об обстоятельствах этого вероломного захвата написал В.Л. Бжезинский в своих воспоминаниях «Вооруженная интервенция на Мурмане» так описал последние дни крейсера «Аскольда»: «Адмирал Кемп отдал вчера распоряжение по радио о том, чтобы с «Аскольда» никто не отлучался. В результате Вашего непослушания произошел несчастный случай с убийством, за что английское командование приносит соболезнование», — переводил адъютант. Возражать из фронта не разрешалось. Вскоре тот же тральщик отвез нас обратно на корабль. То, что мы застали на крейсере, описать трудно. Вся жилая палуба была завалена вещами, выброшенными из рундуков и шкафчиков. На палубе валялась масса старых ботинок иностранных образцов. Свое обмундирование и белье я нашел в разных частях корабля, даже в кочегарке. Все деньги и многие более или менее ценные вещи были украдены. Несмотря на то что оставшийся на крейсере

старший помощник командира предлагал ключи от кают, все деревянные двери оказались выбитыми. Взломаны кассы... Рассказывали, как только отошел тральщик с нами, союзная команда набросилась на корабль, проникла во все части и занялась мародерством, что могли, надевали на себя, запихивали, куда только можно, остальное били, ломали и портили. Разоружение состояло в том, что французы сняли замки с шестидюймовых орудий, и то не со всех, и для «отбытия номера» выгрузили несколько десятков снарядов. Но особенно характерно поведение английских офицеров — с беззастенчивой, наглостью, с усмешкой, громко расценивая, они брали все, что им попадалось, подстрекая к тому же своих подчиненных. Всем было ясно, что офицеры, руководившие грабежом, который назывался разоружением, дали своим командам соответствующую установку. К кораблю отнеслись, как к призовому, завоеванному с боем у ненавистного противника. Председатель судового комитета предложил для формальности выбрать комиссию и зафиксировать украденное. Приблизительная расценка показала, что союзники унесли с собой на 20 тыс. довоенных рублей вещами и почти столько же наличными деньгами. Опись была составлена в трех экземплярах, скреплена подписями всего состава корабля и печатью. Один экземпляр подшили к делу судового комитета, второй передали командиру, а третий отослали в штаб генерала Пула. Там как будто пообещали расследовать, а затем команду «Аскольда» срочно выслали, на том дело и окончилось. На следующий день разрешили одному взводу, без винтовок, похоронить убитого товарища. Незаметная группа военморов тянулась за гробом по вязкой глине на кладбище. Мрачные, возвращались домой на корабль. «На днях нас выселят, — сказал машинист Тимофеев, переходя железнодорожные пути, — и все разъедемся, скорей бы!» Мурманск — в то время маленький барачный поселок — производил странное впечатление: с одной стороны — невылазная грязь постепенно распускавшейся трясины, мрачные бараки и с другой стороны — внезапный наплыв хорошо одетых русских аристократов и буржуа, спешивших эмигрировать, и многочисленных иностранцев. Спальные вагоны международного сообщения целыми составами заполняли запасные пути. Повсюду на вагонах висели флаги иностранных миссий под национальной охраной часовых, ждали очереди эвакуации. Через несколько суток корабль был, в основном, очищен от команды. Вереницей потянулись военморы вверх, на пригорок, к длинному ряду товарных вагонов. Долго размещались, громко суетились, оцепленные английской охраной. Наконец к вечеру подошел паровоз и медленно под конвоем блиндированного поезда тронулись... В Россию, до станции

Сорока. Вечером в день разоружения крейсера в кают-компаниии шли оживленные разговоры о происшедшем. Бывшие офицеры искренне возмущались и быстро согласились после некоторых поправок подписать следующее письмо, другого воздействия у нас не было, а молчать не могли. Письмо офицеров крейсера «Аскольд» кают-компаниии линейного корабля британского флота: «Глори» (флаг старшего на рейде союзной эскадры контр-адмирала Кемпа): «14 июля 1918 г. в 14 часов по приказанию генерала Пула с крейсера «Аскольд» были свезены все, кроме 25 матросов и 2 офицеров. Приказ гласил о разоружении, но, кроме разоружения, корабль подвергся грандиозному грабежу. Многие личные вещи оказались бесцельно разбросанными по палубе, перевернутыми и почти все приведены в негодность. Весь командной состав и команда оказались без денег, за малым исключением, все новые ботинки, брюки, бритвы, золотые и серебряные вещи похищены. Группа офицеров кают-компаниии всего неделю назад прибыла с Балтийского флота, где присутствовала при разоружении кораблей и занятии германцами Гельсингфорса и других городов. Эти офицеры, сочувствуя союзникам, уехали оттуда, не желая работать в сфере немецкого влияния. Но все же они никогда не видели и не слышали о таком отвратительном грабеже со стороны немцев. Ключи от всех помещений неоднократно предлагались, но ими никто не хотел пользоваться, все вскрывалось топорами и молотками. Денежные шкатулки и ящики были взломаны, а деньги похищены. Особенно поразило нас, бывших офицеров, то, что союзные офицеры, руководившие разоружением, покинули корабль с полными карманами. Офицер в форме майора взял, например, у старшего инженера-механика электрический фонарь, а британский офицер в заячьих перчатках унес логарифмическую линейку, офицерами же в одной из кают взяты финские деньги и другие ценные вещи. Многие из команд союзных войск надели по трое брюк. На корабле осталась масса старых иностранных ботинок, по-видимому, замененных новыми. Составленная опись установила, что с «Аскольда» увезено деньгами и имуществом судового состава на сумму свыше сорока тысяч довоенных рублей. А между тем среди личного состава крейсера имеются еще многие из тех, которые совместно с союзниками сражались против общего врага в Дарданеллах. Среди них были тяжелораненые, а также получившие высшие знаки отличия при совместных высадках в Салониках и [на] французском фронте, а теперь до последней степени ограбленные теми, с кем и за кого сражались. Мы пришли к выводу не оглашать случившегося, с тем же обращаемся и к команде, так как знаем, что это будет выгодно нашим врагам — немцам, но как же без разъяснения и

удовлетворения мы можем считать вас своими друзьями? Кают-компания выражает уважение французским комендорам за их гуманное отношение. Командир и кают-компания крейсера 1-го ранга «Аскольд» (15 июля 1918 г. Рейд — Мурманск). Из приведенных фактов видно, что союзное командование решило раскассировать команду «Аскольда» за их выступления против резолюции и выполнило это оперативно собственными силами, бесцеремонно, проявив самоуправство оккупантов. Разгром аскольдовцев, пожалуй, был первым актом с человеческой жертвой деятельности союзников». Как говорится, за что боролись, на то и напоролись...

Вскоре после захвата англичанами официально вошел в состав британского флота под названием «Glory IV» и некоторое время являлся плавучей казармой для части славяно-британского легиона Впоследствии, эвакуируя свои войска с севера, интервенты увели «Аскольд» в Англию, где он использовался как блокшив в Гриноке (Шотландия). В 1921 году советским правительством было принято решение выкупить крейсер у англичан и затем продать его на металлолом в Германию. В 1922 году «Аскольд» был выкуплен. Освидетельствовал его известный академик-кораблестроитель А.Н. Крылов, сделавший заключение о полной непригодности старого крейсера для дальнейшей эксплуатации. В своих воспоминаниях он подробно описал печальную и последнюю встречу с кораблем своей молодости. Знаменитый академик А.Н. Крылов написал: «В ноябре 1921 года английское правительство предложило нашему взять этот крейсер обратно с уплатой какой-то ничтожной суммы за его охрану. Как уже было сказано, я производил прогрессивные испытания «Аскольда» и затем совершил на нем переход до Алжира; и я еще помнил устройство этого корабля: на нем были бронзовые минные аппараты, красной меди трубопроводы, вообще много меди и бронзы, которые даже при продаже на слом, если корабль не войдет в строй нашего флота, расцениваются сломщиками высоко. На основании этого на запрос полпредства я доложил, что следует крейсер осмотреть, чтобы определить, стоит ли его ремонтировать для дальнейшей службы или продать на слом. Цена его при продаже на слом по моему расчету могла составить около 25 000 ф. ст. Сломщики предложат сперва 9000 ф. ст., но им следует ответить, что они сами знают, сколько на «Аскольде» меди и бронзы, сколько вполне исправных механизмов, 900 сажен якорных цепей и пр. Я был назначен в комиссию по осмотру. По докладе результатов его морскому командованию в Москве было предложено крейсер выкупить у англичан и затем продать германским сломщикам, что и было исполнено». Через несколько месяцев

корпус крейсера был отбуксирован в Гамбург, где и порезан на металл. Так завершилась история многострадального «Аскольда».

Глава семнадцатая.

БИТВА ЗА ПАМЯТЬ

Противоречивость оценок деятельности К.Ф. Кетлинского в 1917 году была характерна для советской историографии. Острая борьба в советской историографии по поводу политической оценки личности Кетлинского не была случайной. Она отражала тогдашние тенденции в осмыслении нашей непростой истории, и прежде всего ее революционного периода.

Мурманский историк П.В. Федоров так характеризует объективные причины начавшегося противостояния писателей и историков вокруг оценки деятельности контр-адмирала Кетлинского: «Революционные события, произошедшие в России 90 лет назад, положили начало новому периоду нашей истории. В бурном водовороте того времени оказался и военный флот. Об участии военных моряков в революционных событиях написано немало. В советский период классовый подход неизбежно определял проблематику исследований — приоритетной считалась тема борьбы матросов и нижних чинов флота с «контрреволюционным» офицерством. Социальные конфликты на флоте и в армии действительно стали существенным фактором разрушения старой государственности. Однако среди офицеров и крупных военачальников были и те, кто встретил революцию с надеждой на скорейшее установление гражданского мира и согласия. Советская историография нередко умалчивала или искажала их истинный образ».

Справедливости ради отметим, что периодическая переоценка деяний тех или иных исторических деятелей вообще характерна для нашей историографии, которая всегда четко реагирует на сиюминутную политическую конъюнктуру и быстро подстраивается под нее.

Что касается Кетлинского, то в исторической литературе первым обвинил его в контрреволюционности чекист М.С. Кедров, написавший в начале 30-х годов достаточно тенденциозную книгу «Без большевистского руководства: Из истории интервенции на Мурмане». Через несколько лет отличавшийся звериной жестокостью в обращении с арестованными Кедров сам навсегда исчезнет в подвалах Лубянки. Но брошенные им семена попадут на благодатную почву. Эстафету Кедрова с его взглядом на Кетлинского, как на сугубо отрицательный персонаж советской истории примут в 1940—1950-х годах тогдашние ведущие историки революции и

Гражданской войны В.В. Тарасов, И.С. Шангин и Г.Е. Мымрин.

Историк К. Козловский, к примеру, о контрреволюционности Кетлинского писал так: «Их (очевидцев событий 1918 года в Мурманске. — *В.Ш.*) свидетельство прочно и незыблемо, что в деятельности Кетлинского в Мурманске есть много скрытых, закулисных и темных сторон». Но скрытые, закулисные и тем более, темные стороны, на то они и темные, что о них никто ничего не знает. А раз не знает, то можно ли утверждать что-либо конкретно?»

Вот еще одно свидетельство, на этот раз бывшего матроса-аскольдовца Седнева, который, спустя сорок лет после смерти Кетлинского, в 1958 году утверждал: «Он (Кетлинский. — *В.Ш.*) был душой заговора против советской власти». Впрочем, бывший аскольдовец так и не привел ни одного доказательства существования этого заговора.

Один из самых активных «хулителей» Кетлинского ленинградский профессор В.В. Тарасов в середине 80-х годов утверждал о якобы имевшихся место планах К.Ф. Кетлинского организовать, помимо мифического заговора еще и некую тайную «морскую экспедицию» для вывоза царской семьи из России. Причем, объявляя свою информацию достоверной, Тарасов тем не менее никаких конкретных доказательств этому утверждению не приводил. При этом именно свою версию о попытке Кетлинского выкрасть Николая Второго Тарасов считал главным доказательством в обвинении Кетлинского в контрреволюционности!

Что касается меня, то я в версию профессора В.В. Тарасова нисколько не верю. Прежде всего, никогда и никто не публиковал хоть каких-то документов, подтверждающих утверждение ленинградского профессора. Кроме этого, Кетлинский никогда не был убежденным монархистом, чтобы бросаться в такую авантюру. К тому же каким образом он мог вообще организовать вывоз бывшего царя и его семьи из Тобольска или из Екатеринбурга? «Морская экспедиция», о которой говорил Тарасов, это, конечно, звучит красиво, но как реально добраться на кораблях до Тобольска? Ведь для этого надо было тайно пройти Баренцево и Карское моря, а также почти весь Иртыш, от низовий до верховий, а затем, выкрад царя, повторить опять же, в тайне от всех, этот же путь в обратном направлении!

И сегодня для выполнения столь серьезного плавания необходимы долгая и весьма серьезная подготовка, информация о ледовой обстановке, наличие судов ледового класса, опытной команды и огромные запасы топлива, не говоря уже о многом остальном. Мог ли Кетлинский, находясь сам в весьма неопределенном положении в конце 1917-го, начале 1918 года,

затевать столь грандиозное предприятие? Что касается «морской экспедиции» в Екатеринбург, то это выглядит еще фантастичнее.

Чтобы понять абсурдность утверждений Тарасова, стоит лишь посмотреть на карту России. Единственно, что мог бы теоретически сделать Кетлинский, это обещать организовать отъезд бывшего царя непосредственно из Мурманска. Но кто бы его туда ему привез? Да и зачем было везти царя в неблизкий Мурманск, когда его в случае успешной организации побега гораздо проще было вывезти из Архангельска?

История всех реальных попыток освобождения Николая Второго и его семьи в настоящее время уже достаточно хорошо изучена историками. При этом до сих пор никаких следов хоть какого-то участия в одной из них Кетлинского так и не обнаружено. Помимо этого, вспомним, что проблемы с вывозом царской семьи при активном противодействии уральских большевиков были даже у большевистских верхов в Москве.

Несмотря на полное отсутствие каких-либо реальных доказательств контрреволюционности Кетлинского, «последнее слово» в посмертной судьбе Кетлинского сказал главный идеолог истории Октябрьской революции академик Исаак Минц, чья точка зрения считалась в советское время истинной в последней инстанции. Приговор академика Минца был однозначен — Кетлинский являлся скрытым врагом советской власти.

* * *

Однако далеко не все были столь однозначного мнения о политических взглядах Кетлинского. Так, из рассказов Ф. Раскольниковца известно, что в начале января 1918 года народный комиссар по морским делам Дыбенко, узнав на III съезде Советов, что Кетлинский виновен в расстреле четырех матросов на крейсере «Аскольд», приказал разобраться и наказать виновного. По заданию наркома тогда же были подобраны по этому делу материалы, находящиеся в делах Главного морского штаба, в частности, последнее обращение судового комитета крейсера «Аскольд» с жалобой на безрезультатность неоднократных заявлений команды о преступлениях командира и других офицеров корабля. Не дожидаясь результатов расследования, Дыбенко сразу же приказал арестовать Кетлинского, подписав соответствующую телеграмму в адрес председателей Мурманского Совдепа и Центромора. Раскольников, будучи заместителем наркома, по его словам, имел возможность более подробно разобраться с материалами следствия комиссии Аесниченко, а также начал выяснять

обстоятельства этого дела у товарища председателя Центромур Ляуданского и начальника штаба гланамура Веселаго, находившихся в тот момент в Петрограде. Помимо этого, Раскольников навел справки относительно Кетлинского и у флотских офицеров, пользовавшихся доверием наркомата. Все они характеризовали Кетлинского как либерала, которого можно полезно использовать для разработки реформы и строительства Красного флота. В результате обсуждения вопроса по судьбе Кетлинского на заседании Морской коллегии Дыбенко вынужден был отменить свою телеграмму о его аресте, разрешив гланамуру возвратиться к исполнению своих обязанностей впредь до рассмотрения дела специальной следственной комиссией. В организации этой новой комиссии должен был принять участие и Раскольников. Однако в конце января 1918 года в Петрограде получили сообщение об убийстве Кетлинского и вся возня вокруг «дела крейсера «Аскольд» сразу же перестала всех интересовать.

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «Я поинтересовался (у Ф. Раскольникова. — *В.Ш.*) о том, каковы были предположения Коллегии в отношении судьбы Кетлинского. Раскольников ответил, что Коллегия приняла бы решение в зависимости от результатов следствия, но что он лично считал, что Кетлинский, безусловно, скомпрометирован своим прошлым, но что он быстро советизировался. Раскольников считал, что Кетлинского прежде всего необходимо убрать из Мурманска и использовать в аппарате наркомата по вопросам, связанными с реформами флота, и по организации системы обучения на флоте после перехода его на добровольческие начала... Я остановился обстоятельно на обстановке, при которой Раскольников высказал свое намерение отозвать Кетлинского из Мурманска. Он считал, что независимо от выводов следственной комиссии в феврале Кетлинский был бы отозван из Мурманска. Поэтому те, кто говорит о том, что если бы адмирал остался жив, то он активно содействовал бы белогвардейскому перевороту, не учитывают того, что ко времени этих событий в июле 1918 г. он был бы далеко за пределами Мурманского края».

Что и говорить, Кетлинский в должности гланамура был всего лишь «калифом на час», и судьба его, как военно-морского начальника, была уже предрешена. Несмотря на полное отсутствие каких бы то ни было деяний против советской власти, ему все равно не доверяли и желали убрать из Мурманска как можно скорее. Впрочем, в той ситуации, которая складывалась на Мурмане в начале 1918 года, возможности Кетлинского были на самом деле не велики.

Из воспоминаний инженер-механика крейсера «Аскольд» В.Л. Бжезинского: «Я уверен, что если бы Кетлинский продолжал занимать должность гланамура, события протекли также и закончились бы интервенцией. Кетлинский, не удалив союзный флот осенью 1917 г., не смог бы парализовать его деятельность весной и летом 1918 г. Преобладающее превосходство в силах осталось бы за союзниками — интервентами. Предполагать, что Кетлинский мог бы договориться с англичанами или протестовать, используя свой авторитет, нельзя, так как интервенция была проведена распоряжением свыше и за местным союзным командованием оставались только вопросом тактики обмана и вмешательства, а не решение вопроса, быть или не быть интервенции. Остается открытым вопрос о том, как бы отнесся Кетлинский к распоряжениям Советского правительства о выражении союзникам протеста и даже вооружении сопротивления при попытке высадки войск? В данном случае каждый исследователь должен ответить, что он не знает, как поступил бы Кетлинский. С одной стороны, известно, что гланамур считал своим долгом выполнять приказы, а не обсуждать их, кроме того, со дня его смерти прошло полгода, за которые могло бы многое измениться. Можно отметить, что Кетлинский приносил большие жертвы: он пережил без единой жалобы суд команды на корабле, следствие комиссии Лесниченко, вопросы о реорганизации штаба в Центромуре, угрозы «непримиримых», наконец, арест и перспективу нового следствия, в то же время все активнее и активнее участвовал в работе демократических организаций, боролся, как умел, за сохранение боеспособности флотилии. Эти переживания очищали его старорежимную идеологию и могли привести к полной советизации, как это произошло со многими офицерами царской армии и флота. Таков мой вывод об этом грешном человеке. Морская коллегия при существенной поддержке Самохина и Раскольниковца оформила семье Кетлинского пенсию, как семье военного моряка, погибшего на посту».

Грустно, но выдвигенцы Колчака даже после смерти Кетлинского продолжали мстить за «обиды» своего шефа его семье. Так, любимец Колчака контр-адмирал Л.Л. Иванов, переведенный им с Балтики на Черное море, а во время Гражданской войны ставший начальником штаба флотилии Северного Ледовитого океана, осенью 1919 года вспомнил о вдове бывшего конкурента Колчака и приказал командиру Мурманского порта капитану 1-го ранга Дарагану: «Предложите вдове Кетлинской выехать на юг и предупредите ее о выселении из квартиры». Практически это был приказ выбросить женщину с двумя маленькими дочерьми на улицу. Однако порядочные флотские офицеры в Мурманске все же еще

были, и тот же Д.И. Дараган отказался выполнить распоряжение своего начальника, доложив: «Кетлинская зарабатывает уроками всего 121 руб. в месяц.

Переезжать в Крым, не зная имущественной обстановки, из-за детей пока не желает. Лишена всяких денежных средств». Лишь после этого контр-адмирал Иванов оставил вдову Кетлинского в покое.

При этом Ольга Леонидовна Кетлинская оставила о себе в Мурманске самую светлую память. Именно она была организатором первого мурманского литературно-художественного кружка, первых благотворительных вечеров, городской публичной библиотеки и первого детского сада-приюта. При этом, несмотря на смерть мужа, она по-прежнему активно продолжала заниматься общественной работой.

* * *

Единственной последовательной и бескомпромиссной защитницей памяти контр-адмирала Кетлинского, как человека, принявшего советскую власть и павшего за ее идеалы, стала его дочь, Вера Казимировна Кетлинская.

Заняв к 50-м годам XX века весьма высокое место в писательской иерархии, Вера Кетлинская начала компанию по посмертной реабилитации своего отца. Кетлинская стремилась доказать, что ее отец искренне сотрудничал с советской властью и никогда не был ее врагом, а его убийство стало делом рук английской контрразведки и офицеров-контрреволюционеров.

В своей книге «Вечер. Окна. Люди» В. Кетлинская приводит в защиту своего отца высказывания участников событий на Мурмане в 1917—1918 годах. Так, она случайно нашла Т.Д. Аверченко, бывшего начальником контрразведки Мурманского укрепрайона и одновременно секретарем уездкома РСДРП (б) в 1920—1922 годах А.М. Ларионов сам нашел ее и, по словам Кетлинской, написал ей: «Вы обязаны рассказать правду о своем отце и о мурманских событиях, вы же знаете отца и лучше других можете понять его!» Ветеран, по словам В. Кетлинской, буквально потребовал от нее, чтобы дочь вступилась за правду об отце.

Впрочем, позднее Т.Д. Аверченко сам написал воспоминания, где тепло отозвался о контр-адмирале Кетлинском и закончил их следующими словами: «Я взялся на старости лет (мне уже 75 лет) за перо, чтобы помочь историкам в восстановлении истины, снять незаслуженные обвинения с

сотен людей: контр-адмирала Казимира Филипповича Кетлинского, обвиненного в двурушничестве, измене Родине и в организации помощи интервентам. С десятков подлинных большевиков из Мурманского Совета, Совжелдора, Центромюра, которых историки не только забыли, но и оклеветали, зачислив в эсеров и подсобников интервентам. Нужно навести порядок в историческом хозяйстве Мурманска. Мы тогда были молоды, полны сил и энергии и все, что имели, отдавали, как могли и умели, на борьбу за власть Советов».

В. Кетлинской пришлось нелегко, так, первые же выступления в защиту отца сразу привели к многочисленным жарким дискуссиям среди ленинградских писателей. К этим дискуссиям вскоре подключились историки и партийные деятели.

В.К. Кетлинская откровенно признавалась: «В своем отношении к отцу я пережила разные периоды. Был период, когда я считала просто, что, поскольку он офицер, дворянин, контр-адмирал, я ставлю на нем крест и отрекаюсь от него. Был такой период. Когда я выросла и поумнела, я стала разбираться, что же здесь правильного...»

Честность Веры Кетлинской и ее настоящее мужество не могут не вызывать уважения. В письме к мурманскому краеведу Е.А. Двинину Вера Кетлинская писала: «Я выдержала большую борьбу, очищая... имя (отца. — *В.Ш.*) от клеветы, мне удалось доказать, что никакой контрреволюционной деятельности он не вел, но пробить это в печать пока не удалось, историки чрезвычайно неохотно пропускают критику друг друга, охраняя честь мундира, но брешь уже пробита, это уже хорошо, хоть повторять не будут...»

Борьба за реабилитацию имени отца стоила Кетлинской немало сил и нервов. Писатель Федор Абрамов, выступая в Ленинграде, прямо говорил по этому поводу: «Кетлинскую в течение очень длительного времени... просто травят в нашей организации».

Масла в огонь подлил, возможно, сам того до конца в то время не понимая, и В.С. Пикуль, написавший исторический роман «Из тупика», посвященный перипетиям установления советской власти на Севере. Одним из главных действующих лиц романа стал некий контр-адмирал Кирилл Фасович Ветлинский, в котором читатель без особого труда мог узнать Кетлинского. А так как научным консультантом и рецензентом романа выступил доктор исторических наук В.В. Тарасов, то, естественно, что Пикуль высказал в книге именно его точку зрения на личность Кетлинского.

Заметим, что в первоначально Пикуль, судя по всему, не очень-то хотел

делать из своего Ветлинского (Кетлинского) контрреволюционера, за что тут же получил нагоняй. Консультировавший Пикуля известный в то время историк революционного Севера В. Тарасов сразу же указал молодому писателю на ошибочность его трактовки образа Ветлинского (Кетлинского): «Вы, Валентин Саввич, допускаете в книге ряд противоречий в оценке Кетлинского. Правильно показываете его в период службы царю и Временному правительству как сатрапа, а при советской власти он у Вас выглядит как лояльный новой власти человек. Но этот человек был душой заговора против советской власти, он создал контрреволюционный штаб главнамура, в котором все — от писаря до генерала — были белогвардейцами. А он у вас или в тени, или даже лояльный человек».

Судя по всему, после последовавшей критики автор переписал образ адмирала так, как ему было рекомендовано.

Что касается Веры Кетлинской, то маститая писательница тут же записала молодого Валентина Пикуля в свои личные враги. Любопытно, что свои первые шаги в литературе Пикуль делал в литературном кружке именно под руководством Кетлинской. Защищая своего отца, она писала, что Пикуль «умудрился сочинить роман, опираясь на ошибочные книги». К этому времени дочь адмирала уже руководила Ленинградской писательской организацией. Поэтому она сразу же поставила вопрос об исключении Пикуля из Союза писателей СССР. «Спасибо Виктору Конецкому, который был на том собрании и сказал, что это всех вас надо исключить из Союза писателей, а не Пикуля», — вспоминал позднее Валентин Пикуль.

Впрочем, понимая, что Кетлинская в своей борьбе против него пойдет до конца, Пикуль был вынужден покинуть родной Ленинград и перебраться навсегда в Ригу. Таким образом, в каком-то смысле и Валентина Саввича можно считать еще одной жертвой «тулонского дела»...

В 1974 году Вера Кетлинская написала и издала книгу «Вечер. Окна. Люди», посвященную своему отцу. Основная идея книги была все та же — о реабилитации его имени.

Историк Федоров пишет: «Изданию книги (имеется в виду книга «Вечер. Окна. Люди». — *В.Ш.*) предшествовала публикация отрывка из нее в «Литературной газете» 10 сентября 1969 года. В ответ на эту публикацию в Ленинградский обком КПСС пришло коллективное письмо, подписанное пятью ленинградскими писателями — Н. Брыкиным, А. Сапаровым, А. Решетовым, И. Авраменко и Ю. Помозовым. В этом письме Вера Кетлинская обвинялась в сознательной подтасовке исторических фактов, в желании «перекрасить» своего отца — из «карателя и палача» в революционера. Вместе с тем авторы задевали профессиональную

писательскую деятельность В. Кетлинской, обвиняя ее в «демагогических выступлениях» и «заигрывании с фрондерски настроенными молодыми писателями». Почти одновременно в Ленинградский обком партии пришло еще одно письмо аналогичного содержания от давнего оппозиционера В. Кетлинской члена Союза писателей Г. Мирошниченко, предложившего назначить «авторитетную комиссию, которая восстановит историческую правду». Созданная по приказу Ленинградского обкома партии очередная «комиссия» (под председательством В.Н. Кукушкина) по расследованию «дела Кетлинского», изучив многочисленные материалы, в своих выводах оказалась весьма лояльной и к самому адмиралу, и к его дочери: «Вопрос о реабилитации Кетлинского поднимался уже пятьдесят лет назад, — говорилось в заключении комиссии. — Можно было давным-давно расставить все точки. Но несложный вопрос запутали некоторые историки, а затем к этому подключилась и группа писателей». 8 июня 1970 года на объединенном заседании партийного бюро и партийной части секретариата Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР, выслушав заключение комиссии по делу Кетлинского, некоторые писатели выразили свой протест. Один из авторов коллективного письма, Н. Брыкин предложил аннулировать заключение комиссии, передав дело Кетлинского «для решения в Институт Маркса—Ленина при ЦК КПСС или в Институт истории Академии наук СССР». Другой автор коллективного письма поэт А. Решетов, также не согласившись с мнением комиссии, сказал: «В молодости я попал в Мурманский край — на Хибинскую стройку, естественно, многое узнал от старых северян, рассказывавших мне то, что памятно им, дававших мне хранившиеся у них книги о своем крае, фотографии. Теперешняя попытка Кетлинской ревизовать историю, опрокинуть такие авторитетные свидетельства, как книга старого большевика Кедрова, никак не согласуется с ее риторическими заявлениями о верности правде». Припомнил А. Решетов и попытку В. Кетлинской защитить «крамольного» А. Солженицына на 4-м Всесоюзном съезде писателей. Впрочем, на собрании присутствовало немало сторонников Веры Кетлинской. В ее защиту выступали Ф. Абрамов, Д. Гранин, Ю. Рытхэу и другие. Любопытно, что за бывшую комсомолку и активную коммунистку выступили прежде всего те, кто много лет спустя переметнется в лагерь либералов и также с пеной у рта будут петь хвалу уже другим кумирам, делая все возможное для развала СССР. Таковы парадоксы истории...

Чем больше разгоралась дискуссия, тем яснее становилось, что «дело Кетлинского» выявило глубокий разлом в среде ленинградской творческой

интеллигенции начала 70-х годов. Хорошо просматривалась борьба старого и нового подхода в оценке окружающей действительности, в отношении к личности и творческому труду. На выступлениях сказывались и результаты, принесенные хрущевской «оттепелью», и последствия первых «заморозков». Вовлечение писательского цеха в решение сугубо историко-научной проблемы было следствием политизации гуманитарного пространства в СССР. Не случайно представлявший научные круги профессор В.В. Тарасов как-то заметил, что вопрос о Кетлинском «перерос рамки малой научной дискуссии, он становится большим политическим вопросом». Но в то же время заметно и неприятие такого положения со стороны отдельных писателей, которые прямо говорили о своей некомпетентности в области исторических наук и необходимости предоставить решение этих вопросов ученым. Вместе с тем за раздумьями о судьбе покойного адмирала на кон ставились отнюдь не частные вопросы: о возможности плюралистического понимания истории, альтернативах исторического процесса, необязательности классовой доминанты при рассмотрении событий революционного прошлого, автономности науки от политики, порочности принятой некогда установки об отказе детей от своих родителей, если последние принадлежали к лагерю политических противников.

В 60-е годы в процесс поиска новых исторических подходов активно включилась провинция. Стараниями местных историков — М.И. Шумилова из Петрозаводска, А.А. Киселева и Ю.Н. Климова из Мурманска — были обнаружены доказательства несостоятельности принципиальных утверждений историографии в отношении революции на Севере вообще и адмирала К.Ф. Кетлинского, в частности, что помогло снять ярлыки со многих участников тех событий и заложить основы новой научной концепции. Но и после того, как эти старания были подвергнуты критике в партийной печати, процесс переосмысления прошлого и себя самих уже необратимо продолжал пробивать себе дорогу в жизнь».

Достаточно неоднозначно был выведен в романе «Из тупика» и старший лейтенант Г.М. Веселаго, который предстает перед читателями в образе старшего лейтенанта Басалаго. Увы, в отличие от реального храброго и инициативного патриота Веселаго, его литературный образ получился в определенной мере гротесковым. Басалаго — нагл и беспардонен, он хитер и подл. Именно он умело манипулирует контр-адмиралом Ветлинским (литературный образ Кетлинского), интригует в Мурманском совете, плетет бесконечные интриги и заговоры, думая только о своей особе, но не о Родине, и даже устраивает покушение на самого себя. Честно говоря, зная

творчество зрелого В. Пикуля, я не думаю, что в глубине души он был согласен именно с такой трактовкой образа Веселаго (а вместе с ним и Кетлинского). Но таковы были правила игры в то время, и все исторические персонажи, кто так или иначе не вписывался в параграфы «Краткого курса ВКП (б)», автоматически объявлялись врагами и партии и советской власти. А потому молодой начинающий писатель Пикуль просто не мог в то время написать правду о героях своего романа.

Сегодня мы, увы, не можем привести точку зрения самого Валентина Саввича Пикуля по данному вопросу. Однако у нас есть уникальная возможность узнать точку зрения его вдовы Антонины Ильиничны, которая уделила истории противостояния своего супруга с Верой Кетлинской довольно значительное место в своих воспоминаниях о муже «Валентин Пикуль. Слово и дело великого романиста» («Вече», 2013 г.).

Она пишет: «События, освещенные в романе (имеется в виду роман «Из тупика». — В.Ш.), связаны с установлением советской власти на Севере, в местах, где в годы Второй мировой войны воевал, автор. Видимо, это обстоятельство придает персонажам повествования рельефность в описании и почти осязаемость.

Многие страницы романа посвящены крейсеру «Аскольд», прекрасному боевому кораблю, который начал боевую службу в Дарданелльской операции, избородил три океана и четырнадцать морей, не имея вестей с родины два года. Наконец, прославленному крейсеру приказано следовать в Тулон — встать на ремонт. Провокационный взрыв на крейсере приводит к смене командира: Иванова 6-го заменяют адмиралом Ветлинским, с ведома которого расстреливают четырех матросов «Аскольда», а 113 членов команды отправляют в арестантские роты».

«Так встретил «Аскольд» весть о Февральской революции. Гонимый Тулоном и английскими портами, оставшись с половиной офицерского состава (другая скрылась на берегу, испугавшись революции), крейсер идет в долгий рейс на родину, в Мурманск... Здесь, на отшибе, Россия обрывалась в океан. Здесь тогда был тупик. И вот о том, кто и как завоевывал выход из тупика — не только по карте, но и из тупика жизни, — и написан роман Пикуля», — рецензируя роман, пишет Раиса Мессер.

Автору удалось многие образы романа: симпатичен образ инженера-путейца Аркадия Небольсина, начальника дистанции на железной дороге, честного и порядочного человека, жизнь которого наполнена борьбой против разного рода мерзавцев и негодяев. Его убеждение: «Надо оставаться честным патриотом России даже в самом поганом месте». Но

жизнь неминуемо втягивает его в политическую борьбу.

Запомнились читателям и несгибаемые большевики, Самокин и Павлухин с крейсера «Аскольд», а среди вымышленных лиц с наибольшей детализацией очерчена линия жизни самого молодого героя романа — аскольдовского мичмана Женьки Вальронда, унаследовавшего некоторые черты характера от самого Пикуля и которому автор явно симпатизирует. Этот герой как бы вбирает в себя мысли создателя, его наблюдения, переживания, вместе с которым писатель проживает жизнь.

Пикуль считал роман «Из тупика» одной из своих писательских удач, этот вывод подтвердили и многие читатели, но официальная оценка романа не была столь однозначной и благожелательной. Напротив, после выхода книги имя автора на продолжительное время исчезло со страниц печати и было не упоминаемо.

В очерке о Валентине Пикуле, написанном в 1969 году, критиком Раисой Давыдовной Мессер справедливо отмечалось: «О нем нет критических статей, существуют лишь краткие рецензии на его первую книгу. А между тем им опубликовано уже пять произведений, четыре из которых — исторические романы...»

Что же произошло? Попытаемся заглянуть в творческую лабораторию писателя.

По имеющимся в архиве документам, приходим к выводу, что дело по роману «Из тупика» приняло большую масштабность, имя писателя перекочевало в кулуары писательских организаций, на трибуны конференций, в кабинеты обкомов и даже значительно выше — в ЦК КПСС, к секретарю П.Н. Демичеву и в Институт марксизма-ленинизма.

А эпицентром «словесного фехтования» стал на всех уровнях адмирал Кетлинский, выведенный в романе-хронике Пикуля под фамилией Ветлинский.

Флагманом оппозиции против Пикуля выступала дочь адмирала — Вера Кетлинская, стоявшая в то время у «руля» правления в Ленинградской писательской организации, опубликовавшая в журнале «Новый мир» свои воспоминания «Вечер. Окна. Люди», в которых «подкрасила» портрет отца в революционный, красный, цвет. Кетлинская защищала родовую честь, а все шишки злой критики сыпались на голову писателя. Впрочем, «шишки» на голову Пикуля сыпались и справа, и слева.

В своих доброжелательных консультационных замечаниях профессор В.В. Тарасов, к тому времени около тридцати лет занимавшийся исследованием интервенции и Гражданской войны на севере России, писал Пикулью:

«Вы, Валентин Саввич, допускаете в книге ряд противоречий в оценке Кетлинского: правильно показываете его в период службы царю и Временному правительству как сатрапа, а при советской власти он у вас выглядит как лояльный новой власти человек. Но этот человек был душой заговора против советской власти, он создал контрреволюционный штаб Главнамура, в котором все — от писаря до генерала — были белогвардейцами. А он у вас или в тени, или даже лояльный человек».

Так кто же такой К.Ф. Кетлинский? Сатрап с «Аскольда» или дисциплинированный офицер, прогрессивная личность? Удивительно, но факт: роман Валентина Пикуля стал поводом к тому, чтобы по этому вопросу спустя полвека в схватку вступили потомки враждующих сторон.

Свою точку зрения отстаивали участники революционных событий на Севере, доказывая, что Кетлинский участвовал в заговоре против советской власти.

Эту точку зрения поддерживал и академик Кедров, автор книги «От Тулона до Мурмана», и ряд историков и литераторов, но, главное, те, кто знал Кетлинского по Мурману. К. Козловский, участник тех событий, писал автору «Из тупика»: «...В деятельности Кетлинского в Мурманске есть много скрытых, закулисных и темных сторон, о которых Вера Казимировна предпочитает умалчивать, а говорить о том, что ей выгодно».

Матрос-аскольдовец Седнев спустя сорок лет после смерти Кетлинского скажет о нем «Он был душой заговора против советской власти».

В письме автору романа читатель прислал четверостишие:

Не удалось тебе, мемуаристка Вера,
Из папы сделать революционера,
И сколько б ты ни суетилась, ни орала,
Останешься ты дочкой контры адмирала.

В другом письме участника Гражданской войны читаем: «Еще живы те, которые знают, кто фактически виновен в расстреле четырех матросов в Тулоне — фигура командира крейсера Кетлинского, сменившего Иванова 6-го была достаточно известна как махрового монархиста».

Точка в этом затянувшемся споре была поставлена документальными источниками.

Архивные документы подтверждают, что новый командир корабля (К. Кетлинский), прибывший на корабль с целью разгрома революционного

движения на крейсере, активно участвовал в подборе состава суда, не раздумывая, утвердил приговор на расстрел четырех матросов: «Представленный мне на конинформацию приговор суда особой комиссии по делу о взрыве на крейсере «Аскольд»... я в силу предоставленного мне права... утверждаю.

Приговор предлагаю привести в исполнение в законный срок — немедленно» (ЦГА ВМФ. Ф. 565. Оп. 1. Д. 27. Л. 156-161).

Роман «Из тупика» вызвал такую богатую почту, что впору писать новое исследование. Остановлюсь на нескольких штрихах из писем читателей.

«Почти 60 лет своей жизни я посвятил морю, флоту и кораблям и сейчас тесно связан с судостроением. Поэтому перед моими глазами и при непосредственном участии происходили многие события, относящиеся к нашему флоту и особенно — к созданию военно-морского и транспортного флота... Ваши романы «Океанский патруль», «Из тупика» я читал и перечитывал и, как моряк и кораблестроитель, ценю очень высоко...» — писал Анатолий Александрович Моисеев из Ленинграда в 1974 году.

Из Северной Атлантики, из Дэвилова пролива с борта МБ-0451 пришло письмо от моряка и историка по образованию Петра Семкова: «Ваш роман «Из тупика» повлиял на мою отметку в дипломе по истории СССР советского периода. Я в то время учился на историческом факультете Мурманского пединститута и во время экзамена поспорил с заведующим кафедрой А.А. Киселевым по поводу исторического образа Кетлинского. Киселев был солидарен с Верой Кетлинской, которая считала своего отца «первым коммунистом на Мурмане»... Я отстаивал Вашу точку зрения по тулонскому инциденту и до сих пор считаю ее правильной...»

...Буря возмущений прокатилась и в Ленинградской писательской организации, на учете в которой Пикуль состоял, разделив «инженеров человеческих душ» на два враждующих лагеря. Писатель Николай Кондратьев из Ленинграда сообщает об одном инциденте:

«Прошлое партийное собрание было весьма бурным Выплыл... Казимир Кетлинский и рукой Александра Васильевича Грина влепил пощечину Илье Авраменко, который критиковал именитого писателя за явно пролитую слезу по адмиралу-палачу — при разборе конфликта Кетлинской и пяти правдборцев.

Все это очень скверно, и я принял меры, чтобы примирить двух моих друзей-Александр Решетов, бичуя Кетлинского, сказал о тебе, как о выдающемся русском писателе... Так что столби! Столби литературный путь свой...»

Но не будем больше смаковать «негатив». Негативное надо уметь дозировать. Сплошное охаивание убивает веру, жизнь без которой не имеет смысла. Это твердо усвоил Валентин Саввич.

...И жизнь расставила все на свои места. Забегая вперед, скажу, что в 1987 году Пикуль был удостоен литературной премии Министерства обороны за роман «Из тупика...»

Как представляется, в настоящее время можно считать, что после 1991 года закончилась эта «гражданская война историков». Оглядываясь назад, думается, что в споре о роли Кетлинского в событиях 1917 года, по существу, правы были обе стороны. Кетлинский, как подавляющее большинство офицеров старой армии, по убеждениям был, конечно, ближе к монархистам и республиканцам, чем к радикалам-большевикам. Но это вовсе не значит, что он обязательно пошел бы за своим заместителем, лейтенантом Веселаго в сторону белого движения, возглавляемого его личным врагом Колчаком. Не меньшие основания у него были следовать за своим спасителем Беренсом, служившим, как мы знаем, верой и правдой советской власти.

Показательный момент, в Мурманске никогда не было, и в обозримом будущем вряд ли появится улица Кетлинского, зато улица Аскольдовцев имеется. Уж не в честь ли тех, кто убивал адмирала выстрелами в спину?

В целом же Казимира Филипповича Кетлинского можно считать значительной политической фигурой в революционных событиях 1917—1918 годов, стоящей в одном ряду с подавляющим большинством флотских офицеров, бывших честными патриотами России и флота. В том, что именно Кетлинский, как и его балтийский коллега Щастный, стали одними из первых трагических жертв начинающейся Гражданской войны, есть свой трагическо-логический смысл. Оба флагмана пытались остаться вне политики, вне революции и вне братоубийственной бойни и именно потому оба были сразу же сметены всеокрушающим валом тотального террора.

Как мне видится из сегодняшнего дня, взявшись в начале 60-х годов за крайне рискованную тогда тему нюансов установления советской власти на Мурмане, Валентин Саввич Пикуль уже изначально был обречен на печальные последствия для себя. Если на минуту представить, что в своем романе «Из тупика» он вывел бы образ адмирала Ветлицкого как человека честного и предельно лояльного большевистским идеям, то немедленно попал бы под уничижительный огонь официальных историков того времени, в распоряжении которых была вся партийная идеологическая машина. Дело в том, что профессора от советской истории 60-х годов рассматривали события на Мурмане в 1917—1918 годах исключительно с

точки зрения марксистско-ленинской теории классовой борьбы, в которой не существовало полутонов, а были лишь «свои» и «враги». Так как К.Ф. Кетлинский объективно не мог до конца считаться «своим», следовательно, он автоматически переходил в категорию «врагов», со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В этом случае молодого писателя просто бы уничтожили. А знаменитый роман, скорее всего, вообще бы не вышел из печати. В лучшем случае, он появился бы только в конце 80-х годов. Что касается Веры Кетлинской, то она, как всякая любящая дочь, также не могла быть до конца объективной.

Как мне кажется, все же Валентин Саввич относился к своему герою Ветлицкому куда более тепло, чем это ему приписывают хулители романа. Прочитайте еще раз внимательно роман «Из тупика», и перед вами предстанет образ Ветлицкого как образ высокопрофессионального флотского офицера, отчаянно ищущего свой личный путь в служении Отечеству и флоту в условиях революции и надвигающейся гражданской бойни. Автор явно сочувствует своему герою, откровенно противопоставляя мечущегося либерала Ветлицкого откровенному монархисту Веселаго. Увы, эта отчаянная попытка В.С. Пикуля обозначить литературный образ Кетлинского в рамках если не большевистских, то хотя бы демократических, к сожалению, никем так и не была замечена. Почему-то все исследователи творчества Пикуля игнорируют и тот факт, что писатель вообще первым прикоснулся к реалиям непростых событий на Мурмане в 1917—1918 годах, впервые рассказав читателю о Кетлинском, имя которого (как и имя его вечного соперника Колчака) вообще было до той поры под запретом. Уже одно это стоит многого!

Официальных историков не удовлетворила недостаточная контрреволюционность Ветлицкого в романе «Из тупика». Дочь адмирала, наоборот, возмутила его недостаточная революционность в том же романе. Истина, как известно, в большинстве подобных случаев лежит где-то посередине. Поэтому я придерживаюсь твердого мнения, что именно образ, созданный на страницах романа В.С. Пикулем, видимо, больше всего и соответствует реальному Казимиру Филипповичу Кетлинскому.

На страницах этой книги я постарался проследить жизненный и служебный путь этого весьма незаурядного человека, немало сделавшего во славу Отечества. Не его вина, что он оказался ввергнут вместе со всей страной в водоворот революции и стал одной из ее жертв. В чем-то мой герой искренне заблуждался, в чем-то просто ошибался, но в одном я абсолютно уверен — контр-адмирал Кетлинский был настоящим патриотом

Отечества, положившим на его алтарь свою жизнь. Мир его праху!

2012—2013 гг.

Москва—Домодедово

ИЛЛЮСТРАЦИИ

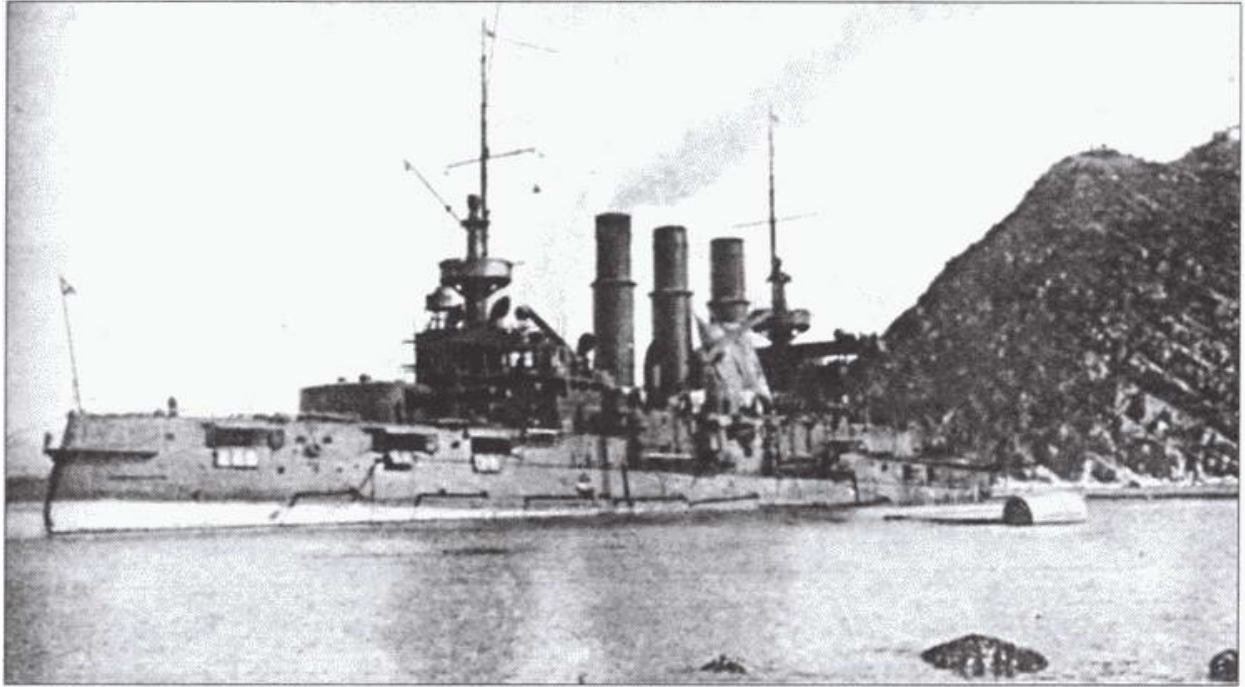
Гардемарин К.Ф. Кетлинский

Капитан 1-го ранга К. Кетлинский

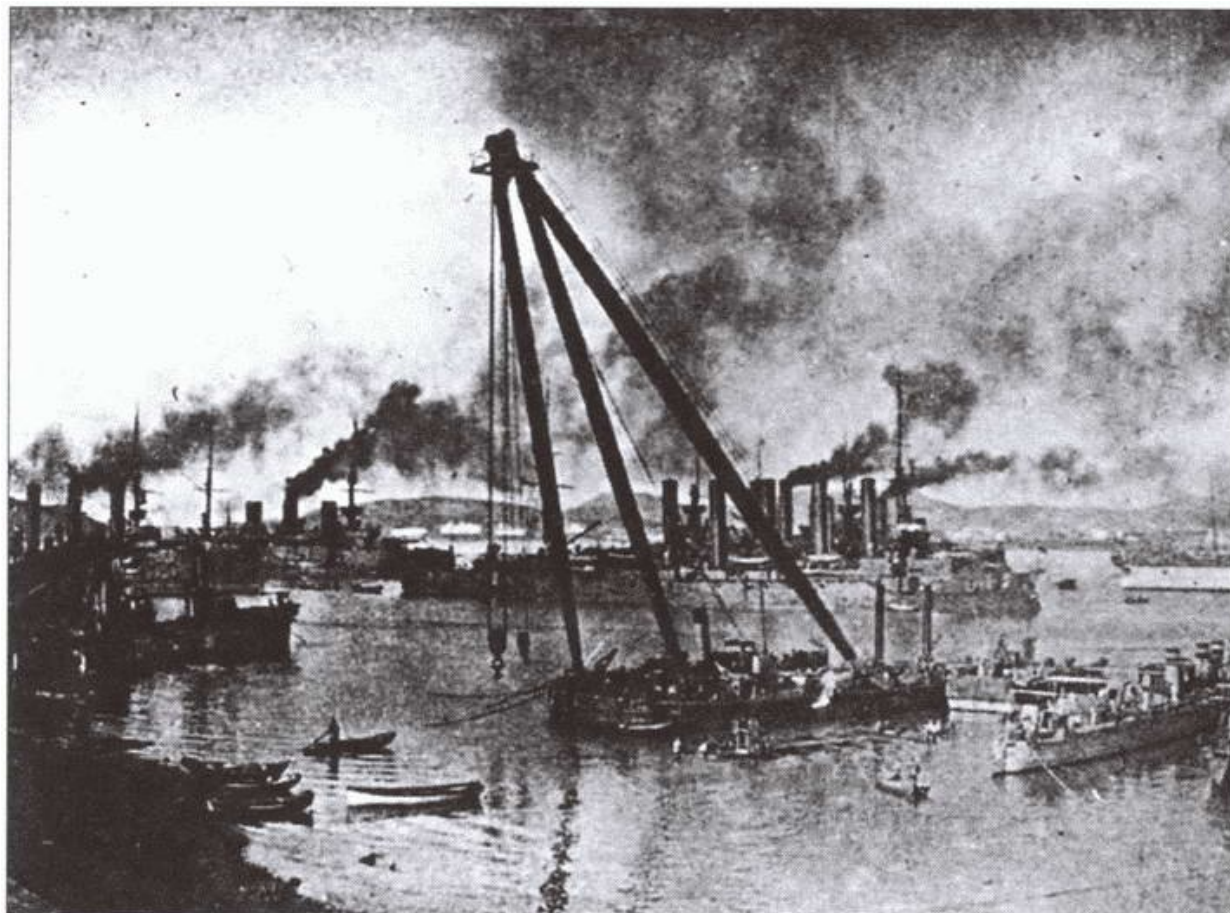
Контр-адмирал К.Ф. Кетлинский

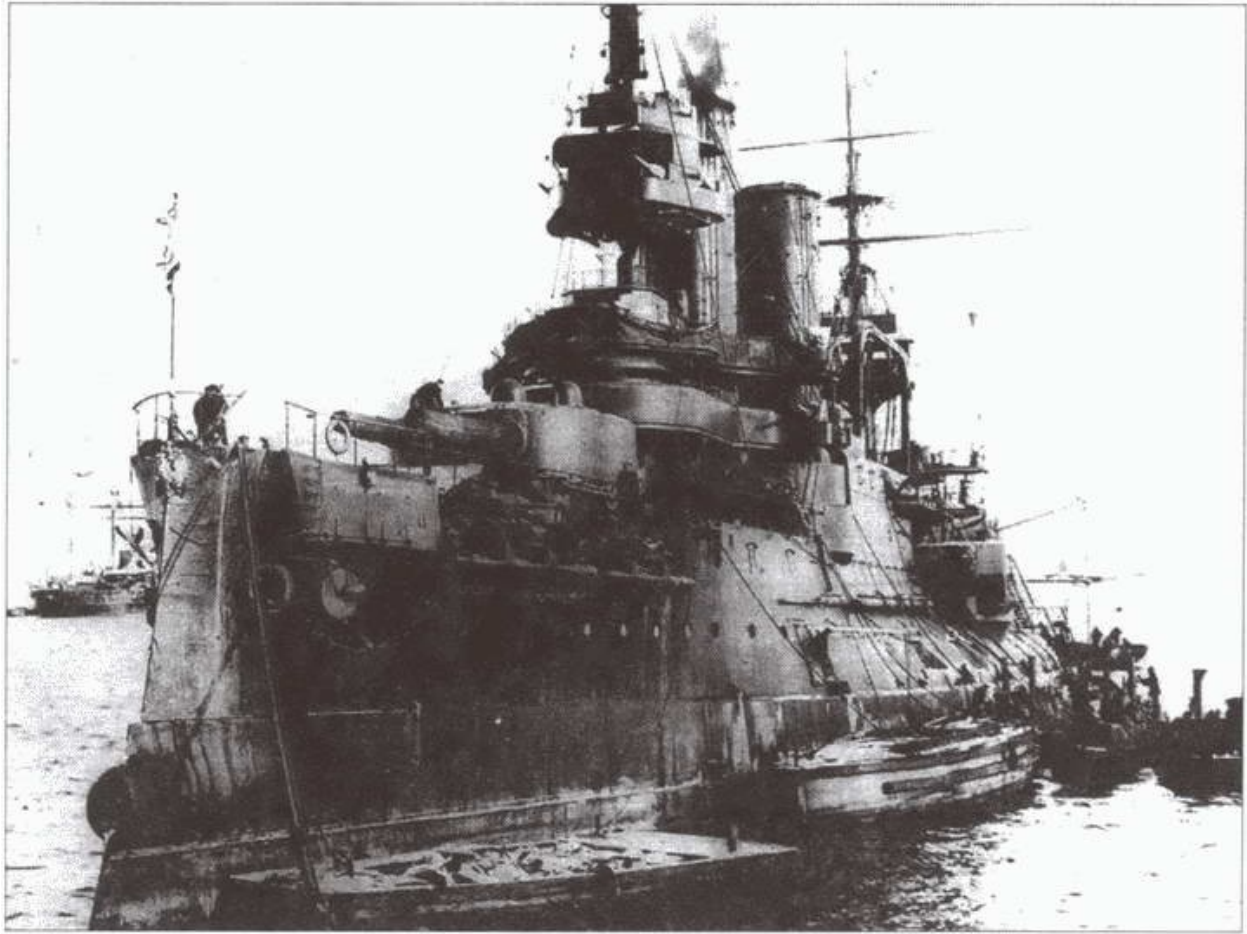
*Поврежденный броненосец «Ретвизан», приткнувшийся к мели на входе во внутреннюю гавань
Порт-Артура. 1904 г.*

Офицеры эскадренного броненосца «Ретвизан»

Внутренняя гавань Порт-Артура. 1904 г.

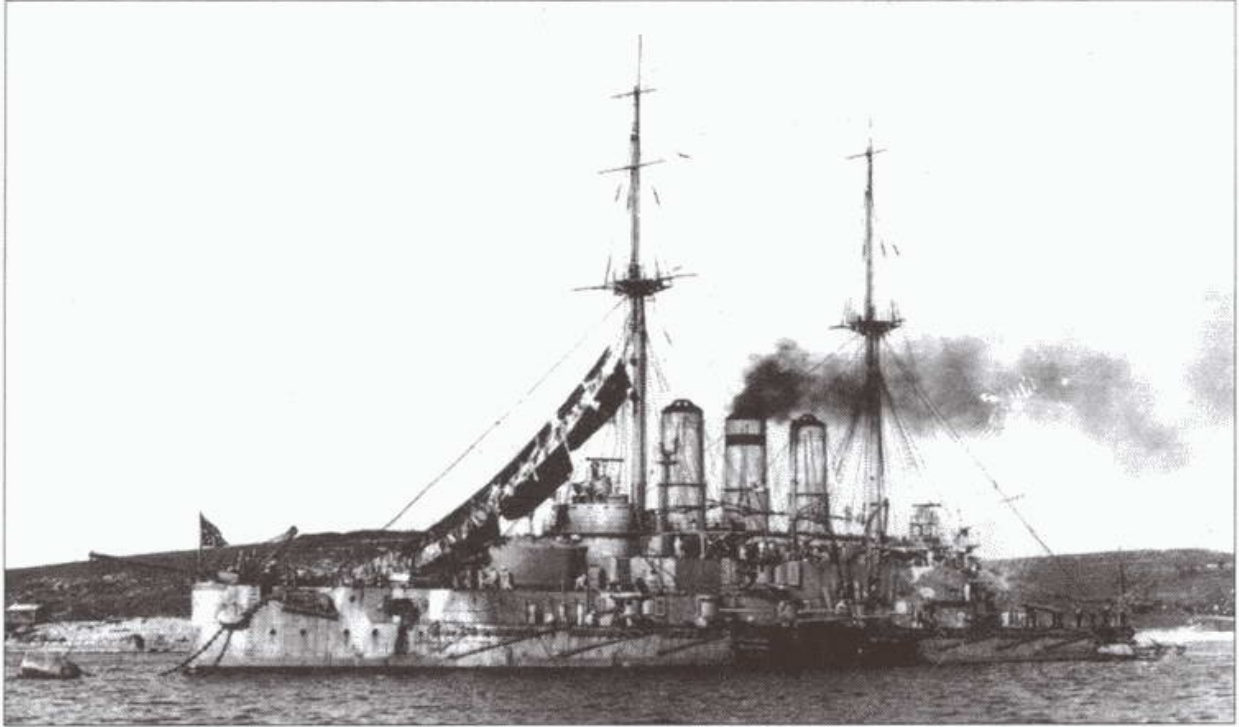
Эскадренный броненосец «Цесаревич» в Порт-Артуре

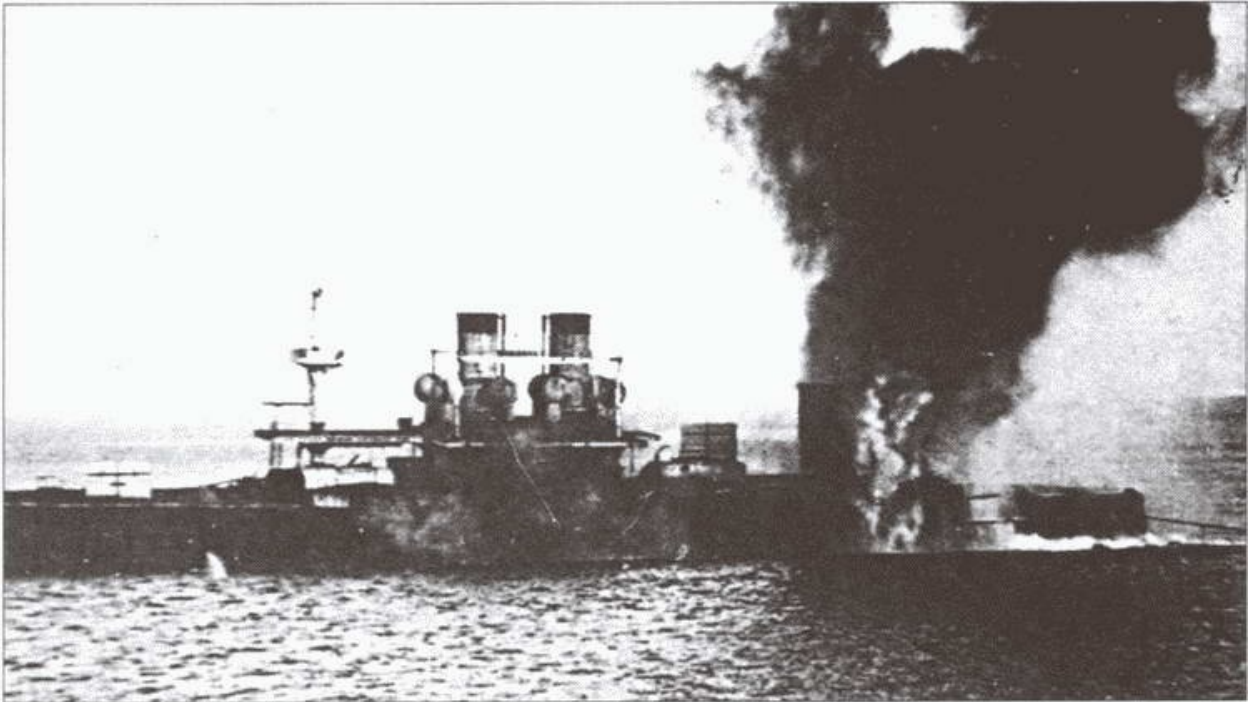
Офицеры «Цесаревича» и штаба эскадры в Циндао. лейтенант К. Кетлинский — второй слева в третьем ряду

Крест «За Порт-Артур», которым был награжден К.Ф. Кетлинский

Эскадренный броненосец «Иоанн Златоуст», на котором капитан 1-го ранга К. Кетлинский служил старшим офицером в 1909— 1910 гг.

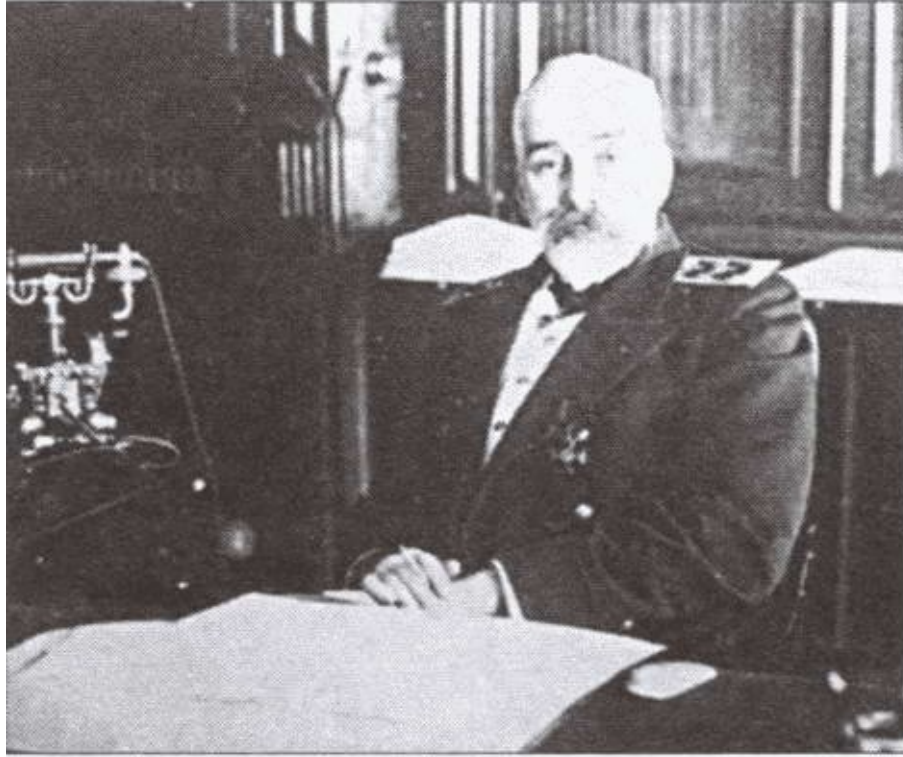
*Отработка системы централизованного эскадренного огня на старых кораблях отрядом
контр-адмирала Г.Ф. Цывинского*

С.О. Макаров

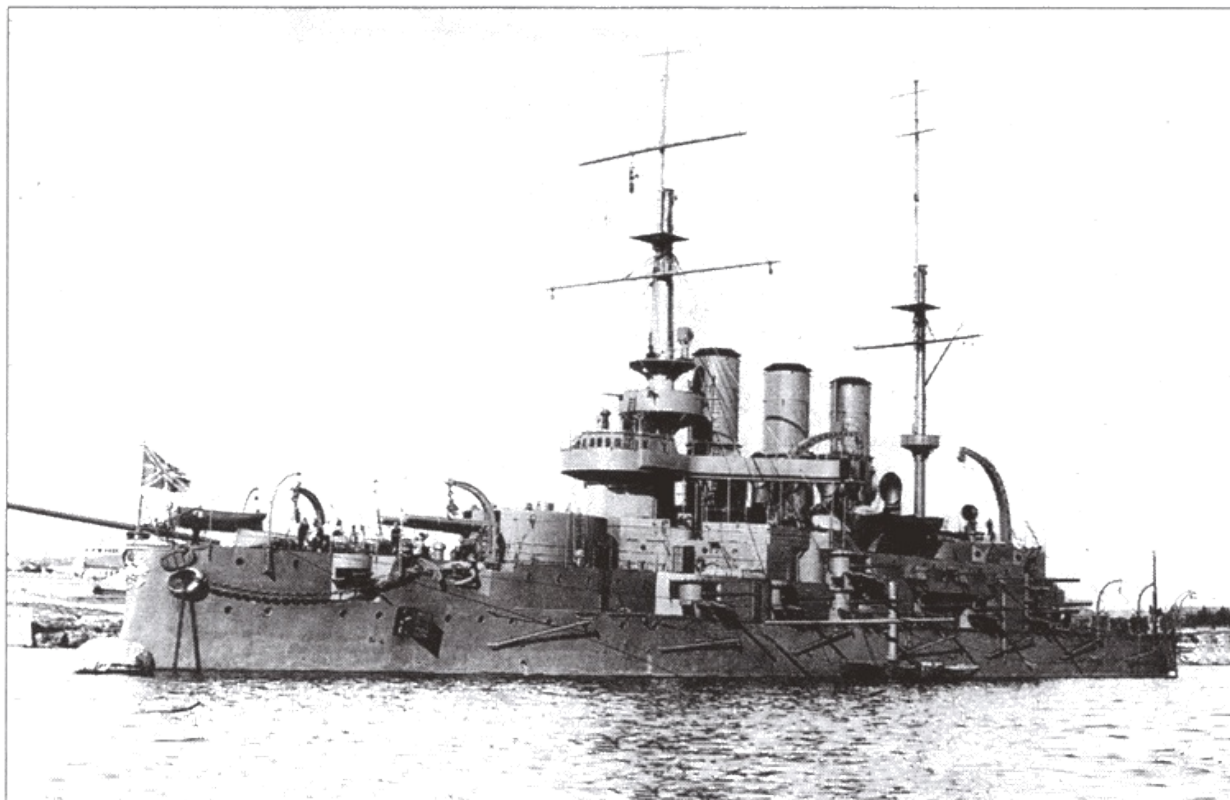
В.К. Вумзѣт

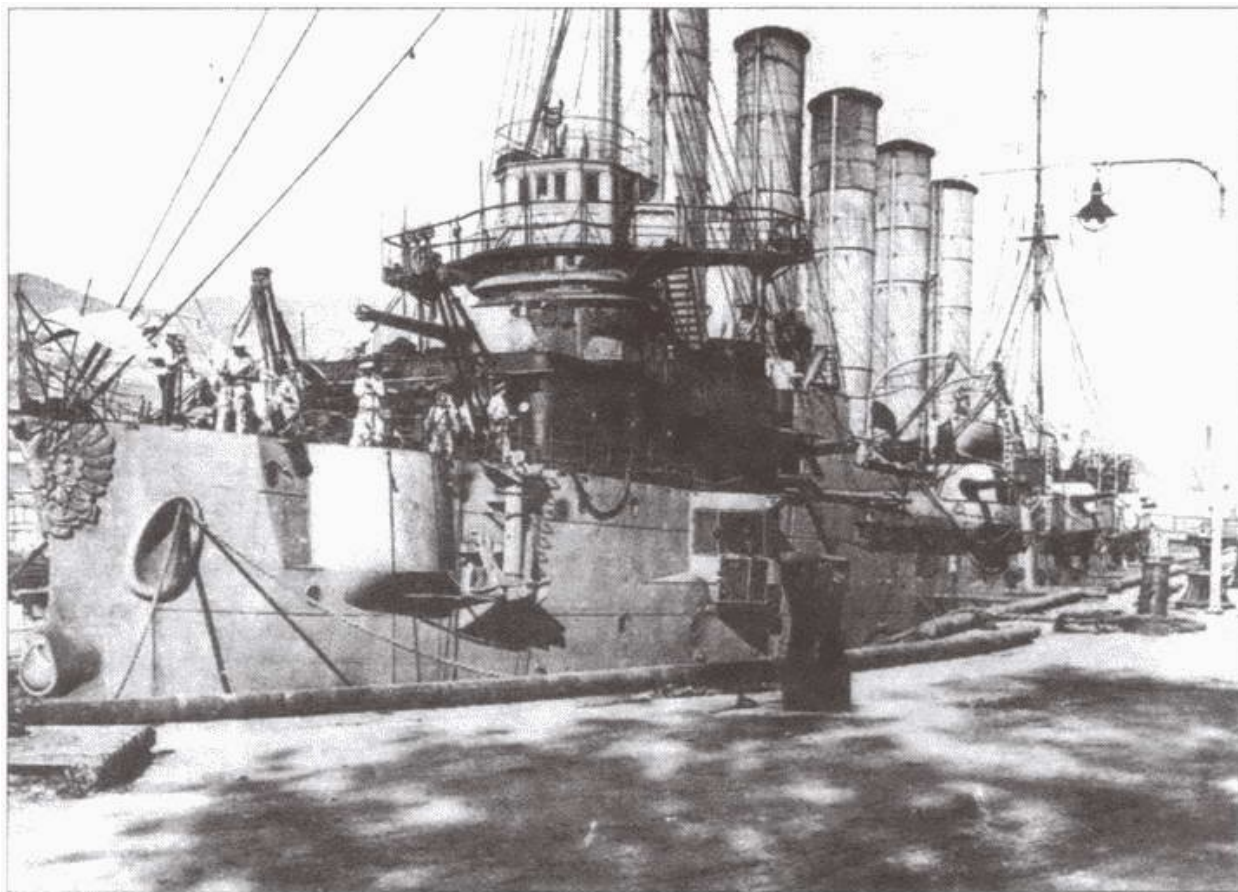
И.К. Григорович

А.В. Колчак

Флагман Отдельного практического отряда Черноморского флота броненосец «Пантелеймон»

Крейсер «Аскольд» в Тулонском порту. 1916 г.

Севастополь в 1914 г.

Морская летопись

Новая книга известного российско-го писателя-мариниста, капитана 1-го ранга В. Шигина посвящена событиям Первой мировой войны и 1917—1918 годов на Русском Севере. В центре повествования личность незаурядного флотского офицера контр-адмирала К.Ф. Кетлинского. До настоящего времени имя Кетлинского окружено завесой умолчания. И сегодня историки яростно спорят о роли Кетлинского в событиях 1917 года в Мурманске. Завесой тайны окружена и трагическая смерть контр-адмирала, как и предшествующая ей попытка взрыва крейсера «Аскольд» в Тулоне, имевшая трагические последствия для судьбы героя книги.

ISBN 978-5-4444-1769-0

9 785444 417690

